

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НЕФТЯНОЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Субхангулов Рустям Эрвинович

**ФЕНОМЕН ДОВЕРИЯ КАК ФАКТОР
СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

Специальность 09.00.11 – Социальная философия

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук,
профессор О.М. Иванова

Уфа – 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА ДОВЕРИЯ	18
§ 1.1. Понятие доверия в системе теоретического знания	18
§ 1.2. Дефицит доверия в социокультурной среде	39
ГЛАВА 2. ФЕНОМЕН ДОВЕРИЯ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	61
§ 2.1. Феномен доверия в контексте исторической эволюции	61
§ 2.2. Феномен доверия в аспекте современного общественного воспроизводства	81
ГЛАВА 3. ОБЩЕСТВО ДОВЕРИЯ КАК МОДЕЛЬ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА	102
§ 3.1. Социальный вектор современности и феномен доверия	102
§ 3.2. Доверие как фактор межиндивидуального взаимодействия	122
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	145
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	149

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность диссертационного исследования. Современная общецивилизационная действительность характеризуется рядом кризисных тенденций и значительной степенью напряженности. В отечественных условиях эти тенденции обретают свою специфику. Социально-политические и экономические трансформации современного российского общества последних десятилетий не привели к заложенным в них результатам. Преобразовательный потенциал был отчасти утерян. Нет смысла обсуждать вытекающие отсюда следствия – они многочисленны и всем известны; более важным представляется поиск выхода. Данная ситуация требует не только «негативного» подхода в виде объяснения причин и анализа предпосылок сложившегося неблагополучия, но и «позитивных» выводов в плане моделирования более совершенного социального устройства, необходимым элементом которого была бы гуманизация социальных взаимосвязей, в частности усиление значимости феномена доверия между людьми. Здесь на помощь как раз и должна прийти социальная философия, потенциал которой позволяет рассматривать данный феномен в качестве одного факторов, способных положительно воздействовать на общество как многоуровневую и многоаспектную систему социального взаимодействия.

Доверие, представляет собой существенный аспект естественной социальной коммуникации, обеспечивающий взаимопонимание, единство, согласованность и сотрудничество между индивидами, в особенности в условиях обновления социума. При этом, «это не разные не связанные друг с другом аспекты или проявления доверия в личности, а именно проявления целостной личности, проявления одного и того же феномена доверия в разных формах». Выражаясь специально-научным языком, значение доверия для субъекта доверия тем выше, чем меньше социальная

дистанция между ним и объектом доверия. Равно справедливо и обратное суждение: в случае укрепления доверительных отношений между участниками сокращается социальная дистанция. Таковы исходные аксиомы, на которых базируется истолкование феномена доверия в сфере социально-гуманитарного познания и которые никем не ставятся под сомнение. При этом, однако, необходимо признать, что, несмотря на большое количество социально-философских публикаций по проблематике доверия, анализ социокультурных характеристик последнего, а также исследование его значимости для понимания сути совершающихся социальных процессов не может претендовать на полноту.

Подобное положение вряд ли можно признать удовлетворительным. Социальная реальность непрерывно воспроизводит риски, которые накапливаясь, становятся все более значимым аспектом социального воспроизводства. Кризисные тенденции повсеместно нарастают в самых разных сферах современного общества, к которому, безусловно, следует отнести и Россию. При этом наряду с критикой, подчас чрезвычайно резкой, очень редко говорится о положительных тенденциях, об «общественном идеале», об образе желаемого будущего, очерчивание которого, пусть даже в самых общих чертах, просто необходимо, ибо, лишь отталкиваясь от него только и возможно осуществлять реальные улучшения. Вот почему теоретическая разработка проблематики феномена доверия вообще, и проблемы восстановления доверия как фактора существования современного социума в частности, видится нам крайне актуальной. Весомым шагом на пути решения данной проблемы является, на наш взгляд, углубленный социально-философский анализ влияния доверия на возникновение, протекание и результативность социального взаимодействия, включая исследование значимости данного феномена для оптимизации социальных процессов в целом. При этом под оптимальными мы понимаем условия и факторы, способствующие гармоничному раскрытию потенциала человека и в качестве неповторимой

индивидуальности, и в качестве участника процесса социального воспроизводства.

В основу настоящей работы положено материалистическое понимание истории, основанное на признании первостепенной значимости производственных и экономических факторов, которое с известными коррективами принимается всеми современными исследователями социально-философской направленности. Однако, по мере глобального социально-экономического развития, наряду с возрастанием базисных, экономико-производственных аспектов, усиливается значимость и факторов надстроечного порядка, связанных с внутрисоциальным взаимодействием, в том числе и с доверительными отношениями и феноменом доверия между людьми. В русле данной тенденции и выполнено данное исследование.

Степень разработанности проблемы. Анализ разнообразных работ социально-философской направленности показал, что тема доверия имеет глубокие корни в научно-гуманитарном познании, о чем свидетельствуют многочисленные публикации. При этом мы осознанно обходили стороной работы, посвященные анализу доверия как этической категории, концентрирующей исследование в основном на внутрииндивидуальных, психологически окрашенных аспектах межлических отношений. Для подобного подхода, где доверие рассматривается как сугубо нравственное понятие, есть серьезные основания, и тем не менее, содержание данного феномена представляется нам более фундаментальным, чем в этике, поскольку оно служит основой как отношений между людьми, так и существования человеческого социума как такового, то есть обладает весомым социально-философским потенциалом. Подобный подход подтверждается историей философской мысли и гуманитарного мышления в целом.

Реализация замысла диссертационного исследования предполагает прежде всего обращение к трудам представителей классической

философии. Хотелось бы особо отметить следующих теоретиков: И. Канта, в частности его работы по социально одобряемым нормам поведения и нормам нравственности; Г. Гегеля и его модель бытия во всех его проявлениях, уровнях и стадиях развития; Л. Фейербаха за его попытку переосмыслить сущность христианства как наиболее личностной, гуманистически насыщенной из всех форм религии; Х. Ортега-и-Гассета и его исследования социальных проблем массового общества и кризиса общественных отношений; Л. Шестова и его вклад в изучение многообразия социальной действительности и трагизма человеческой бытия; Н.А. Бердяева и его работы, посвященные свободе человека и творческому началу в нем.

Проблематика доверия и его социальной значимости прослеживается в работах М. Бубера, М.Т. Андрюшенко, Б.П. Вышеславцева, С.Л. Франка посвященных религиозной сфере, и акту веры. Необходимо отметить философско-психологический подход к рассмотрению доверия как социальной формы, обладающей теоретико-практической спецификой: данный подход берет начало в работах, посвященных интенциональности (Ф. Brentano, К. Штумпф, Э. Гуссерль, А. Мейнонг, М. Шелер, М. Хайдеггер). Следует отметить также работы современных представителей философии и философского психоанализа П.С. Гуревича, А. Герреса, П.П. Гайденко, М. Мамардашвили, Б. Рассела, Э. Фромма по вопросам человеческой субъективности, персоналистической традиции, модусов человеческого существования, а также психологии групп и проблемы социальной деструктивности.

Социально-философская интерпретация доверия как основы общения и коммуникации (Ю. Хабермас, К. О. Апель, В.И. Гладышев) связана с эвристической теорией социальной эволюции, основы которой были заложены в трудах М. Вебера и Т. Парсонса. В исследованиях этого рода анализируется влияние intersubjectивной коммуникации на индивидуальное сознание и отстаивается точка зрения, согласно которой

анализ доверия в новейших условиях более не является философски автономным, но должен постоянно находить подтверждение в полемике с другими научными дисциплинами. Определенное влияние имеют социально-философские взгляды на доверие как форму выражения организационной сути и структуры современных обществ (М. Эндресс, Э. Гуссерль). При этом отмечается, что сущность доверия зависит от того, в каком контексте изучается данный феномен. Здесь с целью конкретизации содержания вводится понятие *действующего доверия*, поскольку индивиды непрерывно проявляют себя в качестве активных участников социального взаимодействия. В целом вся группа данных работ дает основания понимать доверие как основополагающую форму всеобщего человеческого отношения, вбирающего в себя модификации в виде *традиционного и рефлексивного доверия*.

Ряд исследователей, таких как М. Хартман, Ф. Петтит, У.Б. Кассебаум, обращают внимание на многообразие подходов к рассмотрению доверия, хотя прицельному рассмотрению они подвергают и раскрывают только узкую область этого феномена: исследователи склоняются к мнению, что доверие есть антропологически укорененная потребность в признании или уважении другими индивидами.

Значительный вклад в социально-философское развитие проблемы внесли классики социологии, в чьих трудах по анализу обществ традиционного и современного уклада (Ф. Тённис) были заложены концептуальные основания для анализа *индивидуального и обобщенного доверия*. В том числе, было установлено (Г. Зиммель) господство в традиционных обществах моральных и социальных императивов, основанных на постулатах божественности, которые и выступают здесь в качестве источника доверия. Для понимания доверия как фактора социального взаимодействия особо хотелось бы отметить значимость интерпретирующего подхода к проблеме социального действия (Э. Гидденс, В.Е. Кемеров), позволяющего установить цель и смысл

происходящего с точки зрения участников отношений. В своих известных исследованиях М. Вебер на примере протестантских реформаций, поощрявших честность, взаимность и доверие, продемонстрировал влияние доверия на становление западного капитализма. Задача открытия структурной значимости социальных фактов нашла свое выражение у Э. Дюркгейма в исследовании солидарности как продукта взаимной потребности. Безусловной значимостью обладают работы классиков марксизма К. Маркса и Ф. Энгельса, хотя тема доверия присутствует у них скорее имплицитно, как необходимый фермент предсказывавшегося ими будущего «коммунистического» устройства. Благодаря всем этим исследованиям была определена четкая функциональная связь между доверием и такими характерными чертами органической солидарности как интегрированность и взаимозависимость, а также специализация и кооперация.

В контексте решения проблемы социального порядка (Т. Парсонс) доверие получило интерпретацию в связи с социальной координацией индивидуальных мотиваций с акцентом на вероятный деструктивный характер их проявления. Изучение ролевых отношений, власти и законности, а также коллективных ценностей и взаимоотношения сложных социальных организаций (Дж. Хоманс, П. Блау) позволили определить значение доверия как источника качественных изменений в организациях, обладающих формальной структурой и тенденции их развития. Также к их заслугам необходимо отнести изучение поведения индивидов в соответствии с психологическим состоянием, а именно сплоченность для образования и поддержания стабильности социальных структур. Кроме того, концептуализацию человеческого поведения как обмена вознаграждениями и наказаниями.

Среди отечественных социально-философских изысканий хотелось бы отметить Т.И. Заславскую, В.В. Радаева, Р.В. Рывкину, А.А. Тараданова, В.А. Ядова и других в значительной мере способствовали

изучению доверия в контексте повседневных социальных практик. Например, И.К. Владыкина, Г.М. Заболотная, С.Н. Плесовских определяют доверие как родовую основу социальности. В отдельный блок можно выделить работы А. Алексеевой, С.Ю. Барсуковой, А.А. Павлова, А.Н. Райка, В.О. Рукавишникова углубленно рассматривающих межличностное доверие и доверительный аспект коммуникативных практик. В целом отечественные социально-философские разработки конкретизируют характеристики, отражающие многоаспектность и полифункциональность доверия в социуме. Отечественное социально-философское сообщество сходится во мнении относительно низкого уровня доверия в современном российском обществе, что в свою очередь существенно тормозит позитивные качественные изменения последнего.

Доверие в структуре повседневных взаимодействий получила достаточную проработку в рамках драматургического подхода (Э. Гофман). В фокусе исследования здесь находится смысловой аспект коммуникации, отражающий отношение между формой сообщения и его смысловым содержанием. При этом основной проблемой становится конструирование ролей индивидами, ее воспроизводство и трансформация, а также возникающие при этом ошибки, ситуации двусмысленности и неопределенности. Свообразным продолжением данных идей являются работы, посвященные выявлению механизмов формирования солидарности в контексте правовой системы общества (Д. Гамбетта). Подобные исследования расширяют понятие символа, акцентируя внимание на ситуации неопределенности и ограниченности возможностей проявления доверия между участниками взаимодействия. Управленческий аспект нашел отражение в работах С. Роуз-Аккерман, Э. Ульман-Маргалит в связи с фактами злоупотребления властными полномочиями в угоду личным интересам и связанным с этим кризисом доверия.

В ряде социально-философских исследований (П. Бурдье, Д. Данкин, А.Т. Коньков, Дж. Коулман) доверие рассматривается как одна из форм

социального капитала, обладающая способностью распространять знание и содействовать координации и сотрудничеству. Кроме того, отмечается, что в ряде ситуаций доверие обладает способностью замещать недостающие факторы производства, обеспечивая единство смыслов и интерпретации сведений.

В данном обзоре нельзя не упомянуть другое направление социально-философских исследований феномена доверия на Западе, основы которого были заложены трудами Т. Веблена, Дж. Коммонса и продолжены Д. Нортон и Дж. Ходжсоном. В их работах дается критический анализ концепции методологического индивидуализма и проблем максимизации рационального поведения агентов экономических отношений. Доверию отводится существенная роль в формировании ожиданий, соответствующих реальным условиям общества с акцентом на предсказуемость деятельности.

Отечественное институциональное направление представлено в первую очередь А. Аузаном, Г. Клейнером, Р. Нуреевым, которые, изучая институциональные проблемы эффективного государства, отмечают что решение многих насущных проблем современности невозможно без объединения усилий участников сообщества, которое в свою очередь трудноосуществимо без расширения каналов доверия.

Во второй половине XX века возросло влияние социально-философских разработок в области компаративной транзитологии, глобализации и модернизации, среди которых наиболее известны труды М. Кастельса и Дж. Арриги. В их работах проводится анализ перспектив воспроизводства социального порядка в условиях фундаментальных цивилизационных процессов, детерминированных принципиально новой ролью информационных технологий в современном мире.

В настоящем исследовании автор стремился учесть все многообразие точек зрения на феномен доверия, учитывая его многоаспектность, виртуальность (трудноуловимость) и сложноизмеримость. Проведенный

анализ социально-философской литературы по теме диссертационного исследования показал, что, несмотря на большое количество публикаций, проблема доверия все-таки не получила достаточного освещения в плане гармонизации процессов социального воспроизводства и повышения социальной эффективности общественных систем. Теоретические построения многообразны по методологии и по направленности подходов, они зачастую опираются на различные основания, которые исследуют феномен доверия в противоположных аспектах. Но при всем их несовпадении общим для всех проведенных работ является акцент на социально-групповом аспекте исследования, либо вообще оставляющим индивида в стороне, либо берущим феномен доверия как данность, как некий неизменный фактор. Нам же в настоящей работе хотелось бы акцентировать внимание именно на индивиде, поскольку именно в нем, как в деятельном источнике, коренится доверие во всей своей многогранности. Иными словами, предметом рассмотрения сделан не только социум, но и человек как элемент, активно включенный в социальное взаимодействие, что, как нам представляется, позволяет раскрыть динамику феномена доверия. К тому же именно ориентированность на человека, а не группу как было прежде, в условиях традиционности, является специфической чертой современного общества. Указанные обстоятельства и определили подход, методологию и разработку темы исследования.

Объектом исследования является общество как система воспроизводства социальности, обусловленная совокупностью межгрупповых и межиндивидуальных взаимодействий людей.

Предметом исследования выступает доверие как фактор социального взаимодействия.

Целью диссертационного исследования является раскрытие роли доверия как фактора, способствующего установлению сбалансированных,

гармоничных отношений в современном обществе и тем самым созданию условий для оптимального общественного воспроизводства.

Достижение цели диссертационной работы предполагает решение следующих исследовательских *задач*:

1. Выявить существенные характеристики феномена доверия как фактора социального взаимодействия и предмета научно-теоретического осмысления.

2. Охарактеризовать современное общество с учетом значимости феномена доверия в процессе социального воспроизводства.

3. Определить специфику возникновения и функционирования конкретных форм проявления феномена доверия в общеисторическом процессе.

4. Обозначить формы доверительных отношений, характерные для современного социума.

5. Выявить основания возникновения и развития доверительных отношений между основными участниками социально-экономических отношений в современном обществе.

6. Определить предпосылки формирования доверительных отношений как фактора оптимизации социального воспроизводства в общемировых и отечественных условиях.

Источниковая база. Теоретической и эмпирической базой исследования послужили работы классиков отечественной и зарубежной философии, современных исследователей в области социальных наук (Н.А. Бердяев, М. Вебер, Ю.В. Веселов, Г. Гарфинкель, Г. Гегель, Э. Гидденс, Р. Дарендорф, Э. Дюркгейм, Г.М. Заболотная, В.Е. Кемеров, П.М. Козырева, И.С. Кон, С.Н. Некрасов, Т. Парсонс, В.В. Радаев, В.А. Рыбин, А. Селигмен, П. Сорокин, Ю. Хабермас, П. Штомпка), включая литературу по символическому интеракционизму Ч. Кули, Г. Зиммель, Г. Блумер, Дж. Г. Мид, И. Гоффман, социальному конструкционизму П. Бергер, Т. Лукман, а также исследования, посвященные анализу феномена риска З. Бауман,

А.П. Бандурин, Ю.Г. Волкова, М.К. Горшков, В.Е. Золотухин, Н. Козлова, С. Латуш, М.Б. Маринов, В.Н. Шевелев, В.Г. Федотова.

Теоретико-методологическую основу диссертационного исследования составляет комплекс подходов, обеспечивающих полноту и глубину социально-философской проработки обозначенной темы. В первой главе мы воспользовались сочетанием диалектического и системного подхода (в интерпретации Г. Гегеля, В.Н. Садовского и Э.Г. Юдина), преследующие целью понимание объекта исследования в его целостности, и раскрытие механизмов ее обеспечения, а также выявление многообразных типов связей такого многоаспектного феномена как доверие и сведения их в единую теоретическую картину. Во второй главе мы обратились к историко-генетическому подходу (в версии М. Вебера, К. Маркса и Д.И. Ковальченко), позволяющему проследить формирование и развитие феномена доверия в обществе на разных его стадиях, изучить преемственность, связи нового со старым, а также повторяемости на новых стадиях развития некоторых свойств предшествующих состояний, которые оцениваются в контексте философского понимания изменений. В третьей главе были использованы методы и процедуры, предусмотренные структурно-функциональным подходом (в понимании С.Ф. Анисимова и В.А. Мансурова) и ориентированные на оценку количественных и качественных изменений и диагностику переходных состояний, приводящих к появлению нового качества современного социума. Наши усилия были направлены на выявление и анализ внутренних источников и механизмов развития, связанных со структурно-функциональными особенностями объекта и определением внутренних оппозиций, существующих в современном российском обществе.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

1. Определено место феномена доверия в структуре социально-философского знания. Предложено объяснение доверия как элемента

социальных отношений, проявляющегося в ситуациях, когда имеется возможность отклонения от установленных ролей, в случае открытого пространства ролей и ролевых ожиданий.

2. Раскрыто функциональное влияние доверия на систему общественных отношений. Обосновано, что доверие обладает значимостью не только для непосредственных участников взаимодействия, но и для всей социальной среды, в контексте которой это взаимодействие происходит.

3. Определены специфические особенности проявления доверительных отношений на разных стадиях глобального культурно-исторического развития. Выявлена общеисторическая оптимизирующая тенденция, которая характеризуется повышением значимости доверия для межличностных отношений.

4. Обосновано положение об исключительной значимости доверия для функционирования человека как индивида и как агента групповых отношений на современном этапе развития общества. Эта значимость связана с неэффективностью социальных регуляторов традиционного типа для решения имманентных человеку экзистенциальных проблем при отсутствии адекватной функционально-регулирующей замены.

5. Представлена теоретическая модель общества доверия, способная отразить особенности функционирования социума с учетом доверительного климата. Отмечены обрисовывающиеся при этом перспективы роста материального благосостояния, духовного благополучия и социальной стабильности, достигаемые благодаря атмосфере взаимной доверительности и общности интересов.

6. Обосновано положение о повышении принципиальной значимости доверия как фактора оптимизации процессов социального взаимодействия в современном обществе. Рассмотрены два аспекта подобного позитивного воздействия – индивидуальный и коллективный.

Положения, выносимые на защиту:

1. Доверие как комплексный элемент социального взаимодействия предполагает интерпретацию в контексте, охватываемом категориями веры, солидарности, социального капитала, риска и неопределенности, которые сопровождают повседневные социальные практики, реализуемые индивидами в совокупном процессе воспроизводства социальности.

2. Функциональное значение доверия для современного общества разворачивается в трех плоскостях. На первом уровне осуществляется разграничение двух сторон: наделение доверием и оказание доверия. На втором происходит разнесение функции доверия по участникам социального взаимодействия согласно правилам сообщества, в рамках которого данное взаимодействие осуществляется. На третьем уровне доверие личности, наделенной доверием, отделяется от доверия личности, доверием наделяющей.

3. Исторический процесс развития общества сопровождается повышением значимости доверия в структуре социальных отношений вообще и социального действия в частности. Если на ранних стадиях развития общества данный феномен компенсировался фундаментальными особенностями устройства социума и заменялся традиционными формами отношений, то в современности фактор доверия эксплицируется и возрастает в своей значимости, а в перспективе ему будет отведена ключевая роль в функционировании общества.

4. Растущая неопределенность и размывание перспектив будущего, размывание прежние социальных границ и множественность возможных исходов социального развития превращают современность в общество риска, до предела обостряя экзистенциальные проблемы человека. Существование современного индивида утрачивает предсказуемость: он пребывает в некоем подобии непрерывно

продолжающегося жизненного эксперимента с последствиями, которые слабо поддаются прогнозированию и чреваты угрозами.

5. Предложенный вектор теоретического рассмотрения социальных тенденций современности с точки зрения концептуальной модели общества доверия открывает реальные перспективы управленческого воздействия на глобальные процессы посредством «мягких» (эволюционных, «естественно-социальных») мер и приемов.

6. Доверие как фактор социального взаимодействия содержит значительный позитивный, оптимизирующий потенциал, который может быть реализован на двух уровнях: индивидуальном и общественном. На первом уровне это выражается в снижении индивидуальной, межличностной и, как следствие, общесоциальной напряженности с перспективой повышения качества развития всей культуры. Воздействие на социум в целом выражается в росте общественного благосостояния и социально-экономической стабильности.

Теоретическая значимость. Диссертация является опытом использования системного подхода, направленного на уточнение теоретико-методологического пространства социально-философского знания о доверии как одном из феноменов общесоциального порядка. Полученные в ходе исследования результаты способствуют углубленному осмыслению феномена доверия как значимого фактора социального взаимодействия и его оптимизации. Концептуализирована взаимосвязь доверия и процессов поиска наиболее благоприятных условий для раскрытия человеческого потенциала на индивидуальном и групповом уровне, что позволяет расширить горизонты понимания сути и тенденций преобразований, совершающихся в современном обществе.

Практическая значимость. Выводы диссертационного исследования могут быть использованы при разработке проблем, связанных с оптимизацией функционирования современного социума посредством расширения теоретических представлений о роли доверия в процессе

воспроизводства общества с целью совершенствования соответствующих практических мероприятий. Основные положения проведенного исследования могут найти применение в ходе принятия управленческих решений, способных обеспечить безопасное и эффективное развитие современного социума с последующей ликвидацией основных кризисных тенденций. Практическая значимость настоящей работы также обосновывается возможностью использования ее результатов при составлении и преподавании учебных курсов по социальной философии, социологии и смежным гуманитарным дисциплинам.

Апробация работы. Материалы диссертационной работы докладывались и обсуждались на международных, федеральных и региональных конференциях: 5-я Международная научно-практическая конференция «Мировая наука и современное общество: актуальные вопросы экономики, социологии и права», Саратов, 2014 г.; III Международная научно-практическая конференция «Социально-экономические проблемы современного общества», Прага-Белосток-Пенза, 2013 г.; Международная конференция «XI Всероссийский конкурс молодых ученых им. Кареева», Москва, 2013 г.; III Международная научно-практическая конференция «Общество, культура, личность. Актуальные проблемы социально-гуманитарного знания», Прага, 2013 г.; III Международная научно-практическая конференция «Личность, общество, государство, право. Проблемы соотношения и взаимодействия», Прага, 2013 г. Основные результаты диссертационного исследования отражены в 13 публикациях автора общим объемом 5,24 п.л., в том числе в пяти статьях в рецензируемых научных журналах.

Структура работы выстроена с учётом цели исследования и логики её достижения. Диссертационная работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы. Её содержание изложено на 167 страницах текста.

ГЛАВА 1. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА ДОВЕРИЯ

§ 1.1. Понятие доверия в системе теоретического знания

Современная действительность ставит перед человечеством множество непростых задач. От их решения зависит как успешность социальных преобразований, так и стабильность функционирования цивилизации. В попытке смягчить противоречия, научное сообщество все чаще обращает внимание на неявные, неосознанные структуры, участвующие в процессах человеческих взаимодействий. Концептуальные схемы и теории, описывающие социальные отношения, выдвигают на первый план различные феномены. Среди них особого внимания заслуживает доверие.

За последние десятилетия были предприняты многочисленные попытки раскрытия сущности доверия в исследованиях различной направленности. Некоторые из них достаточно успешно устанавливают причинно-следственные отношения между феноменом доверия и аспектами социальной, экономической, политической и иных сфер жизни общества. Во многом это связано с тем, что доверие является значимым элементом всех видов устойчивых общественных отношений. Вместе с тем, данные исследования зачастую носят достаточно фрагментированный характер. Доверие определяется как базовая социальная ценность: так устроен человек. Для того чтобы осуществлять будничные социальные практики и воспроизводить социальную реальность, человеку необходимы ценностно-смысловые ориентиры, позволяющие оценивать свои действия и соотносить их с ожиданиями и действиями других людей. И процесс этот носит перманентный характер. Такой подход сам по себе далеко не

является новым, и в научном сообществе имеет значительную проработку. Однако важно понимать, что доверие не рассматривается исследователями в «чистом виде», поскольку в этом отношении оно не обладает большой научной ценностью. Мы говорим о том, что доверие к человеку, к организации или иной общественной системе, несмотря на возможное единое начало, имеет существенные различия в отношении конечного воздействия на поведение человека. И различия эти выражаются в виде специфических «примесей» психологии, социологии или этики в исследованиях доверия даже в пределах одного научного направления. Концентрация и направление подобных включений определяется убеждениями исследователя. Например, этика рассматривает свои явления через духовность, через категории внутреннего мира, а психология фокусируется на отдельном индивиде. Тогда можно задаться вопросом, что есть чистое доверие? Возможно, это вера. С другой стороны, мы вполне можем допустить, что именно такие включения и позволяют ощутить и опознать доверие, и без них само его понятие было бы незначительным. Так или иначе, мы слишком далеко уходим от заявленной темы исследования.

В рамках настоящей работы и категорий социальной философии, нам необходимо рассмотреть внешнюю по отношению к акту социального взаимодействия среду. То есть, взять проблему в аспекте межиндивидуального взаимодействия. С позиций социальной философии имеются основания говорить, что, абстрагируясь от частных проявлений, мы фокусируемся на потребностях индивида в устойчивых стабильных структурах, построенных на чувстве взаимного доверия, что лежит в основе социальности общественных отношений. Индетерминизм отношений между социальными агентами, между целями социальной деятельности, равно как между актерами и ресурсами деятельности, несмотря на универсальность многих взаимозависимостей, приводит к значительным затруднениям на пути предсказания общественных

изменений. В этой связи, любая попытка построения ценностно-символической системы социального взаимодействия непременно должна быть основана на воспроизводстве стабильных доверительных отношений между социальными субъектами. Согласно мнению В.Е. Кемерова, специфика доверия обостряется в связи с тем, что когда-то в прошлом философия разделилась на две ветви: объясняющую социальный процесс по естественнонаучному типу и постигающую человеческое бытие в духе гуманитарного познания [65, с.31]. Поэтому характерной особенностью доверия как феномена социальной реальности является то, что оно одновременно сосуществует в двух областях: как черта присущей людям индивидуности, и вместе с тем, характеристика внешней социальности.

Учитывая данные обстоятельства, в рамках настоящего исследования представляется методологически-значимым рассмотрение места категории доверия в системе социально-философского знания. Хотим отметить, что наше понимание содержания понятия доверия в определенной степени сложилось под влиянием философского метода диалектики в интерпретации Г. Гегеля. Философ отмечает, что все конечное и завершенное, вместо того чтобы быть неизменным и окончательным, по своей природе, наоборот изменчиво и неопределенно. Ввиду того, что, будучи в своей самости иным, оно превосходит свои пределы, по существу переходя в свою противоположность [29, с.206]. Именно динамика перемен и ее социально-историческая обусловленность, по нашему убеждению, помогут раскрыть содержание исследуемого понятия.

К слову, в социально-философской литературе существует достаточное количество определений доверия. Некоторые из них достаточно лаконичны. Например, Г. Гарфинкель, в работе «Концепция и экспериментальные исследования доверия как условия стабильных согласованных действий» [9, с.136] предполагает, что люди доверяют друг другу, если «их трактовки межличностных сред регулируются конститутивными ожиданиями». Другие более развернуты, например, как

в работах Ф.Н. Ильясова: «доверие – это совокупность представлений и настроений субъекта, отражающая его ожидания того, что объект будет реализовывать некоторые функции, способствующие увеличению или сохранению ресурсов субъекта и проявляющаяся в готовности субъекта делегировать объекту реализацию этих функций». В свою очередь мы склоняемся к определению, данному П. Штомпкой: «доверие – это ставка в отношении будущих непредвиденных действий других людей» [153, с.111]. Оно в необходимой мере ориентировано на действия людей, предполагает ожидания и подчеркивает неопределенность исхода событий.

Необходимо изначально отметить, что изучение данного вопроса в социально-философском аспекте связано с определенными трудностями, поскольку, в практике повседневных социальных отношений, доверие остается явлением подразумеваемым, т.е. априорно сопровождающим взаимодействие людей друг и с другом, и с социальными конструкциями. В этой связи нам достаточно сложно говорить о наличии явных символических структур или действий, повторяющихся на вербальном, или ином уровне, свидетельствующих о некотором уровне доверия в конкретно взятом сообществе. Поэтому в большинстве случаев вычлнить доверие из структуры социальных отношений достаточно непросто.

Ввиду указанных обстоятельств, настоящее исследование необходимо начать с предложения обновленной систематизации социально-философских представлений о доверии. Исследования, касающиеся доверия имеют довольно глубокие корни, уходящие вглубь Европейской философской традиции. Начиная с сочинений Г. Гроция, Дж. Локка, Д. Юма и И. Канта честность, обязанность исполнения обещаний и уважения к изъявлению воли другого, становится значимым пунктом политической теории. Для Г. Гроция обязанность исполнять обещания, была элементом естественного права. И. Кант считал, что: «категорический императив исполнять обещания был тем, что объединяет нас в моральное сообщество, что само по себе служит тканью, из нитей

которой соткано взаимное уважение между членами морального сообщества» [63, с.212]. Выполнение обещаний, таким образом – это то, что, позволяет создать моральное сообщество. И если для Дж. Локка «соглашения, обещания и присяги являются путями, берущими свою силу во Всемогущем Боге», то для Юма они – одна из трех «хитростей общества», необходимых для его устройства. Это уже не божественные повеления, но «основанное на правилах или соглашениях принятие обязательств, выходящих за рамки семейных и дружеских уз, в отношении тех, к кому мы не питаем «истинной доброжелательности». Вместе с тем, в настоящей работе мы изначально стараемся обособить изложение нашего представления от этических и моральных исследований.

С позиций социальной философии, значение, придаваемое доверию и выполнению обещаний в трудах Дж. Локка, Д. Юма и И. Канта представляется нам поиском фундаментальных основ социального порядка, того, что можно определить, как институциональный или системообразующий компонент, конституирующий акты обмена в новых условиях. При этом идеи о договорных началах, т.е. о необходимости правил, которые сами не являлись бы предметом договора, но способных упорядочивать взаимоотношения участников рынка, обеспечивать исполнение условий соглашений, по сути дела представляет собой доказательство того, что условия доверия в обществе опосредуют свободный обмен ресурсов в обществе [63, с.271]. Таким образом, доверие выполняет в обществе ограничительную в отношении свободного доступа к ресурсам функцию, реализуемую посредством таких механизмов, как упомянутое выше создание общественных благ или общественное распределение частных благ. Эти механизмы сами частично структурированы условиями, границами и конкретным содержанием доверия и солидарности в обществе.

Вместе с тем, в социально-философском аспекте достаточно продолжительное время изучение доверия было тесно связано с

многогранным понятием веры, начиная от религиозного содержания, заканчивая интерсубъективным. По мнению ряда исследователей, понятие веры для доверия является родовым. В этом отношении, значимые результаты были достигнуты представителями религиозной философии. Имея в своем основании фундаментальные духовно-нравственные начала, присущие православию, исследователи отмечали, что вера является важнейшим феноменом духовного мира человека. В данном контексте вера находит определение как глубинное внутреннее согласие с некоторыми представлениями или взглядами. Предполагается наличие определенных рациональных практических обоснований, однако зачастую обходящееся без них, поскольку имеется сильное эмоциональное составляющее. Такое принятие не требует подтверждения и проявляется в форме созерцания факта невидимого в наблюдаемом. Подобного мнения в своих изысканиях придерживался А. Хомяков. «Все глубочайшие истины мысли, – пишет он, – вся высшая правда вольного стремления доступна только разуму, внутри себя устроенному в полном нравственном согласии с всеобщим разумом, и ему одному открыты невидимые тайны вещей божеских и человеческих». Философ в целом отвергал рационалистические учения западной школы, равно как и возможность разума постичь истину. При этом к задачам разума относил возвращение ростков понятий, которые, по его мнению, даются верой.

Продолжение идеи прослеживается в работах другого представителя российской философии В.С. Соловьева. В своих трудах он в частности писал, что «основания веры лежат глубже знания и мышления, она по отношению к ним есть факт первоначальный, а потому и сильнее их». В своих рассуждениях Соловьев говорит о том, что человек, в своем развитии проходит три важных ступени. Первая содержит в себе пору слепой, естественной веры. За ней следует время ее отрицания и развития рассудка, оценочных суждений и рационализации. Завершает пора веры сознательной, основанной на зрелом разуме. Философ пишет: «вера и

разум, хотя находятся в постоянном и неизбежном взаимоотношении, представляются, однако, в сущности, говоря математическим языком, величинами несоизмеримыми и поэтому не могущими заменить друг друга, стать одно на место другого. Заменить веру разумом или наукой так же невозможно, как заменить математику историей или музыку скульптурой. Поэтому, собственно говоря, не может быть и борьбы между разумом и верой как таковыми» [127, с.367].

В целом, в российской философии периода XIX-XX вв. проблеме веры и разума уделено значительное внимание, которое вместе с тем было смещено к вопросу Первоосновы Мира. Как пишет об этом Б.П. Вышеславцев, «существует некоторая творческая интуиция в отношении к Абсолюту, и она учит человека, как ему поступать, куда идти и что творить, исходя из присущего ему неискоренимого влечения к истинному совершенству. Только это есть вера, указующая пути исторических судеб» [132].

Также нам хотелось бы обратиться к работам Н.А. Бердяева, который в своих работах с пристрастием исследовал специфику русской души и русской культуры, отличающего русского человека. Он рассматривал противоречия процесса социализации и, следовательно, культуры, представляющую собой антипатичную (противоречивую) систему, и отмечал, что доверие, как особенность русской культуры в период, когда христианство переплетается с традиционными языческими верами. Философ рассматривал противоречия процесса социализации и, следовательно, культуры, представляющую собой, по его мнению, «противоречивую систему, что проявляется в соотношении между социализацией и индивидуализацией личности; нормативной культурой и той свободой, которую она предоставляет человеку; между традиционностью культуры и тем обновлением, которое происходит в ее организме» [81, с.31]. Его тезис о том, что современное состояние России –

это кризис культуры, несмотря на прошедшее время, не теряет своей актуальности.

С.Н. Булгаков, исследуя экономический прогресс признает его значимость для духовного развития, при этом делая предостережение не ограничиваться только им, уделяя недостаточно внимания общечеловеческому и общекультурному росту. Болезнью современного общества является нравственный материализм и бездушность, которая, по его мнению, некогда погубила великую римскую цивилизацию [3]. Воззрения Булгакова со временем претерпели изменения от марксизма к идеализму. Желая на примере аграрной эволюции показать применимость закона концентрации производства, он пришел к выводам о несоответствии экономической схемы К. Маркса исторической действительности. В итоге он пришел к мысли, что обоснование фундаментальных основ индивидуальной и общественной жизни возможно лишь после определения безусловных эталонов блага и истины.

Духовная близость, находящая выражение в дружбе являются предметом исследования И.С. Кона. Изучая дружбу как особый феномен межличностных отношений, он отмечает принципиальную важность доверия (неписаное правило отношений между друзьями), и нарушение этого правила зачастую приводит к завершению дружеских отношений. Философ отмечает, что в определениях дружбы контекстуально присутствует понятие доверия. При этом различия между видами дружбы проистекают из различности степени доверия друг другу [71]. Понятие веры, зачастую, рассматривалось в двух проекциях: с одной стороны, как религиозная вера, с другой как феномен психической деятельности человека, обладающей своей спецификой. Однако, отождествляя «чистое» и «изначальное» доверие с верой, мы вынужденно выходим за пределы сферы повседневных социальных практик в мир небесной канцелярии. Нисколько не умаляя глубину проработки вопроса веры и доверия в указанном контексте, мы хотели бы отмежеваться от религиозных

представлений и акцентировать внимание именно на светском понимании в рамках социальной философии. Исключая крайности из нашего анализа, мы можем перейти к рассмотрению доверия как социального изобретения человеческого сообщества.

Определение структурных характеристик и специфики социальных практик в рамках социально-философского знания, в рамках которых доверительные отношения между людьми имеют наибольшую вероятность сложиться, является весьма непростой задачей. Ее решение приводит к тому, что при попытке концептуализировать доверие в методологически выделенной форме, ряд современных философов часто обращаются к теологическим концептам и тезисам религиозной направленности. Отдельные стороны проблемы доверия рассматриваются как социальный механизм успешного взаимного обмена и инструмент достижения консенсуса в рамках теории солидарности. До появления данной теории близкое по смыслу описание процесса формирования доверительных отношений предложил Ф. Ницше, он писал: «то, что вначале было внешним видом, в конце почти неизменно становится сущностью, и как таковое является действенным» [49].

Тема доверия присутствует в контексте идейных изысканий исторического пути развития России, однако получает у авторов различное отражение. Известный российский философ П.С. Гуревич, рассуждая о творчестве А.И. Герцена, пишет о том, что он «обосновывая антропологическое мышление, отказывается от религиозного миропонимания, отвергает западноевропейскую цивилизацию, теряет веру в разумность истории, объявляя вотум недоверия гегелевскому панлогизму. Ни природа, ни история никуда не ведут» [43]. Так зарождается позиция трагического противоборства человека и мира, не внушающего доверия. Это противостояние воспринимается универсальностью, единственно возможной для независимой, зрелой личности. Окружающий мир изменчив и непостоянен, он полон опасности

и человечество стоит на краю обрыва. И спасительную гавань можно найти лишь в самом человеке в осознании его беспредельной свободы и независимости.

В контексте социально-философского исследования значимыми являются работы М.К. Горшкова. Он показывает, что изменения в социальной среде, отношение к государственным и гражданским институтам, а также степень консолидированности российского социума вполне успешно поддаются объяснению с точки зрения факторов, имеющих доверительную обусловленность. А именно: социального самочувствия, особенностей нормативно-ценностного компонента национальной культуры, характера гражданской активности граждан. Горшков отмечает, что на современном этапе российское общество испытывает определенные трудности с взаимопониманием и согласованностью, а также необходимость направленного воздействия на неэкономические структуры воспроизводства социальных отношений.

Группа исследователей под руководством А.У. Хараша сконцентрировала усилия на изучении роли доверия в межличностных отношениях [81]. Опираясь на методологические основания концепции личности, Хараш выявляет стадии и уровни доверия в общении и строит типологию коммуникативных состояний личности. Данная концептуальная схема позволяет по степени интеграции ранжировать коммуникативные состояния. В крайних состояниях речь идет о максимальной разобщенности и замкнутости, а также полное согласие и объединение, составляющее общественный смысл совместно производимой деятельности соответственно.

Достаточно основательный анализ функций доверия изложен в работах Г.М. Заболотной. В своих работах она указывает на то, что доверие необходимо рассматривать в качестве фактора, способствующего устойчивости и сплоченности сообщества. При этом внимание уделяется построению общественных отношений в горизонтальной и вертикальной

направленностях. Поясняется, что доверие участвует в «конструировании групповых идентичностей, новых отношений сотрудничества и солидарности, разнообразных форм гражданских ассоциаций» [56].

В.В. Кривопусков в своих исследованиях поддерживает точку зрения о возрастании значимости доверительности для функционирования в современном обществе. Он считает, что на современном этапе влияние данного феномена уже выходит за границы исключительно межгрупповых взаимодействий. По его мнению, «доверие в эпоху глобализации превратилось в проблему общественного характера, поскольку современное общество утратило единые моральные регулятивы и перешло на принципиально иные формы социальных отношений, преимущественно деперсонифицированных, а доверие в условиях глобализации стало способом адаптации общества на всех его уровнях к рискам и неопределенности» [76].

Рассмотрение заявленной темы с социально-философской точки зрения, не может претендовать на полноту без учета опыта зарубежных исследователей, чьи работы весьма разнообразны и представляют значительный интерес. В частности, в ряде современных социально-философских работах проводится разграничение доверия и близких смежных понятий. Например, Дж. Роттер с определенной долей условности относит доверие к личному психосоциальному состоянию, суть которого состоит в ожидании, что обобщенный другой поведет себя добросовестно. Подобное поведение обуславливается особенностями социализации на ее первичных этапах. Как пишет Д.В. Князев «сходную редукцию значения доверия к индивидуально эмоциональному состоянию можно обнаружить в работах Т. Говьера, Р. Хардина, Л. Херцберга, Р. Холтона, которые анализируют доверие, представляя его в качестве научаемой способности, которая на индивидуальном уровне позволяет перенести уверенность на общий уровень отношения к социальным институтам» [68, с. 72]. Таким образом, несмотря на отличие

доверия и уверенности и применения рационального подхода к возникновению доверия, такой подход оказывается привязанным к первоначальному опыту «социализации индивида, который позволяет одним испытывать большую уверенность в системе, необходимую для принятия рискованных решений» [68, с. 74]. В итоге у данных исследователей доверие увязано с определенной психологической ориентацией.

Несколько иной подход был обнаружен в работах Э. Гидденса, «который различает доверие к людям и доверие к абстрактным системам» [68, с. 103]. По его мнению, доверие между людьми конструируется на основе взаимной ответственности и согласия. При этом убежденность в честности участника взаимодействия может быть рассмотрена в качестве основы ощущения искренности и подлинности взглядов и намерений самого себя. Доверие к структурам, носящим абстрактный характер, обеспечивает дееспособность повседневной реальности, однако не способно полностью заменить взаимность и согласие, которое присуще личным отношениям доверия.

Э. Гидденс не приводит аналитического определения различия между институционализированными личностными связями и абстрактными системами современной жизни. Институционализированные личностные связи по своему характеру абстрактны. Это подтверждается исследованиями родовых и племенных систем кровного родства. Несмотря на то, что люди существуют в мире абстрактных систем, не следует отрицать действующие отношения дружбы и привязанности к «особенным» людям, местам и условиям окружающей действительности, которые регулируются институционализированными личными узами [30, с.116]. Кроме того, абстрактные системы сами по себе являются всеобщими способами обмена и высокодифференцированной формой институционализированных личных отношений. Подход Гидденса к

доверию способствует осознанию необходимости различать доверие и уверенность.

В совместных с Э. Гидденсом исследованиях, Р. Патнем пришел к выводу, что в условиях достаточно замкнутых территориальных сообществ, люди склонны доверяться преимущественно членам своей семьи (либо малой группы в общем случае), при этом в отношении «посторонних» допускается, а где-то даже поощряется оппортунистическое поведение. Была выявлена следующая установка сознания: «хорошо только то, что хорошо для меня и для членов моей семьи» [88, с. 61]. Данное явление впоследствии было определено как «аморальный фабилизм» [11, с.57]. Формируется благодатная почва для проявления различных видов неформальных способов передачи и перераспределения властных и экономических ресурсов, таких как кумовство и коррумпированность, и как следствие определенную экономическую отсталость. При этом доверие становится своего рода продуктом и даже товаром, который необходим в условиях неэффективного функционирования государственных институтов контроля, координации и защиты интересов.

Исследователь показал, что доверие образуется в обществе, в котором существует определенный уровень гражданской активности, достаточный для объединения и координации людей и решения общих проблем. При этом доверие основывается на убежденности в справедливом отношении участников взаимодействия, по отношению друг к другу, и соблюдении законов и других правовых норм. По результатам исследований, в регионах с соответствующим уровнем доверия, лидеры и властьимущие лица отличаются относительной честностью, они придерживаются демократических методов правления, склонны идти на уступки и компромиссы. Рядовые граждане при этом также принимают установленные правила социально-экономических отношений.

Исследователи, работающие в рамках социологических традиций Э. Дюркгейма, сходятся во мнении относительно необходимости доверия для функционирования общества. Например, представитель драматургического направления И. Гофман показал, что члены сообщества обычно владеют достаточно сложным арсеналом способностей и навыков интеракции, позволяющих сохранять, координировать и контролировать значимые долговременные доверительные отношения. Для осуществления данного вида контролирующего воздействия используется выразительное поведение, т.е. управление эмоциональными впечатлениями от исполнения ролей в сложных взаимоотношениях, которые отличаются повседневным характером возникновения и имеют определенную периодичность повторения [49, с.61].

В целях сущностного разграничения доверия со схожими феноменами, например, уверенностью следует обратиться к работам Н. Лумана, в которых приводится глубокое понимание данной темы. В работах Лумана «различие между ними проистекает из различия между риском и опасностью, между способами разложить по полкам происходящие события внешнего и внутреннего характера» [68]. Как определил Д.В. Князев, «по мере развития прогресса в дифференциации системы, который превращает риск в отличие от опасности в специфический феномен, он все же устанавливает значимое различие между доверием к личностям и уверенностью в институтах» [68, с.36]. Продолжая тему отметим работу Н. Лумана «Социальные системы. Очерк общей теории», в которой он пишет «доверие остается жизненно важным в межличностных отношениях, но участие в функциональных системах, таких как экономика и политика – это уже не вопрос личностных отношений. Оно требует уверенности, а не доверия» [87]. Подтверждение можно найти в работе В.Ю. Столяр, которая отмечает, что «необходимость доверия детерминирована онтологической свободой другого» [132]. Таким образом, доверие предстает в виде ожидания, носящего генерализованный

характер относительно того, что (выражаясь социологически) обобщенный другой проявит стремление к удержанию своей свободы, своего потенциала для разнообразного поведения, поступая в согласии со своей личностью. Либо же с тем образом, который он преподносит в повседневной социальной практике.

Несколько иначе состоит дело с уверенностью в верном функционировании системы. Она, в сущности, «является уверенностью в надежности правильного функционирования всеобщих средств коммуникации» [150], таких как доверие, власть, любовь. Общество современного типа предоставляет возможности заместить указанные формы отношений новым социальным феноменом – системным доверием. Эта форма доверия, будучи основанная на экспертном знании, в свою очередь позволяет осуществить разграничение между «доверием к людям и уверенностью в институциональных образованиях» [150].

С позиций социальной философии, доверие как феномен социальной реальности не тождественен сумме личностных установок доверия. Будучи сложным феноменом, доверие имеет многоуровневую природу, в которой выделяют базовый уровень, связанный с общей диспозицией доверия, коим обладает каждый индивид. Личностный уровень, зависящий от психологической структуры личности, воспитания и характера первичной социализации, опыта личности. Культурный уровень, связанный со специфическими для данного сообщества культурными атрибутами. Социальный уровень, предполагающий исследование отношений взаимодействия в рамках социальных групп и характеризующийся доверием в отношении других людей. В этом случае в фокус исследования попадает нормированная установка на восприятие отношений вида «свой – чужой», предполагающий институциональный характер доверия.

М.Г. Магомедов утверждает, что «Э. Гуссерль рассматривал феноменологические аспекты доверительных отношений как часть «жизненного мира» и мира смыслового опыта» [88]. Жизненный мир

предлагается в качестве матрицы для возникновения у человека системы доверительных ориентиров, которая впоследствии, транслируется на поведение индивида. Доверие выступает в качестве аспекта социальной действительности, взаимодействие с которой осуществляется посредством субъективного переживания человеком событий, а также в их интерпретации. Концепция жизненного мира ориентирована на структуры способные детерминировать человеческое действие, при этом внимание может быть уделено опыту доверия и влиянию этого опыта на дальнейшее поведение.

Значительный интерес представляют работы А. Щюца, который предпринял попытку объединить методологию понимающей социологии М. Вебера и феноменологическую концепцию Э. Гуссерля. Исходя из того, что кроется за определением социального действия, ученый дополняет вопрос смыслонаделением. «По мнению Щюца смысл социального действия содержится в самом общественном бытии и пассивных процессах памяти» [88]. Люди постепенно накапливают результаты предшествующих доверительных отношений, трансформируя его в социальный опыт, на котором основывается социальная реальность [154].

Доверие как феномен современных социальных отношений тесно связан с рациональным выбором, риском, свободой поведения другого, а также с активными действиями в условиях неполноты информации и неопределенности. Согласно последним разработкам по проблеме доверия, отличительной чертой современного общества состоит в том, что доверие может быть рассмотрено в качестве социального капитала. Таким образом, накопленное доверие в социальной среде составляет социальный капитал конкретно-взятого сообщества. Относительно конкретного индивида это означает большую способность человека доверять другим людям, большие возможности для построения деловых отношений, большая склонность вступать в кооперативные действия и психологически меньший урон от неудачных решений. Социальная эффективность совместной деятельности,

основанной на доверии, увеличивается за счет снижения косвенных издержек, например, экономических.

Активная разработка взаимосвязи доверия и социального капитала берет свое начало в работах П. Бурдье. Согласно разрабатываемой им концепции социальный капитал предстает в виде совокупности ресурсов (действительных и потенциальных), которые накапливаются у индивида или группы в связи с существованием устойчивой сети более или менее институционализированных отношений (контактов) взаимного признания [18]. В этом процессе доверию отводится одна из ведущих ролей.

В данном русле, значительный интерес представляют работы Дж. Коулмэна о сущности социального капитала через призму феномена доверия. Ученый акцентирует внимание на потенциале взаимного доверия, сформированного в форме договоренностей и ожиданий их исполнения, координация которых осуществляется по информационным каналам при координации социальными нормами [74, с.33-40]. Исследователь считает, что качественные и количественные характеристики взаимоотношений в обществе определяются социальным капиталом, который транслируется институтами и нормами. Таким образом, доверие способствует накоплению социального капитала [75, с.122-139]. Несколько иначе видит проблему Р. Патнэм, считающий, что социальный капитал содержат в себе элементы социальной организации, такие как социальные нормы и доверие, а также сети в виде особенностей общественной жизни, которые создают условия для кооперации и координации. То есть социальный капитал рассматривается в виде ресурса, обеспечивающего солидарность общества и способствующий его развитию, при этом, накопление социального капитала ведет к увеличению доверия в сообществе.

Ф. Фукуяма, с чьим именем связывают значительный подъем интереса к проблеме доверия, в своих работах приходит к выводу о том, что социальный капитал можно определить, как способность людей к образованию устойчивых общностей и направлять общие усилия на

достижение поставленных целей. Указанная способность к объединению и солидарности зависит от существующих внутри сообщества комплексов норм и ценностей, поддерживаемых всеми его членами и готовности участников сообщества жертвовать своими интересами ради интересов сообщества. Как он пишет в своей работе: «результатом появления общих норм и ценностей выступает доверие, которое представляет собой предположение того, что другие его члены будут вести себя более или менее ожидаемо, добросовестно, обращая внимание на нужды окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами» [140, с.52]. Его работы подверглись обоснованной критике со стороны научного сообщества преимущественно за излишний триумфализм и некоторую поверхностность. Вместе с тем, неоднозначность его воззрений представляет собой благодатную почву для дальнейших изысканий.

Доверие, согласно данному исследованию, является ключевой характеристикой «развитого человеческого общества, которая проявляется как на индивидуальном, так и социальном уровне» [132]. В связи с чем, доверие определяет стадию развития сообщества. Прогресс развития конкретного общества не зависит ни от рыночных механизмов, ни от соблюдения традиций, но от уровня доверия, существующего в обществе. Таким образом, доверие, представляет собой предпосылку первостепенной значимости и основой социального капитала. Доверие зарождается как отражение ожиданий открытого и прогнозируемого поведения и взаимоотношения на основе общность интересов, норм и моделей поведения. Потенциал использования социального капитала позволяет повысить эффективность коллективного взаимодействия, поскольку наделяет отношения большей открытостью и прогнозируемостью. Данный механизм позволяет укрепить устойчивость социально-политического порядка и обеспечить добровольность осуществления групповых действий. П.М. Козырева в своих работах отмечает, что социальный капитал

способствует упрочнению каркаса общества путем налаживания доверия и межличностного согласия [69, с.56].

Исследователи сходятся во мнении, что определенная степень доверия является неременным условием установления долговременной коммуникации и интеграции. В связи с чем, проблема доверия выдвигается на передний план экономико-социальных исследований перспектив развития социума. Эти обстоятельства определяют исследовательский интерес к подходу А. Зелигмана, который анализирует доверие в двух различных плоскостях, а именно как чувство ответственности и обязательности, и вместе с тем некоторую форму уверенности в будущем. Касательно первой плоскости доверие априорно связано с конкретными лицами, т.е. персонифицировано. Во второй плоскости доверие инициировано конкретными социальными институтами и структурами, которые обладают свойством влияния на события в будущем, что позволяет индивидам планировать свою жизнь [157].

М. Крозье в начале 70-х годов XX века отметил, что «значение в обществе имеют и формальные, рациональные правила, и неформальные критерии, и нормы [88]. Вместе с тем, важно понимать, что их разделение может быть зачастую весьма условным, если между участниками сообщества нет соглашения о системе соглашений о неформализованных социальных практиках в повседневности. Но так или иначе, институциональные образования обеспечивают членов сообщества предположениями о том, как могут себя повести другие члены социума, таким образом определяя границы возможного поведения «обобщенного другого».

Взаимодействуя между собой, формальные и неформальные институциональные образования формируют пространство альтернатив, тем самым упорядочивая возможные типы поведения, конструируя основания, на которые опираются правила достижения консенсуса, структурирующие общественные интересы и бихевиоральные паттерны.

В итоге, с социально-философской точки зрения, доверие предстает в качестве элемента социальных отношений, проявляющегося в ситуациях, когда имеется возможность отклонения от установленных ролей, то есть в случае открытого пространства ролей и ролевых ожиданий. Иначе говоря, доверие включается в систему повседневных социальных практик, проходя мимо границ системы (либо институтов), когда по некоторым причинам, системно-определяемые ролевые ожидания более не работоспособны. Таким образом, удастся сохранить смысл феномена, не углубляясь в религиозное содержание или уверенность в исполнении ролевых ожиданий. Мы также уходим от множества ведущихся философских дебатов о доверии, которые в своем большинстве обращаются или к жизнеспособности (или рациональности) веры, или к наличию достаточных (проверяемых или нет) оснований для уверенности. Доверие может и должно быть рассмотрено в качестве обязательного условия воспроизводства устойчивых общественных структур, ассоциаций людей и общества в целом. Данная точка зрения открывает перспективы в области налаживания связей горизонтального и вертикального характера, способствующих взаимодействию индивидов и групп, несмотря на их функциональные различия. Все это обогащает структуру общественных отношений и в конечном итоге стабилизирует социальную реальность.

Не умаляя достижений европейской социально-философской мысли, необходимо отметить определенные аспекты, подвергшиеся определенной критике. В частности, материалистические воззрения, традиционные для европейской школы, привели к принижению сознания и духа, которые рассматривались как простая функция или отражение бытия. Другим критикуемым моментом, является отношение к проблеме духовного мира, объявляемого бессодержательным ввиду того, что его нельзя измерить и вычислить методами точных наук. В этой связи доверие ощущается некоторое смещение акцента научных исследований доверия в русло правовой и экономической направленности. Несомненно, данные

воззрения обладают значительной научной ценностью. Вместе с тем, отсюда следует, что вне поля экономико-правового регулирования доверие предстает в виде малопонятной и неопределенной структуры, которое как-бы есть и как-бы нет. Мы не можем с этим согласиться: место и роль доверия в социальном взаимодействии гораздо объемнее. Чтобы дополнить картину, необходимо обратиться к достижениям отечественной социальной философии Серебряного века. Присущие ей гуманистический и аксиологический характер образуют благодатную почву для понимания значимости доверия для социальной связи между людьми, для воспроизводства социальной действительности. Проводя анализ, мы приходим к пониманию, что отечественные мыслители по большому счету предпринимали попытки развития «альтернативной» философии доверия, антиципируя в своих трудах основы современных философских направлений как в Европе, так и в России. Выступая против навязывания исключительно материалистического понимания происходящих общественных преобразований и ратуя за выход за пределы рыночных отношений. Неприятие отечественной философией идей, жестко разделяющих субъект и объект познания, и предложение цельного понимания, базирующегося на близости теории и действительных повседневных практиках. Данное единство фактически предвосхитило возникшие позднее в Западной Европе течения философии жизни.

Наиболее ценной на наш взгляд, является предпринятая попытка отказа от подходов в методологии и теории не способных привести к полному пониманию, и поиск концепций которые в будущем смогли бы привести к обновлению убеждений и принципов. В свою очередь они будут способствовать выработке обновленной системы ценностей, направленных на перспективу вступления мирового сообщества в новую эпоху.

§ 1.2. Дефицит доверия в социокультурной среде

Начиная с 70-х гг. XX века в социально-философских исследованиях начинает прослеживаться идея о ключевой значимости доверия для функционирования социальных отношений. Доверию в современном обществе придается особое значение, что находит свое объяснение в следующем. Наблюдается возрастание значимости целенаправленных действий людей на окружающую действительность. Общества формируются и изменяются силами как общественных структур, так и отдельных представителей современности: общественными организациями, политическими партиями, представителями бизнеса, блоггерами. Последнее (блоггерство) в частности представляет собой феномен специфический и присущий исключительно современности, однако отражающий тенденции действительности. Все большее число членов социума выбирают активную гражданскую позицию, ориентированную на будущее, видят себя субъектами права. Это выражается в участии в общественных движениях и добровольных сообществах. Современное общество опирается на человеческую субъективность. Как отмечает в своих работах Н. Луман, постепенно перспективы развития мирового сообщества все более оказываются зависимы от решений, принимаемых самими нами. На практике это значит, что членам социума для того чтобы принять новые правила игры необходимо вызывать и оказывать доверие. Социально-политические преобразования должны быть приняты активной частью сообщества, поскольку в противном случае реформаторы могут встретить значительное сопротивление и меры, даже самые продуманные, могут значительно потерять в эффективности. Партнерам необходимо верить в честность друг друга, населению в целом, профессиональным, этническим и иным группам, в частности – представителям своих интересов.

Говоря о современном обществе можно сделать справедливое замечание о том, что в научной литературе формализация данного понятия еще не завершена. Существуют различия во мнениях какое общество можно считать современным и каковы его значимые черты. Нам бы хотелось сделать здесь отступление и предложить свое видение, в соответствии с которым оно может быть охарактеризовано следующим образом. Первым признаком является атомизация общества. Сложно не замечать распад традиционных связей в обществе, социальное разобщение, появление изолированных индивидов, социальные связи которых носят безличный характер. Люди отдаляются друг от друга. С точки зрения западной школы, атомизация общества есть вполне объективный процесс, который возникает ввиду роста свобод и развития технологий. В первую очередь мы говорим о средствах коммуникации, благодаря которым человек может общаться, находясь при этом в одиночестве. Возникла феноменальная ситуация, какими бы причудливыми не были скажем увлечения человека, он может найти единомышленников. При этой, казалось бы, свободе выбора круга общения, люди становятся все менее способными для близкого реального контакта. Также данные тенденции могут проиллюстрировать факт роста, подчас незаконных, религиозных формирований и организаций. Люди чувствуют свою разобщенность, она их дезориентирует. И в стремлении найти в первую очередь духовные ориентиры для действия и решения экзистенциальных проблем, люди попадают под влияние радикальных и подчас незаконных структур.

Созвучной тенденцией является автономизация индивидов, которая выражается в потребности иметь собственные взгляды и наличие таковых (т.н. ценностная автономия), также в потребности иметь собственные привязанности (эмоциональная автономия), равно как в способности самостоятельно решать личные вопросы и противостоять тем жизненным ситуациям, которые препятствуют самоизменению, самоопределению, самореализации, самоутверждению (поведенческая автономия) индивида.

Атомизация и автономизация в совокупности характеризуют человека современного общества – независимого, деятельного, осознанного. Теперь он, а не группа является полноценной ячейкой общества, обладающей преобразовательным и воспроизводящим потенциалом.

Другой особенностью современного общества является достижение материального благополучия и возникновение культуры массового потребления. Также к современному можно отнести те общества, в которых массового потребления как такового в настоящий момент нет, но оно является ориентиром для развития или является идеалом. Касательно нашей страны, ввиду ее масштабов, отмечается существенная неоднородность. Например, в крупных федеральных центрах, таких как Москва или Санкт-Петербург, общество потребления выражено достаточно отчетливо. В регионах тенденции менее выражены, однако стремление есть, и оно ощущается.

Об обществе потребления написано и сказано более чем достаточно. Однако в контексте настоящего исследования, хотелось бы обратиться к позиции, поддерживаемой Ж. Бодрийяром и В.И. Ильиным о том, что выживание системы осуществляется при её бесконечном самовоспроизводстве. К тому же, наряду со спецификацией и разделением сфер деятельности, значимой характеристикой современности является усложнение институциональных, технических и организационных систем. Это оборачивается для участников взаимодействия необходимостью действовать в слепую, что в свою очередь наделяет доверие значимостью инструмента по борьбе с неопределенностью. Именно здесь, в стабильности воспроизводства социальности, по нашему мнению, и проявляется значение доверия.

Продолжая линию рассуждений, отметим другое значимое, в контексте дефицита доверия в среде, обстоятельство, – растущую взаимозависимость разнообразных элементов социального бытия. В границах отдельно взятого социума продолжается начатая некогда

специализация ролей, функций, профессиональных и иных интересов, в конце концов, стиля и целей жизни. Можно говорить о том, что Дюркгеймовская идея органической солидарности [30] в современных условиях реализована как никогда ранее. Множество прежде разрозненных сообществ, благодаря широко развитым средствам коммуникации, получили возможность обмениваться идеями, финансовыми и человеческими ресурсами и ориентировать свою деятельность в том или ином направлении. Подобное разделение деятельности ставит человека в зависимость от того, выполнит ли его партнер (соактор) взятые на себя обязательства. Расчет на сотрудничество обостряет необходимость в доверии. Следствием открытости современного мира является возрастание количества новых знакомств, лиц с которыми сталкивается человек в процессе своей жизнедеятельности. В данных условиях человеку необходим ресурс, помогающий справиться с присутствием «чужих» людей и не скатиться к ксенофобии. Таким ресурсом может выступить доверие, но только осознанное, рациональное.

Следующим опорным моментом является нарастающая неопределенность социальной жизни. Неоднозначность может быть рассмотрена в качестве производной или следствием первых двух условий. Взаимопроникновение технологий, устоявшихся моделей поведения в естественную среду и общество приводит к принципиальной невозможности предсказать возможные последствия. Достижения технического прогресса, обеспечивающие недоступные ранее блага цивилизации, создают также широкое поле побочных эффектов, среди которых зачастую встречаются фатальные. Речь в первую очередь о промышленных катастрофах, загрязнении окружающей среды, гибели представителей флоры и фауны. Возрастающая сложность общества и технической ее составляющей увеличивает вероятность того, некоторые из ключевых элементов системы могут дать неожиданный сбой, вследствие чего мы не можем полностью на них полагаться. Преодоление этих

явлений, характерных для современности требует увеличения ресурсов доверия.

Мир, в котором мы живем, предлагает человеку широкое поле возможностей во всех областях жизнедеятельности. Но эта широта возможностей имеет следствием меньшую предсказуемость принимаемых решений. Это в равной мере касается всех участников взаимодействия. Вот почему, чтобы выбрать один из возможных способов действия, человеку необходимо прибегнуть к доверию. Выбор магазина для покупки товаров или услуг, врача, школы, политической партии и т.п. основан на доверии, поскольку иного пути практически нет. Практически потому как, строго говоря, альтернативный путь состоит в самостоятельной оценке честности участников взаимодействия, а также в оценке вероятности наступления определенных последствий. Однако в действительности, в силу ограниченной рациональности человека, данным методом он не может, либо не хочет пользоваться.

Описанные тенденции носят глобальный, общемировой характер. Однако для понимания роли доверия в современном обществе их все же недостаточно. Дело в том, что в рассуждениях современных авторов, явно или скрыто, наличествует идея о понимании доверия как чего-то исключительно положительного, того, к чему необходимо стремиться. И соответственно, недоверие рассматривается как структура отрицательная (плохая), которую необходимо избегать. Таким образом, доверие получает трактовку важного элемента, отражающего качество жизни. Мы можем привести некоторые исследовательские позиции. Например, Дж. Барбер видит в доверии специфический интегрирующий механизм, способный создавать и воспроизводить в социальных структурах различные типы солидарности. А Дж. Теннер, обращаясь в проблематике доверия, отмечает, что потребность в нем, есть непреходящий атрибут многих человеческих взаимодействий. Оно является естественным для природы человеческих ассоциаций, для самой сути интеракции наряду с такими

феноменами как необходимость самоидентификации, онтологическая безопасность или достижение успеха. Другие исследователи склонны рассматривать доверие не только как основу взаимодействия, но и как фундамент общественного, экономического и политического порядка в целом. По этому поводу пишет А. Сильвер: «доверие составляет основу порядка гражданского общества – позволяет поддерживать взаимные контакты (как торговые, так и личные) между формально свободными личностями» [148 с. 329].

Международные и региональные полевые исследования, преимущественно социально-экономической направленности, в своих результатах обнаруживают сильную связь между доверием и эффективностью экономики, высокими уровнями защищенности человека в сферах здравоохранения и образования. Кроме того, в зависимость от доверия ставятся такие сферы жизнедеятельности общества как государственное управление (его эффективность), уровень безработицы и преступности, чувство личного благосостояния, успешности и даже счастья.

На наш взгляд такая идеализация излишне наивна. Линейность зависимости между доверием членов социума и эффективностью общественного устройства при ближайшем рассмотрении не выдерживает серьезной критики. Кроме того, наличествует достаточное количество случаев, когда, например, экономика способна функционировать на вполне приемлемом уровне в условиях дефицита доверия между членами общества. В мировой и отечественной практике социально-экономических и социально-политических взаимоотношений присутствует подтверждение эффективности данной модели поведения. За примерами не нужно далеко ходить, достаточно вспомнить условия переходной экономики России в конце 90-х годов. Когда государственные институты контроля и координации не справлялись со своими функциями, а уровень доверия в стране снизился до критических значений, именно отношения между

контрагентами, основанные на кумовстве и «своячестве» позволяли производить экономические операции. В условиях отсутствия возможности защищать собственные интересы формальными легитимными способами возникла необходимость создания неформальных институтов сопровождения обменных отношений. Одним из таких институтов стало взяточничество. Дача и получение взятки за определенное действие, либо бездействие объединяет людей, делая их партнерами и налагая определенные обязательства, такие как взаимная защита, поскольку если «провалится» один, то проблемы появятся и у другого. Вместе с тем, единожды совершенный акт дачи-получения взятки, получивший успешное завершение, создает определенную базу для последующих отношений. Таким образом, акт проявления доверия, подкрепленный некоторым, в данном случае финансовым стимулом, послужил основой для долгосрочных партнерских отношений, которые при прочих условиях, таких как общая экономическая неустойчивость и неопределенность, заторможенность формальных экономико-правовых институтов могли вовсе не состояться. Вопрос законности деятельности агентов в данном случае мы опускаем.

Для полноты социально-философского анализа, нам необходимо понять, зачем обществу нужно доверие и является ли доверие феноменом исключительно положительным. Мы сможем достичь поставленной задачи, проведя анализ общественных функций доверия, а также определив баланс положительных и негативных последствий воздействия доверия на общественную жизнь. Для этого мы воспользуемся точкой зрения, разрабатываемой, в том числе, П. Штомкой. Согласно мнению исследователя, функции доверия могут и должны быть рассмотрены с трех аспектов [152]. Во-первых, необходимо рассмотреть функции актов доверия в отрыве от функции позитивной реакции на доверие, т.е. проявление добросовестности. Таким образом, происходит разграничение ситуации, когда кого-либо наделяют доверием, т.е. вверяют человеку что-

либо от ситуации оказания взаимного доверия, на практике выражающегося в возвращении вверенного предмета или ценности, оправдании ожиданий. Другим важным разграничением в данном контексте, является разнесение функции доверия для участников взаимодействия и членов сообщества в границах и по правилам которого данное взаимодействие осуществляется. Очевидно, что «польза» от доверия для непосредственных партнеров и социальной группы в целом неодинакова, однако важно понимать последствия, которые имеет доверительная интеракция для группы в целом. Третий аспект связан с тем, что функции доверия личности наделенной доверием отличаются от функций личности доверием наделяющей. В этой паре баланс последствий также не равнозначен, и, следовательно, различны и затрачиваемые ресурсы.

В общем случае, оказание доверия другим людям влечет за собой по отношению к ним позитивные действия, т.н. выражение доверия в действии. Выражаясь словами Н. Лумана, доверие освобождает и мобилизует человеческую субъективность. И мы видим в этом одну из важнейших функций. Оказание доверия способствует высвобождению творческого потенциала человека, освобождению внутренней энергии по отношению к другим людям. Происходит снижение сопутствующих неуверенности и риска. Исследователь пишет: «возможность действия увеличивается пропорционально росту доверия». В схожем ключе рассуждают Г.А. Алмонд и С. Верба. В своей работе «Гражданская культура и стабильность демократии» они пишут: «вера в доброжелательность соотечественников непосредственно связана с желанием совместно с другими проявлять политическую активность» [21]. Речь идет о том, что в случае оказания доверия люди становятся более открытыми по отношению к другим. Соответственно интеракции иницируются и осуществляются желаннее.

Взаимодействия с тем, кого люди наделили доверием, освобождаются от опасения, подозрения или осторожности и предполагают большие спонтанность и открытость. Происходит освобождение от необходимости постоянно проверять и контролировать действия других. В практике социального взаимодействия это оборачивается повышением способности к более широкому выбору целей, и как результат – новаторство и отход от точного следования установленного порядка. Другим следствием оказания доверия становится повышенный уровень активности и свободы действий. В некоторых ситуациях, доверительное поведение может обернуться дополнительной выгодой, например, взаимностью. Обоюдность в этом случае позволяет доверяющему воспользоваться (распорядиться) ресурсами и благами доверяемого. Происходит объединение доверия с другими качествами, или скорее даже стилями мышления как оптимизм, доброжелательность, уважение, толерантность и т.п. Каждая составляющая обладает положительной связью с другими элементами. Это дает основания полагать, что доверчивость, обладая своими внутренними личностными особенностями, в свою очередь способствует развитию таких жизненных качеств как уверенность в будущем, чувство, что человек управляет своей жизнью сам.

Противоположные результаты являются следствием недоверия. Сомнения относительно целесообразности самого факта установления интеракции, а также сопровождающая неуверенность касательно правильности действий, приводит к снижению того самого уровня активности и свободы. Недоверие по умолчанию сопровождается повышением затрат на сопровождение взаимодействия, на проверку соучастников, партнеров. В экономической теории такие затраты носят название транзакционных издержек. Отражением данного факта является значительные расходы, которые несет, западная экономика на содержание огромного количества юристов, а также ведение бесконечного числа

судебных процессов и арбитражных тяжб. В восточных культурах, исламской, конфуцианской, японской, их количество ниже на порядок, что говорит о том, что идеи либерализма, индивидуализма и вмешательства формального права во все сферы жизни не находят аналогичного отклика. В конечном итоге обстоятельства могут привести к ситуации, когда ресурсы необходимые для сопровождения интеракции могут вырасти настолько, что сама целесообразность вхождения должна быть поставлена под сомнение.

Проявление недоверия влечет за собой ответное недоверие в купе с остальными негативными последствиями. Дж. Ремпель и Дж. Холмс говорят об этом следующим образом: по мере того, как человек начинает все меньше ощущать уменьшение уверенности в себе, в будущем, в понимании ситуации, в его поведении начинает проявляться оборонительные тенденции [73]. Они направлены на снижение вероятного ущерба в случае наступления неблагоприятного исхода. При этом ожидается, что люди будут иметь иные способы мышления, исходящие из соображений, что члены группы не обладают заинтересованностью к установлению взаимоотношений. А позитивное поведение других людей может быть воспринято с изрядной долей подозрительности. Атмосфера недоверия обосновано рассматривается в качестве причины возникновения пессимистичных настроений, пассивности, враждебности, провоцировать такие явления как преступность и насилие.

Своей особенностью обладает ситуация, когда взаимная недоверчивость сопровождается необходимостью действия или даже принуждением. В качестве примера приведем позицию учащегося, который вынужден подчиняться учителю, даже несмотря на то, что не испытывает ни капли доверия. В этом случае указания будут выполняться небрежно, недобросовестно, без проявлений заинтересованности. Подобная ситуация в настоящее время подходит для описания

современного состояния предприятий и организаций и объясняет их недостаточную эффективность.

Доверие обладает значимостью не только для непосредственных участников взаимодействия, но и для среды, в которой это взаимодействие происходит. Эта значимость обусловлена воздействием, которое доверие оказывает на группы и организации, и выражающимся в следующем. Доверие как феномен, возникающий при контакте людей, стимулирует их к совместному участию в действии. Для комфортного существования данных условиях, человеку необходимо быть общительным, что положительно отражается на поле возможных интеракций и позволяет устанавливать близкие контакты с другими. В литературе такое поведение обозначается по-разному: как моральная сплоченность у Э. Дюркгейма, социальный капитал у Р. Патнема, или же спонтанное общественное поведение у Ф. Фукуямы. Однако смысл закладывается схожий.

Исследователи сходятся во мнении, что определенная степень доверия является неременным условием установления долговременной коммуникации и интеграции. В связи с чем, проблема доверия выдвигается на передний план экономико-социальных исследований перспектив развития социума. Эти обстоятельства определяют исследовательский интерес к подходу А. Зелигмана, который анализирует доверие в двух различных плоскостях, а именно как чувство ответственности и обязательности, и вместе с тем некоторую форму уверенности в будущем. Касательно первой плоскости доверие априорно связано с конкретными лицами, т.е. персонифицировано. Во второй плоскости доверие инициировано конкретными социальными институтами и структурами, которые обладают свойством влияния на события в будущем, что позволяет индивидам планировать свою жизнь [148].

Поскольку доверие, представляет собой основу социальной интеграции и базируется на фундаменте согласия большей части членов сообщества, придерживаться единой системы ценностей. Отсюда следует,

что предположение добросовестности, порядочности соучастников отношений (вне зависимости от характера) выполняет важную социально-психологическую функцию, которая определяет направленность и динамику развития основных социальных процессов, равно как и целостность общества. Поэтому при отсутствии доверия справедливо можно предположить задача объединения людей, а также вовлечения их в различные социальные группы и процессы конструктивного взаимодействия становится трудно выполнимой.

Потенциал использования социального капитала позволяет повысить эффективность коллективного взаимодействия, поскольку наделяет отношения большей открытостью и прогнозируемостью. Данный механизм позволяет укрепить устойчивость социально-политического порядка и обеспечить добровольность осуществления групповых действий. П.М. Козырева в своих работах отмечает, что социальный капитал способствует упрочнению каркаса общества путем налаживания доверия и межличностного согласия [70, с.56]. Способствуя налаживанию коммуникаций, доверие попутно выполняет другую функцию, которая в литературе обозначается как плюралистическое невежество. Оно состоит в том, что при стечении ряда обстоятельств, большинство членов группы, не высказывая это в открытую, отклоняют норму, но ошибочно предполагают, что большинство других принимает ее, и поэтому соглашается с ним. В данных обстоятельствах, доверие может помочь преодолению рассогласованности ожиданий и достичь желаемого уровня солидарности.

Продолжая тему социальных последствий доверия необходимо коснуться вопроса терпимости и понимания в социуме. Как пишет в своей статье Н.Л. Иванова, готовность сообщества принять и закрепить в моделях поведения инновационные образцы свидетельствует об открытости и способности социума усвоить перемены и обновления культурных ориентиров. В этой связи толерантность может быть

рассмотрена как базовый принцип свободного от предрассудков общества, демократичного и готового для покорения новых высот культурно-исторического развития [1]. Доверие сдерживает проявления человеческой враждебности, позволяя решать возникающие вопросы на уровне цивилизованного диалога культур и находить приемлемые для сторон компромиссы.

С темой толерантности созвучен вопрос идентичности. В условиях недоверия связь между индивидом и сообществом в целом ослабевает, что в свою очередь, открывает простор для проявлений маргинальности. Понятие идентичность предполагает некоторую схожесть и подобность. В контексте социальных отношений речь идет о том, что в изменяющихся условиях, когда сознание граждан, подобно информационным потокам, фрагментировано, однозначно ответить на вопрос, кем же человек является, становится проблематично. В настоящее время, как в России, так и во всем мире наблюдается кризис идентичности, причем как индивидуальном, так и коллективном уровне. Как писал Э. Тоффлер, «... в настоящее время миллионы людей занимаются поисками своей идентичности или какого-то магического средства, которое помогло бы им вновь обрести свою личность, мгновенно дало бы ощущение близости или экстаза, привело бы их к более высокому состоянию сознания» [135]. О близких тенденциях в свое время писал И.С. Кон. В работе «В поисках себя» он отмечает, что «в контексте группового, социального поведения деиндивидуализация крайне опасна» [71]. Дело в том, что подобные события влекут за собой эскалацию конфликтности и маргинальности и иных форм асоциального поведения. «Снижение уровня индивидуального самосознания как бы отдаст личность на произвол внешних воздействий, сила и направленность которых зависит от той группы, которой человек доверился, и особенно от ее лидеров» [71]. Соответственно, для недопущения подобного поведения необходимы не только объективные условия в виде действенной сети социальных институтов, но также

внутренние неосязаемые структуры в сознании людей, включающие доверие к себе, чувство собственного достоинства и самоуважение.

В качестве источников идентификации могут быть рассмотрены следующие критерии: территориальные (климатическая зона, регион, город, улица), аскриптивные (пол, возраст, кровное родство), культурные (национальная, религиозная принадлежность), экономические (работа, класс, профсоюз) и другие. Несмотря на широту выбора критериев, механизм идентичности в должной мере срабатывает не всегда. Зачастую, идентификация является эмоционально-когнитивным процессом, в результате которого человек отождествляет себя с некоторыми другими людьми либо группой. Этот процесс, образно выражаясь, переводит требования среды, внешней по отношению к индивиду в форму, приемлемую для восприятия. После чего форма начинает переживаться человеком как собственные свойства. С этой точки зрения идентификация может быть рассмотрена как часть комплекса социализирующих мер, позволяющих приобщиться к жизни в обществе, ее культуре. Пройдя этот этап, принимая решения и действуя в границах норм и правил поведения, человек получает возможность осознавать себя, чувствовать защищенность и удовлетворение. Подобное самоопределение человека является многоуровневым творческим процессом.

В широком понимании формирование идентичности – это рефлексивный процесс. И эта рефлексия, по мнению Э. Гидденса, являющаяся основным аспектом современного этапа развития общества, специфическим образом изменяет основы формирования самости индивидов. Динамичность социального бытия, активность и сложность социальных связей приводит к значительным переменам, имеющим место внутри человеческой личности. Чувство онтологической безопасности, исходящее и детерминируемое повседневной действительностью, находит свое выражение в субъективных ощущениях. Или же речь скорее идет о подразумевании наличия ответов на основные онтологические и

экзистенциальные вопросы. Мы говорим о таких естественных темах как конечность жизни, роль человека в мире, его взаимодействие с другими людьми, об истине и смысле [31]. Э. Гидденс рассуждая об основе этого чувства онтологической безопасности, приходит к выводу о наличии базисного доверия, т.е. бессознательного ощущения социальной принадлежности. В качестве примера в литературе приводится связь ребенка с родителями. Эта связь служит основой для последующего развития личности ребенка, формирования эмоционального, когнитивного и других навыков. Как пишет Г. Салихов: «в жизни человека чувство онтологической безопасности поддерживается рутинизацией повседневности, что формирует своего рода защиту, создает ощущение уверенности в сравнительно благополучном ходе повседневной жизни» [122].

Из сказано выше логично вытекают последствия низкого уровня доверия между членами сообщества. Фактически это зеркальные отображения описанных функций, взятые с отрицательным знаком. Особой остротой обладает свойство недоверия подрывать социальный капитал в обществе, приводить к раздробленности и разрушению межчеловеческих связей. В результате сокращения социальных контактов и взаимоотношений наблюдается сопутствующее отторжение индивида, а в ряде случаев и некоторой социальной группы от общества в целом, т.н. социальная изоляция. Вместе с тем, социальный капитал требует наличия к себе постоянного внимания и действий, направленных на его поддержание, поскольку в противном случае, т.е. когда субъекты перестают поддерживать регулярные контакты, социальные связи и взаимное доверие достаточно скоро ослабевает. Таким образом, развитие социального капитала предстает в виде результата совместных усилий участников взаимодействия, он содержится в самой структуре социальных отношений и утрачивается вместе с угасанием социальных коммуникаций.

В результате воздействия общего впечатления на восприятие его частных особенностей недоверчивость как психологическая характеристика распространяет свое влияние на функционирование межчеловеческих контактов. Страдают также механизмы межпоколенной трансмиссии культуры. По мере усложнения профессиональной и иной социальной деятельности, в которую должен быть включен индивид, увеличивается объем сведений, передаваемых из поколения в поколение. Ведь согласно общеизвестному факту количество информации удваивается ежегодно. При этом формы их передачи дифференцируются и специализируются. А поскольку доверие, как уже было показано выше, оказывает значительное влияние на успешность принятия и исполнения решений, в случае его недостатка или отсутствия передача знаний нарушается. Говоря иначе, «подготовка к жизни» дистанцируется от практического участия в ней. Происходит частичная утрата исторической преемственности, корней.

Рассматривая возможные способы реакции на доверие, основными из них являются подтверждение оказанного доверия, возвращение вверенного блага и ответная взаимность. Если индивид или социальная группа хорошо обошлась с вверенными ей ценностями, а затем возвратила их, лицо оказавшее доверие получает ожидаемую выгоду. Иными словами, если спровоцированное доверие ожидаемо обернется взаимным, то доверяющий получает некоторую пользу и все, что с этим связано. Кроме того, не стоит забывать о моральном удовлетворении, которое возникает, когда соучастник взаимодействия оправдал оказанное ему доверие. Это стимулирует к проявлению большей доверчивости в будущем и дополнительно расширяет поле (адресатов и объектов) доверия.

Все сказанное выше преимущественно относится к тому, кто проявляет доверие. Касательно объекта доверия, т.е. того, кому доверяют, необходимы дополнительные рассуждения. Ведь исполнение чьих-либо ожиданий имеет большое значение для личности, наделенной доверием.

Как пишет Д. Гамбетта, «кроме необходимости верить другим, не менее важно быть достойным доверия» [118]. Его работы по данной теме посвящены выявлению механизмов формирования солидарности в криминальной среде. Исследования расширяют понятие символа, акцентируя внимание на ситуации неопределенности и ограниченных возможностей проявления доверия между участниками взаимодействия. Феномен пользования доверием, или же по-другому, соответствие оказанному доверию также выполняет важные функции. Эти функции, несмотря на внешний психологизм, обладают высокой значимостью для функционирования социальной системы и способны серьезно влиять на решения и поступки людей на самых разных уровнях. И в качестве первой мы хотели бы указать чувство удовлетворения от положительно завершенного акта доверия, которое происходит из естественной для человека склонности к объединению. Оно глубоко укоренено в природе людей, ведь человек существо социальное. Чувство признательности и одобрения со стороны непосредственного окружения само по себе является достаточно сильным стимулом к действию. Достаточно вспомнить значимость устного поощрения старшего поколения, учителя, руководителя.

Кроме сказанного выше необходимо помнить, что доверие как феномен социальной реальности обладает инструментальной ценностью, поскольку открывает перспективы для получения различных дополнительных благ. Среди них так называемый кредит доверия. Члены сообщества им обладающие лишены необходимости строгой отчетности о смыслах и мотивах своей деятельности. Они не подвергаются дополнительному контролю и в этой связи обладают большими свободами и доступом к ресурсам. Речь идет как о финансовых, так и об информационных источниках. Попутно для него открываются несколько более широкие возможности для проявления творческой и инновационной мышлению и деятельности.

Члены сообщества, пользующиеся доверием других людей, также имеют доступ к большому кругу контактов, соответственно обладают возможностью наладить интересные и перспективные знакомства, укрепить дружеские контакты и получить различные блага. Вдобавок, члены социума, наблюдающие, как кому-либо оказывается доверие, также склонны доверять данному лицу. В сути данного явления лежат как биологические, так и социальные основания. Феномен доверия имеет тесную природную связь с проблемой безопасности. Мы уже частично касались этого, когда говорили о риске. Человеку как биологическому существу в целях выживания необходимо бороться с угрозами, которые посылает окружающая среда. И доверие в данном контексте рассматривается в качестве действенного инструмента, поскольку позволяет обмениваться знаниями и умениями. Чувство духовной близости, сопровождающее доверие заставляет членов сообщества исполнять взятые на себя обязательства и поддерживать друг друга в решении возникающих проблем.

В современном обществе обладание доверием, пользование им среди широких масс населения представляет собой ключевой элемент социально-политической деятельности. Активисты и представители интересов затрачивают значительные усилия на создание доверительного имиджа, обеспечивающего принятие политических и управленческих решений. Чем большее количество людей оказывает доверие политическому деятелю, тем большим общественным капиталом, и соответственно доступом к финансовым и административным ресурсам, он обладает. Причем подобное, может смело быть адресовано и к другим сферам профессиональной деятельности: искусству, науке, спорту. Слава представляет значительный общественный капитал.

Непорядочность имеет те же негативные последствия, о которых говорилось выше и представляет собой различного рода потери. Потеря имиджа, статуса, финансовых и информационных ресурсов, и т.п. как для

конкретного человека, так и для социума в целом. Это связано с соответствующим ростом напряженности между членами сообщества. В сознании возникает разумный вопрос: «если некоторое лицо проявило недобросовестность по отношению к кому-либо, почему оно не сделает это снова по отношению ко мне?» Рассуждения подобного рода, как правило, носят вирусный характер и быстро распространяются среди масс. И исправить ситуацию очень непросто.

Относительно нашей страны ситуация следующая. Современный пик недоверия пришелся на период распада Советского союза, когда произошел раскол в сознании людей. В результате получил распространение, ранее ограниченно существовавший тип отношений. Дефицит доверия стал компенсироваться неформальными и зачастую незаконными методами действия, с привлечением административных и финансовых ресурсов. При этом происходил и продолжает происходить вытеснение честной конкуренции между социально-экономическими агентами. Последствия кризиса доверия имеют не только экономическое выражение. Атмосфера недоверия проникла во все сферы деятельности человека. Социальная направленность политики государства в значительной степени подверглась изменению. Широкое развитие получила теневая экономика, оборот которой по некоторым оценкам составлял одну пятую часть доходов государственного бюджета. Падение производства, безработица значительных масштабов и высокая степень социальной напряженности – лишь малая часть возникших перед обществом проблем.

За прошедшее время уровень доверия значительно выправился, это подтверждается исследованиями, проведенными в частности аналитическим центром Ю. Левады. Однако он все еще находится на низком уровне, недостаточном, для преобразования культуры доверия. Недобросовестность партнеров и низкие доверительные ожидания представляются нам значительным препятствием на пути повышения

социально-экономической эффективности современного российского общества. Указанный функционал доверия разворачивается в условиях действия еще одной специфической черты доверия. Она состоит в том, что доверие лицу этого достойному также функционально, как и недоверие лицу недобросовестному. Мы не будем подробно на этом останавливаться, лишь отметим, что в случае доверия к честному человеку актер получит блага, расписанные выше, равно как в случае осторожности при взаимодействии с потенциально нечестным партнером, актер может избежать значительных убытков: как материальных, так и нематериальных. Однако специфичность этим не ограничивается. Оказание доверия лицу потенциально склонному к оппортунистическому поведению вполне вероятно может обернуться взаимовыгодным сотрудничеством. Дело в том, что скрытыми остаются мотивы поведения. Акт доверия может превратить партнера в порядочную личность. Поскольку может разбудить в нем спящие чувства ответственности и солидарности и откроет для последнего поле для личностного и финансового развития. Таким образом, несмотря на значительные риски, оказание доверия несет в себе значительный потенциал. В противовес, оказание недоверия лицу добропорядочному, равно как политика полного недоверия в себе данного потенциала не несет. Поскольку следствием имеются возрастающие враждебность, фрустрация, чувство отчуждения.

В практике повседневных социальных взаимодействий формированию доверительных отношений способствует культура доверия. Она, в свою очередь, предполагает «наличие институтов, поощряющих реципрокальные отношения на индивидуальном и групповом уровнях» [88]. Устойчивые формы доверительного поведения позволяют в определенной степени нивелировать проявления отклоняющегося поведения, различной этиологии и компенсировать последствия конфликта ценностей.

В научном сообществе расходятся мнения относительно того, насколько в современном обществе распространено доверие. Данное расхождение связано с тем фактом, что доверие современными исследователями рассматривается в тесной взаимосвязи с правом. В этом отношении распространённость доверия определяется функционированием правовой системы, способной обеспечить защиту интересов в случае недобросовестного поведения участников отношений. Все необходимое для сохранения доверительных взаимодействий эффективно закреплено в нормах и институтах, имеющих поддержку государственных институтов и принуждения. Исследования в данной сфере социогуманитарного знания говорят о существовании основного набора «нормативных правил, с помощью которых вырабатываются поведенческие стратегии доверительного поведения» [88]. Они не могут быть рассмотрены в качестве шаблонов, а являются скорее критериями, на основе которых принимаются решения. Данные критерии способствуют приспособлению к быстро изменяющимся условиям, позволяя сообществу корректировать доверительные представления и ожидания. Эффективность фиксирования доверия у граждан индустриально развитого государства обусловлена сетью тесно взаимосвязанных институтов, обладающих большими ресурсами и способными определять, награждать и дисциплинировать поведение членов сообщества.

Хотелось бы обратить внимание на то, что в современных публикациях социально-философского характера, при обращении к заявленной проблеме, зачастую уделяется недостаточно внимания исторической эволюции доверия. Для изучения данного феномена делается своего рода слепок действующей системы социальных отношений, и уже в этом оттиске социальной реальности устанавливается функциональная роль и связи доверия с различными сферами жизнедеятельности индивида. При этом доверие запечатлевается в некотором статичном состоянии (как пример, многочисленный опыт построения индексов уровня доверия,

основанные преимущественно на количественных методах исследования), что налагает определенные ограничения на понимание сути данного феномена во всей своей многогранности. Отчасти это объясняется давлением западных философских школ, которые за прошедшие десятилетия сумели накопить огромный пласт знания о содержании и взаимосвязях категории доверия. При этом от исследователей могут ускользнуть события и структуры, представляющие исключительную значимость. Мы говорим о таких вещах, которые составляют сущность изучаемого явления и не изменяются с течением времени. О тех составляющих доверия, которые достаточно четко прослеживаются в историческом процессе. Постепенно научное сообщество приходит к осознанию ситуации, когда при растущем количестве разнонаправленных изысканий, мы все еще далеки от построения концептуальной системы понятий, способных отобразить феномен доверия во всей своей сложности. Как вполне справедливо отмечает В.Е. Кемеров, «назрела необходимость в принципиально новых концепциях детерминации сложных систем, в рассмотрении перспектив синтеза знаний не с точки зрения сложившейся дисциплинарной матрицы, а с точки зрения проблем повседневного бытия людей и глобальных практических задач сохранения и развития общества» [65, с.28-29]. Решением данной ситуации может стать историческое рассмотрение заявленной проблемы и историко-генетический подход, которым мы воспользуемся далее.

ГЛАВА 2. ФЕНОМЕН ДОВЕРИЯ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

§ 2.1. Феномен доверия в контексте исторической эволюции

Изучения места индивида в социально-экономической реальности, как и прежде, занимает особое место в социально-философских исследованиях. Работа над концепцией способной описать и объяснить действия индивида как участника социального взаимодействия затрагивает области многих гуманитарных дисциплин. Однако многообразие человеческой личности, значительная широта мотивов поступков являются, во-первых, причинами, по которым понимание природы и содержания доверия становится достаточно сложной задачей и, во-вторых, в свою очередь, обуславливающих необходимость конструирования некоторых отчасти унифицированных представлений о человеке. В стремлении соответствовать критерию научности данные представления будут включать в себя основные переменные, способные охарактеризовать человека, а также, и возможно, прежде всего, критерии, которыми будет руководствоваться человек при выборе и реализации стратегии действия. Разумно предположить, что данные критерии соответствуют и сопутствуют некоторой стадии развития общества, и коренятся в различиях в структуре социальных отношений. В силу указанных обстоятельств, для изучения доверия как фактора социального взаимодействия необходимо проследить историческую развертку изучаемого феномена. Социальная реальность во всей своей многоаспектности, вместе с её свойствами, функциями и особенностями, должным образом раскрывается в контексте времени, на фоне её

исторического движения. Необходимость применения данного метода исследования кроме прочего обусловлена следующими обстоятельствами.

Как уже было указано ранее, исследования, посвященные проблематике доверия, уделяют недостаточно внимания исторической эволюции данного феномена. Несмотря на признание высокой значимости доверия для функционирования общества, зачастую в компаративных исследованиях запечатлевается некоторое статичное состояние доверия, которое затем сравнивается с уровнем в других регионах, у различных слоев населения, либо на разных этапах, взятых в отрыве от исторического развития. В целях преодоления указанных недостатков, считаем необходимым, обратиться к историко-генетическому подходу. Данный метод позволяет воспроизвести изучаемый объект исследования несколько более естественным, правдоподобным образом, учитывая своеобразие социальной среды. Это достигается путём последовательного проникновения в прошлое, что позволяет выявлять причинно-следственные связи уже имеющихся фактов, свершившихся событий или явлений. Также, открываются широкие перспективы для выявления соотношения субъективных и объективных факторов как-то логика политической, идеологической и классовой борьбы, состояние экономического развития и т.п. Кроме того, сложно отрицать тот факт, что исследовательская позиция зачастую основана на опыте, полученном или доставшемся в наследство от предыдущих поколений ученых. Таким образом, обеспечивается должное соответствие требованиям научного знания.

Рассматривая исторические этапы развития социального взаимодействия, мы хотели бы отметить, что не склоняемся к какой-либо определенной методологии изучения. Нами, несомненно, учитывается грандиозный вклад К. Маркса и его формационный подход к развитию общества, позволяющий проследить изменения в общественном сознании, что в свою очередь делает возможным определение роли доверия на

различных этапах исторического развития. Как пишет об этом В.Е. Кемеров, «данная концепция устанавливает зависимость социальных связей, структур, институтов от взаимообусловленного бытия людей, от форм их обособления, индивидуализации, самоутверждения» [66, с.22]. Также существенный интерес представляет теория стадийного развития цивилизации, сторонниками которого являются К. Ясперс [161], У. Ростоу [157] и др. в чьих работах огромное значение придается иным экономическим критериям, таким как технологические инновации, скорость экономического роста и изменения в структуре производства. Равно как и разработки Д. Белла, посвященные альтернативной теории развития общества. В ней исследователь смещает акцент в сторону доминирующих видов производства.

Не умаляя значение отмеченных подходов, мы хотели бы поговорить о некоей общеисторической тенденции, которую можно определить, как производственно-экономический детерминизм. В нее в качестве ключевого элемента входит социальное взаимодействие во всем богатстве форм отношений, доверительных в том числе. А характерной чертой данной общеисторической тенденции является повышение значимости человеческой личности. Подобные идеи можно обнаружить в трудах Г. Гегеля, который считал степень осознания свободы критерием прогресса: «каждый новый шаг – движение к свободе человека» [29]. Также, наличие обще гуманистического вектора подтверждается в работах А.П. Назаретяна. В частности, он отмечает, что проблемой современности, требующей отдельного внимания, является дефицит смыслов. В стремлении справиться с данной проблемой человечество все более обращается к религиозным и квазирелигиозным идеологиям. Сформировавшиеся на основе соотнесения сущностей по принципу свой – чужой, эти ментальные схемы приводят к соответствующему разделению мира [43]. Кроме того, пространство глобальных конфликтов стремительно расширяется, что негативно сказывается на перспективах прогнозирования

их последствий. Исследователь ставит вопрос о том, успеет ли человеческое сознание выработать средства саморегуляции, адекватные возрастающим угрозам.

Особенности доверия как феномена социального взаимодействия коренятся в структуре социальных отношений, присущих конкретному периоду исторического развития человечества в целом. При этом, несмотря на культурные различия между государствами, внутри государства и внутри групп, социально-политического, экономического и иного устройства, взаимоотношения между людьми имеют схожие черты, характерные закономерности, проявляющиеся в истории всех народов и подвластные философскому анализу. Мы намерены проследить изменения, происходящие в структуре доверия, как феномена человеческого взаимодействия. Глобальное историческое развитие начинается с появлением человеческого общества и в зависимости от общих отличительных особенностей условно делится на определённые хронологические периоды. Мы рассмотрим основные из них, а именно Античность, Средние века, Новое и Новейшее время. При этом постараемся отметить наиболее существенные перемены, произошедшие в общественных отношениях и приведшие доверие к той роли, что оно играет в современности.

Мы начнем с периода Античности, который сыграл значительную роль в истории европейской цивилизации. Несмотря на то, что эта эпоха формально распадается на два культурно-исторических блока (Древнюю Грецию и Древний Рим), мы имеем основания говорить об Античности как некоторой целостности. Определение места доверия в структуре общественных отношений этого периода зиждется на понимании специфических особенностей общественного устройства, а также видений членами социума самого человека и его взаимодействий с другими.

С позиций социально-философского знания, культура Античности имела значительные отличия от предшествующих форм организации

общественных отношений. Человек расцвета античной культуры чувствовал себя свободным как внешне, так и внутренне. Это чувство свободы было подкреплено различными факторами: среди естественных особенное значение имел мягкий климат, богатство земель и географическое расположение; среди искусственных факторов хотелось бы отметить само устройство полиса, в котором граждане (лица мужского пола) принимали активное участие в общественной жизни.

Вообще говоря, значимой отличительной чертой античного полиса и общества в целом является уровень индивидуализации, который был на более высоком уровне, нежели в первобытный период. Таким образом, мнение народа не являло собой сплошную массу, подчинявшуюся воле правящей верхушки. Оно представляло собой совокупность индивидов, имевших право голоса на народных собраниях и право участия в управлении (в случае их избрания в органы власти). Народные собрания обладали большим весом при принятии политических и управленческих решений. Как пишет Аристотель, афинское народное собрание созывалось до 40 раз в год. В данных условиях, правителям, военным и политическим деятелям древнегреческих полисов постоянно приходилось соотносить свои действия с мнением народа.

Реформы, инициированные Солоном (приблизительно в VI в. до н.э.) привели к тому, что в античной Греции образовалась общественная структура, основанная на частной собственности. Ранее подобных структур в истории не наблюдалось. Частная собственность в свою очередь послужила причиной создания целой системы политико-правовых институтов, направленных на ее поддержание. Демократическое самоуправление связало право и обязанность каждого гражданина принимать участие в общественной жизни с системой защиты интересов, признававшей свободу личного достоинства, прав и свобод члена полиса. Все это способствовало выработке социокультурных принципов, благоприятствующих расцвету личности, развитию творческих начал,

преобразованию внутренней энергии человека в общественно полезные формы деятельности.

Заложенные основы гражданского общества, послужившие основой для развития примитивно-рыночной системы общественных отношений, активно поддерживали частные собственнические интересы граждан полиса. В результате, античное общество избрало совершенно иное, принципиально отличное от всех других, прежде всего восточных обществ, направление развития. Оно показало большую динамичность и сравнительную эффективность. Впоследствии, эта модель общественного развития была частично утрачена в начале периода Средневековья, однако о ней снова вспомнили в эпоху Возрождения. На ее основе произошел расцвет городов средневековой Европы, укрепилось буржуазное общество Нового времени. Ряд исследователей идут дальше и связывают последующее развитие капитализма с теми взглядами о частной собственности, правах и свободах человека, которые были заложены еще в античности.

Анализируя характерные черты античной культуры с позиций социальной философии, необходимо отметить, что они существуют в тесной связи друг с другом и по большому счету их разнесение весьма условно. Первой из них является антропоцентризм, выраженный в вере в силу и особое предназначение человека. Человек выходит на первый план, подчеркивается самостоятельность индивида как субъекта свободного выбора и ответственного поступка. В тесной связи с антропоцентризмом идут две его значимые формы проявления в человеке, одна из которых эстетизм. Это проявление выражается в стремлении человека к формам действительности, которые могли бы охарактеризоваться как гармоничные, имеющие богатое содержание. При этом сам человек должен был прилагать усилия, чтобы соответствовать этому критерию. Внутренняя и внешняя красота человека не существует отдельно, поэтому немало внимания уделялось прославлению активности человека и

поощрению состязательности, в частности в спорте, политике, ораторском искусстве.

Другой формой является рационализм, т.е. признание особой роли разума и знаний. А нравственной высшей категорией становится понимание свободы. Отдельно необходимо отметить обращенность к искусству и философии. Принципиально новое отношение к миру, попытка объяснить его не при помощи примитивных мифологических структур, а приложением усилий сознания и мышления человека, возможно одно из важнейших достижений античности. Мировоззренческий и культурный прорыв вызвали появление нового типа личности. Подобный антропоцентризм не оставляет широкого простора для религии. Она не отрицается, однако видится скорее, как гражданский обряд или проявление, внешнее выражающее связь субъекта с системой социальных отношений и ценностей.

Другие особенности относятся по большей части к обществу в целом. Человеческий гений значим не столько сам по себе, сколько для всего полиса. И культура, как результат деятельности человека является достоянием всех свободных граждан. Отсюда следует стремление сделать культуру, образованность, знание нормой жизни, принимаемой и желанной народом. И поскольку подразумевается существование естественной связи гражданина и полиса, постольку подчеркивается превышающая значимость гражданина для полиса. Однако, как уже было сказано, человек – это деятель, направляющий свои силы, прежде всего, на обогащение культуры полиса.

Античное общество сумело создать идеал гражданина, уникальный по глубине осмысленности: гармоничная, всесторонне развитая личность, у которой на первом плане находятся гражданские добродетели. При этом умственное развитие проявлялось в делах общественных, нравственные добродетели в повседневных практиках, а физических в военной службе. Об этом же говорят авторы, занимающиеся проблематикой социально-

политической организации и идеологии античного общества. Основательный анализ значения доверия, проведенный ими, изложен в межвузовском сборнике статей под редакцией Э.Д. Фролова «Античный полис» [59]. Об этом также пишут М. Кыйв, Л.А. Пальцева [130] при рассмотрении проблем полиса. Например, ими было отмечено, что политики и полководцы ради доверия со стороны широких масс рядовых граждан были готовы пойти на вражду с богатыми слоями населения. Это объясняется тем, что поддержка населения была необходима для реализации политических реформ.

Несколько иначе подход реализован в работе К. Куле «СМИ в Древней Греции». В ней представлен анализ коммуникации как способа исследования социального пространства. Исследовательница задается вопросом, как в античном полисе происходит распространение новостей, какие при этом используются средства, носители [78]. Также интерес вызывают вопросы общения с чужеземцами, какой при этом использовался язык. Таким образом, общение рассматривалось в самом широком смысле как перемещение людей и передача знаков и символов. Доверие же воспринимается неременным условием возникновения коммуникации, от уровня которой в конечном итоге зависит эффективность межличностного взаимодействия.

И все же любая система имеет как свой расцвет, так и закат. В конце V века происходит крушение Западной части Великой Римской империи, что в глобальном масштабе знаменует собой начало новой эпохи. Изменения затронули все сферы жизни человека, однако процесс был постепенным. Мы рассмотрим средневековье как целостность, отметив лишь некоторые характерные особенности, позволяющие понять суть перемен, с которыми столкнулся человек и общество в целом.

Одно за другим из-под контроля выходили захваченные провинции, вскоре после чего, под натиском варварских племен пал центр. Процесс сопровождался утерей деловых связей, упадком морской торговли, а также

сокращением прироста населения. Произошла утрата части богатого культурного наследия, что оставила после себя эпоха Античности. Вместе с тем, племена варваров не были дикими в общепринятом смысле. В их описании, сделанном современниками сложно отделить вымысел от реальности. Это была группа родственных племен, обладавших зачатками государственности, значительными военными навыками и владевших примитивными способами обработки металлов.

Не следует рассматривать указанные события исключительно с негативной точки зрения, поскольку в указанный период происходит формирование Европы в ее современных пределах и этнических границах. Происходит великое переселение народов, имевшее своим следствием значительное обогащение генетического и культурного материала. Несмотря на возникавшие языковые и религиозные конфликты, при этом происходило заложение предпосылок для образования и развития на европейском континенте новых государств в средневековый период. Закладываются основы европейского парламентаризма, начинается период свершения важных научных открытий, среди которых печатный станок И. Гуттенберга, гелиоцентрическая теория Н. Коперника, механика Г. Галилея, физика И. Ньютона, изобретения Л. да Винчи. Список можно продолжить.

Развитие общественного устройства в период Средневековья, в рамках социально-философского анализа, может быть условно разделено на два этапа. На первом происходит смешение остатков некогда великой римской империи с прибывшими германскими племенами. При этом институты общественного устройства естественным образом видоизменяются под воздействием привнесенных моделей поведения, обрядов и ритуалов. Общественные и политические структуры, существующие в виде варварских королевств, сыграли важную роль в становлении феодализма. Происходит концентрация и последующее перераспределение земли, которая является основной ценностью для

человека и наличие которой становится основой для социального расслоения. Возникают естественные отношения господства и подчинения. Вообще говоря, экономическая жизнь эпохи Средневековья определяется господством крупной земельной собственности, которая находилась в руках феодалов. В свою очередь она была тесно связана с мелким личным хозяйством зависимых от феодалов крестьян. Возникнув ещё в темные века, крепостное право в Центральной и Восточной Европе надолго становится важнейшим элементом социальных отношений в сельском хозяйстве.

Развитие феодализма, основу которого составляло аграрное общество, привело к необходимости пересмотра существующих систем политического устройства. На фоне значительного усиления власти духовенства, существенная часть властных управленческих полномочий была делегирована нижестоящим слоям населения. Господство христианской религии и церкви было определяющим условием духовной жизни человека. Возникшее еще во времена расцвета Римской империи, христианство активно развивалось. Важной вехой на пути развития стал момент заключения союза между католической церковью и императорской властью. В результате вера значительно укрепила свои позиции. Как пишут историки, из религии угнетенных оно превратилось в государственную.

В контексте настоящего исследования, значимым является тот факт, что наряду с экономическими и политическими причинами, это привело к преобладанию религиозного мировоззрения. В этой связи многие проблемы социально-экономического и политического характера рассматриваются с позиций вероучений, утвержденных церковью и объявленных заведомо истинными. Под новые условия были переведены и приспособлены классические труды античности, например, взгляды Платона, Аристотеля и других мыслителей. И если ранее христианство с некоторым неприятием относилось к значительному объему философского

знания, накопленного в античности, поскольку видело в ней элемент языческой культуры. То, постепенно, по мере приобщения к христианству людей образованных, занятых исследования, эта позиция отрицания менялась. Философия стала рассматриваться как средство утверждения новой веры.

Религиозное мировоззрение позволило церкви удалось сосредоточить в своих руках науку и культуру, тем самым взяв под контроль средневековое общество, состоящее преимущественно из воинов и крестьян. Грамотно распоряжаясь ресурсами, духовенство получило огромную власть, выступая посредником между Богом и человеком и оказывая значительное влияние на принятие государственных решений. В то же время церковь прилагала усилия, направленные на сглаживание социальной напряженности: проводилась работа по защите и опеке угнетенных и обездоленных, призывала к милосердию и духовной чистоте. Монастыри привлекали под свое крыло нуждавшихся в покровительстве крестьян, предоставляет им земли для поселения. Таким образом, церковь претендовала на то, чтобы управлять обществом, и выполняла множество функций, которые позднее были переданы государству.

Важнейшей составляющей жизни человека в Средневековом обществе является традиция. Мы не собираемся умалять ее значимость для предшествующих этапов общественного исторического развития. Равно как ее роль в индивидуальных практиках, связанных с непосредственной жизнедеятельностью человека как живого существа. Вместе с тем в контексте настоящего исследования, понятие традиции представляет значительный интерес, в связи с тем, что оно на наш взгляд, хорошо иллюстрирует значение доверия для структуры общественных отношений и вот почему.

Вне зависимости от точки рассмотрения традиция может быть представлена в качестве механизма межпоколенной коммуникации, она оказывает влияние на все сферы жизнедеятельности индивида, при этом

статусное определение образа жизни. Как пишет культуролог А. Гласси: «традиция – это культурный продукт, созданный или продолженный прошлыми поколениями, который, будучи принят и переосмыслен последующими поколениями, дошел до настоящего времени» [162]. Это значит, что функции и роли, выполняемые индивидами, детерминированы такими качествами как пол, возраст, принадлежность к некоторой общности. В этой связи социальный порядок воспринимается как должное, вот почему индивидами по большому счету не предпринимаются попытки изменить порядок вещей. Социальная мобильность носит естественно-ограниченный характер, и не играет существенно значимой роли в функционировании общества. Преемственность между поколениями в своей сути это не столько сама передача некоторых сравнительно неизменных форм социального бытия, сколько критическое переосмысление настоящим поколением накопленного социокультурного опыта предшествующих поколений.

Рассматривая традицию как механизм передачи информации между поколениями, необходимо уделить внимание коммуникационной составляющей такого взаимодействия, поскольку перемены в коммуникации оказывают существенное влияние на восприятие традиции и воспроизводство традиционного действия. Здесь можно привести результаты исследований У. Онга, который выделил основные коммуникационные стадии человечества. В каждом случае коренные перемены в способе коммуникации оказали ключевое влияние и на традицию в силу изменений характера передаваемого значения [116].

Изменяющиеся формы передачи, получения и осознания информации не могут не влиять на структуру межличностных отношений в частности и общественных вообще. В этой связи традиция может быть рассмотрена в качестве отдельной от опыта конкретного человека, самовоспроизводящейся структурой коллективной памяти. Эта структура играет роль матрицы для повседневных социальных практик, обеспечивает

стабильность установленных и легимитизированных социальных отношений, защищая сообщество от негативного, и положим разрушительного, воздействия как изнутри, так и снаружи. В средние века происходит оформление вопросов, на одной чаше которых о соотношении деятельности, а также воли и сознании человека, на другой естественной необходимости социального порядка и божественного предопределения. Постановка таких вопросов свидетельствует о возрастании влияния людей на социальные условия, а также об усложнении структурности общества и обострении противоречий между различными группами.

Особенностью межпоколенной коммуникация в традиционном обществе является такая ее характеристика как диалогичность. Это находит свое выражение в том, что вне зависимости от того письменной или бесписьменной является коммуникация, она априорно предполагает в своей сути «общение» субъекта «говорящего» (передающего) и субъекта «слушающего» (принимающего). Примеров тому множество: наставления отцов детям, проповеди священнослужителей, распоряжения главы сообщества. Непосредственность контакта зачастую сводит на нет необходимость верификации получаемых сведений. К тому же сам факт проверки и апробации мог быть негативно воспринят старшим поколением как проявление неуважения. Примеры можно найти и в современности. Старшее поколение помнит времена, когда просмотр вечерних новостей по телевизору (прослушивание радио), или же программы «Поле чудес» становилось целым событием в жизни отдельной семьи. В условиях ограниченного количества источников информации, телевизор или радиоприемник становился местом сосредоточения и сплочения членов малой группы. Местом обмена новостями, совместного обсуждения услышанного или увиденного, построения планов. Устная и письменная коммуникация в своем содержании представляет собой направленную систему воздействия на принимающий субъект, даже учитывая тот факт, что последний мог одновременно находиться под влияние нескольких

различных традиций. Такая целенаправленность способствовала поддержанию преемственности поколений.

Так каково же место и роль доверия в средневековом обществе? В указанных условиях доверию как таковому пространства остается не много. Жизнь человека достаточно строго регламентирована религиозным мировоззрением. При этом религиозность не стоит рассматривать в исключительно негативном ключе, поскольку она во многом способна решить проблему повседневного существования, освобождая человека от необходимости сложного выбора. Члену сообщества остается лишь принять этот выбор и действовать согласно соответствующим моделям поведения. Хорошо это или плохо вопрос субъективный. В средневековом обществе проблемы доверия как таковой не существовало, поскольку власть церкви в купе с сильной системой родовых отношений практически полностью решала проблему неопределенности. Социальные связи средневекового общества характеризуются как короткие, в связи с тем, что значительно ограничиваются общиной. Мир общины, несмотря на свою замкнутость, территориальную и количественную локализованность, является вполне самодостаточным. Воспроизводство социальной структуры, основанное на рутинных взаимодействиях, которые при этом отличаются прозрачностью моделей действия в каждой конкретной ситуации, позволяют человеку предсказывать вероятных исход событий и ответные реакции окружающего мира, которые происходят по заданной укладом траектории. Тем самым индивид получает возможность обойти или избежать специфических проблем риска и социально-неверного поведения.

В середине XVII века рост значения централизованного государственного управления ознаменовал собой окончание эпохи Средневековья. Были завершены крупные феодальные конфликты, в результате которых раздел территорий на некоторое время приостановился. Новое время – следующий этап исторического развития –

охватывает более двух столетий и представляет интерес, поскольку именно в это время закладываются основы современного мира. Культура предшествующего ему Возрождения характеризуется стремлением освободить человека от внешних авторитетов, в сознание масс возвращается гуманизм и антропоцентризм. Человек наделяется правом свободного выбора образа жизни в соответствии с личными мотивами и устремлениями. И если первоначально речь шла именно о религиозном выборе, то впоследствии его личное пространство было расширено. Постепенно на человека ложится бремя ответственности за собственную жизнь, во многих ее аспектах.

Научная революция, начатая еще в XVI веке, постепенно выходит из-под неусыпного контроля церкви. Шаг за шагом меняется привычный образ мира, основанный преимущественно на религиозных догматах. В культурно-историческом плане происходящая в европейской культуре механизация картины мира представляет собой специфическое явление, открывающее хорошие перспективы для социально-философского анализа. По большому счету это вытеснение системной средневековой философии, обращенной вокруг университетов и по своей сути являющееся объединением в целое католического богословия и работ Аристотеля. Представления о материальном мире как иерархически упорядоченном организме, подпитываемом внутренними субстанциональными качествами, заменяются иным видением, согласно которому мир вокруг состоит из однородных неодушевленных частиц. При этом они взаимодействуют друг с другом в строгом соответствии с законами механики.

Перемены в социально-политических и экономических сферах жизни общества находят свое отражение в философских изысканиях, которые в эпоху Нового времени вылились в форму полемики между лагерями сенсуалистов и рационалистов. Это противостояние обращается вокруг понятия познания, представляющего собой форму духовного

производства. В этом процессе человеком задействуются практически все свои способности, важнейшими из которых являются разум и чувства. Именно вокруг их соотношения мыслителям не удалось найти компромисса. Первый лагерь (Дж. Беккли, Т. Гоббс, Дж. Локк, Л. Фейербах) исходит из понимания, согласно которым, органам чувств принадлежит решающая роль. При этом единственным источником и средством достижения истины признавались ощущения и другие формы непосредственного созерцания [54].

Этой позиции противостояли рационалисты в лице ярчайших его представителей: Р. Декарт, Г.В. Лейбница, Г. Гегеля и др. Они, опираясь на успехи математики, пытались обосновать, что всеобщие истины могут быть выведены лишь из самого мышления. Их положения могут быть проиллюстрированы словами Г.В. Лейбница: «критериями истинности суждений являются правила обычной логики, какими пользуются и геометры: например, предписание принимать за достоверное лишь то, что подтверждено надёжным опытом или строгим доказательством» [75]. И, несмотря на то, что оба названных подхода достаточно проработаны и имеют много глубоких идей, их сложно назвать завершёнными.

Несмотря на то, что в сфере социально-политических отношений происходит значительное усиление феодального строя, впоследствии принимающих форму абсолютной монархии, ранее возникшая тенденция к капитализации набирает свою силу. Это находит выражение в росте городов, как крупных деловых и производственных центров, развитии предпринимательства, повышении уровня технической культуры общества. Происходят многочисленные открытия в промышленной среде, развивается горнорудное дело, станкостроение. Появление новых материалов (цемент, бетон) и металлоконструкций придает невиданный ранее темп городскому строительству. И если в Средние века большая часть населения проживала в сельской местности, то Новое время создает благодатную почву для возникновения феномена урбанизации. Здесь

необходимо отметить, что городская жизнь по своей сути достаточно противостоит человеку. Концентрация населения на относительно ограниченной территории практически не оставляет человеку возможностей для добычи пропитания естественным образом. Соответственно появляется необходимость в новых способах и механизмах удовлетворения потребностей. Причем на самом деле, здесь открывается гораздо больший простор для анализа. Например, в сфере формальных и неформальных институтов. Как пишет А. Аузан, продолжительное время на рынок за продуктами ходили преимущественно женщины. Это было связано с тем, что на рынке можно торговаться, что для мужчин считалось неподобающим. С другой стороны, в процессе обсуждения цены можно было по разным признакам определить качество товара. Непосредственный контакт порождает доверие. Его достаточный уровень приведет к успешному завершению интеракции, а недостаток – может стать причиной отказа от сделки. До появления первых универсальных магазинов, вызвавших потребительскую революцию, и существенно изменивших данный порядок, оставалось совсем немного времени [8].

Несмотря на данную неестественность города, он предоставляет возможности для повышения эффективности труда, и как следствие, предприятия в целом. Ведь для развития производственных мощностей требуются значительные человеческие ресурсы. Концентрация работников на единице площади упрощает налаживание коммуникаций, повышающих качество жизни. Кроме того, создаются условия для ускоренного обмена знаниями и навыками, что привлекает в города талантливых людей, желающих реализовать себя. Договорно-правовая система продолжается активно развиваться. У нее также появляется новое поле применения – трудовые отношения наемных работников. Неформальные объединения наемных рабочих постепенно обретают законченный вид профсоюзов, целью которых становится защита интересов всех категорий работников.

Изменения в самосознании человека могут быть прослежены на примере уже ставшей классической работе М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» [20]. Ученый рассматривает причины распространения капиталистической системы в Европе и приходит к следующим выводам. На протяжении всего Средневековья церковь играла значительную роль в жизни общества. По некоторым оценкам духовенству могло принадлежать до трети всей обрабатываемой в Западной Европе земли. При этом она использовала те же методы и приемы, что и светские феодалы, т.е. использовала труд крепостных при этом, не уплачивая церковного налога. В этой же связи процветать она могла лишь до тех пор, пока господствовала ее материальная основа – феодальный строй. Однако с середины XVI века в Европе происходит постепенное формирование нового социального класса – буржуазии. По мере увеличения численности нового класса собственников, появилась необходимость в новой идеологии. При этом не подразумевалось отхождение от христианства в целом. Речь шла о необходимости внесения коррективов в деталях. В частности, поскольку доходы, получаемые от собственности, шли в дело, на развитие производства, то необходимость в дорогостоящей организации церкви попросту отпала.

В поисках обновленной духовной опоры буржуазия обратила свое внимание на протестантство. Возникшее как отрицание и оппозиция средневековым институтам Римской католической церкви, это течение христианства отвечало ожиданиям активных и деятельных людей. Протестантский религиозно-этический комплекс, в противовес католичеству, подразумевал, что попасть после смерти в лучший мир могут лишь избранные. Понять является ли человек таковым можно по тому, насколько он успешен в делах. Кроме того, постулировалось, что человек должен рационально управлять своей жизнью и планировать будущие деяния. Такая религиозная установка воспитывала в людях

честность, верность профессии, трудолюбие и бережливость, стимулируя их к занятию богоугодными, праведными делами.

В рамках социально-философского анализа можем полагать, что следование этому комплексу не просто создало условия для активного роста предпринимательства. Оно обеспечило условия для возникновения новой формы доверия – доверия между партнерами. Создание деловых отношений подразумевает некоторую готовность сторон к приложению усилий. При этом следование нормам морали, честности и открытость участников взаимодействия служит хорошей основой для долговременных деловых отношений.

Новое время, впрочем, как и многие другие эпохи, в культурно-историческом плане, имеет весьма противоречивые оценки. Великие открытия и изобретения, наравне с масштабными военными конфликтами существенно расширили сферы деятельности человека. Соответственно увеличившиеся коммуникации и взаимодействия людей потребовали для себя новые основы. Этой основой стало доверие, только в несколько видоизмененной после Средневековья форме.

Подводя промежуточный итог, хотелось бы отметить следующее. На протяжении всего исторического развития человеческого общества, основы, на которых строились взаимоотношения между людьми, претерпевали значительные изменения. Принципы общественного устройства, характерные для той или иной исторической эпохи определяли пространство для возникновения доверительных отношений. Например, во времена Античности доверию отводилась значительная роль в социально-политических вопросах. Вместе с тем, данное утверждение касается только граждан полиса, т.е. лиц мужского пола, обладающих собственностью. Женщины, равно как и рабы права голоса не имели, а значит и участия в общественной жизни не принимали. Поэтому судить о действительном пространстве доверия проблематично. Вместе с тем, нарастание доверия есть некая реальная и определенно оптимизирующая тенденция, которая

способствует улучшению функционирования всех аспектов социального взаимодействия, и экономических прежде всего, поскольку они (согласно еще Марксу) являются базисными.

В Средневековье на первый план выходит религиозное сознание, которое вторгается во все сферы жизни человека, при этом достаточно жестко регламентируя рамки повседневных социальных практик человека. Несмотря на то, что церковь оказывала значительное воспитательное влияние на общество, обязывая его членов жить согласно Божьему слову, не редкими были случаи, когда церковные сановники превышали свои полномочия. Речь в первую очередь идет о продаже индульгенций, поставленная «на поток». Власть духовенства остается неприкосновенной на протяжении нескольких столетий. В целом, социально-политические условия жизни человека в данный период практически не оставляют пространства для доверия. Мы помним, что большая часть населения проживала в деревне, а это означает культурную однородность, характерную для семей и простых, мелкомасштабных и досовременных обществ.

В новое время ситуация меняется значительным образом. Урбанизационные процессы охватывают практически все государства европейского континента. Начинается бурный расцвет промышленности. Один за другим появляются новые общественные институты, как формальной, так и неформальной формы. Человек вовлекается во все большее количество социальных контактов. В данных условиях способность контролирующего воздействия традиционных институтов на человека в некоторой степени утрачивается. Новые времена требуют новых решений, способных обязать человека поступать честно и реализовывать общественно ожидаемое поведение. Для чего? Как ранее было сказано, это основа стабильности социального воспроизводства общественной организации.

§ 2.2. Феномен доверия в аспекте современного общественного воспроизводства

В 1918 году человечество вошло в Новейшее время – следующий этап исторического развития – длящийся по сей день. Изменения во всех сферах жизни становятся все более стремительными. Историки характеризуют этот период как весьма жесткий, поскольку он омрачен масштабными военными конфликтами, крупными террористическими актами и природными катаклизмами. В сфере политических отношений наблюдается определенное сближение государств с объединением их в коалиции и альянсы. В результате начался сложный процесс перераспределения военно-политического потенциала. Однако касательно темы настоящего исследования внимание необходимо уделить следующему.

Современный мир в своей сути представляет совершенно уникальное явление. Уникальность эта состоит в просторе коммуникации. Никогда ранее обмен сообщениями в знаково-символической системе не был столь прост и доступен. Происходит бурный рост коммуникационных технологий, оказывающих все возрастающее воздействие на социальные процессы во всем мире. Вместе с тем, характер этого воздействия вызывает противоречивые и не редко противоположные оценки. Дело в том, что с одной стороны, средства связи, проникшие в мир личный человека и ставшие ее неременным атрибутом, способствуют становлению целостного, прозрачного и разумного мира. Средства связи сокращают расстояния между людьми, позволяют эффективнее реализовывать профессиональные и личные интересы, связывают людей в ассоциации по интересам, способствуют крушению культурных и языковых барьеров и т.д. С другой стороны, объемы циркулирующей в социальном пространстве информации значительно превысили возможности человека по ее

переработке. Возникает специфическая проблема отбора необходимых сведений из густи информационного шума. Кроме того, возрастание информационного давления открывает поле для манипуляций сознанием в коммерческих и политических интересах. Публичные люди, заигрывая с правдой, вводят потребителей в заблуждение. В крайних случаях это приводит к фрагментации личности и тяжелым асоциальным последствиям.

Важным отступлением нам видится вопрос идентичности. Понятие идентичность предполагает некоторую схожесть и подобность. В контексте социальных отношений речь идет о том, что в изменяющихся условиях, когда сознание граждан, подобно информационным потокам, фрагментировано, однозначно ответить на вопрос, кем же человек является, становится проблематично. В настоящее время, как в России, так и во всем мире наблюдается кризис идентичности, причем как индивидуальном, так и коллективном уровне. Как писал Э. Тоффлер, «... в настоящее время миллионы людей занимаются поисками своей идентичности или какого-то магического средства, которое помогло бы им вновь обрести свою личность, мгновенно дало бы ощущение близости или экстаза, привело бы их к более высокому состоянию сознания» [135].

В широком понимании, формирование идентичности – это рефлексивный процесс. И эта рефлексия, по мнению Э. Гидденса, являющаяся основным аспектом современного этапа развития общества, специфическим образом изменяет основы формирования самости индивидов [32]. Динамичность социального бытия, активность и сложность социальных связей приводит к значительным переменам, имеющим место внутри человеческой личности. Чувство онтологической безопасности, исходящее и детерминируемое повседневной действительностью, находит свое выражение в субъективных ощущениях, или скорее подразумевании наличия ответов на основные онтологические и экзистенциальные вопросы. Речь идет о таких естественных темах как

конечность жизни, роль человека в мире, его взаимодействие с другими людьми, об истине и смысле. Э. Гидденс рассуждая об основе этого чувства онтологической безопасности, приходит к выводу о наличии базисного доверия, т.е. бессознательного ощущения социальной принадлежности. В качестве примера в литературе приводится связь ребенка с родителями. Эта связь служит основой для последующего развития личности ребенка, формирования эмоционального, когнитивного и других навыков. Как пишет Г. Салихов: «в жизни человека чувство онтологической безопасности поддерживается рутинизацией повседневности, что формирует своего рода защиту, создает ощущение уверенности в сравнительно благополучном ходе повседневной жизни» [122].

События современности показывают насколько нестабильной и непредсказуемой может стать ситуация. В качестве примера обратимся к миграционным проблемам, которые испытывает европейское сообщество в настоящее время. Стремительные перемены в глобальных политических и экономических системах привели к многократному увеличению потока беженцев и нелегальных мигрантов из стран африканского региона, Ближнего Востока и Южной Азии в Европейский союз. По мере развития событий произошло обострение социальной напряженности, связанной с неспособностью принятых моделей интеграции и толерантности, справиться с потоком мигрантов. В этой связи интересна точка зрения ученых Н. В. Осокиной и А. С. Суворова, согласно которой в настоящий момент Европа переживает процессы потери экономической суверенности, которые являются следствием реализации проекта европейской интеграции» [102, с.184].

Кризис европейской социальности, имеющий в настоящее время политико-экономическую направленность, еще не дошел до своего пика. Беженцы хотят стать европейцами, сохранив при этом свои культурные и национальные особенности. Однако по мере роста количества членов

этнических групп, они получают возможность оказывать все большее давление на принятие политических решений на государственном уровне. Миграционный кризис обострил противоречия внутри Евросоюза: в первую очередь это финансовая нагрузка на трудоспособное население и проблемы национальной безопасности. Наиболее пессимистически настроенные аналитики прогнозируют постепенное замещение европейского населения на мигрантов.

Существует еще одна тенденция, которая имеет прямую связь с доверием и прослеживается на каждом этапе исторического развития. Речь идет об усилении неопределенности. Процессы детрадиционализации, широко развернувшиеся за прошедшее время, привели мировое сообщество к повышению уровня неопределенности социальной жизни. Размытие перспектив грядущего будущего, стирание границ и множественность исходов событий превращают современность в общество риска. Иначе говоря, жизнь человека теряет свою предсказуемость: человек находится в состоянии непрерывно продолжающегося эксперимента с последствиями, которые плохо поддаются прогнозированию ввиду размытости границ социального бытия. Рассмотрение доверия через призму неопределенности и риска кажется нам весьма перспективным.

Здесь мы хотели бы остановиться немного подробнее, поскольку неопределенность и риск получают в современном обществе новое толкование. Риск и неопределенность являются естественными спутниками человеческой жизнедеятельности с момента рождения и до самой смерти. Люди ежедневно сталкиваются с необходимостью принятия рискованных решений в связи с тем, что непредсказуемый характер природных и общественных явлений не позволяет предсказать развитие событий с достаточным уровнем достоверности. Это обстоятельство характеризует львиную долю событий, связанных с действиями людей, вне зависимости от сферы приложения усилий. Отношение мира и человека являет собой

крайне неустойчивый баланс определенности и неопределенности, при этом риск стал характерной чертой повседневных социальных практик. Мы с сожалением вынуждены признать, что в настоящее время, неопределенность, риск и обусловленные потенциальные угрозы общественной стабильности нарастают, склоняя хрупкий баланс в сторону общества риска. Вместе с тем, риск всегда таит в себе перспективу перерождения на качественно новом, лучшем уровне.

В социально-философском понимании, риск представляет собой сложный социальный феномен, который, тем не менее, еще не обладает достаточным понятийным аппаратом. Особенностью изучения риска является его существование в контексте определенной онтологии, а также необходимость применения вероятностного способа мышления, поскольку риск представляет собой характеристику неопределенности. В литературе социально-философской направленности зачастую проблематично найти приемлемое определение риска. В частности, в работе «Общество риска и человек: онтологический и ценностные аспекты», представлен следующий тезис: «риск – это исторически и социально заданная форма проблематизации будущего, выражающая соответствие между актуальным настоящим и неопределенным будущим в сознании личности, социокультурный смысл которой определяется внутренней сложностью общества и способностью человека формулировать и решать все более сложные задачи». Далее по тексту встречается несколько иная формулировка, в которой риск и опасность предстают в виде категорий, относящихся к определению и пониманию перспективы развития событий в будущем.

Категории риска и неопределенности зачастую используются как синонимы друг для друга. Вместе с тем, в ряде работ подчеркивается идея о различии риска и неопределенности. Данные различия строятся вокруг объема доступной информации относительно рассматриваемой ситуации. Такой подход к различению понятий в теории риска именуется

информационным. Впервые он был сформулирован Ф. Найтом в работе «Риск, неопределенность и доход» в 1921 году. В ней сделан акцент на вероятностном распределении исходов, согласно которому в случае, если индивид обладает знанием о вероятности наступления определенного исхода событий, то речь идет о риске [98]. Иначе, в ситуации отсутствия информации, уже о неопределенности. Информационный подход позволяет определить методы для принятия решений в тех или иных условиях. Знание о вероятностном распределении исходов позволяет применять математический аппарат теории вероятностей, а также понятия случайной величины и ее численные характеристики.

Согласно другому подходу, различия между риском и неопределенностью заключается в наличии заинтересованности субъекта, с позиции которого рассматривается ситуация. То есть в случае, когда индивид не проявляет озабоченности в отношении того, каким образом происходят события и того, чем ситуация может обернуться, мы имеем дело с неопределенностью. Если же для субъекта отношений не все исходы событий имеют равную значимость и вес, то считается, что это ситуация риска. Это значит, что индивид оценивает возможность наступления исхода событий менее предпочтительного, чем остальные. При этом предпочтительность обусловлена определенным соотношением выгод, убытков и затраченных ресурсов. Ситуация неопределенности убытков не подразумевает. Стоит отметить, что использование информационного подхода не исключает безразличное отношение индивида к результату действий, в связи с чем, разделение понятий «риск» и «неопределенность» в рамках двух разных подходов является весьма условным и используется лишь как вспомогательное средство.

Значимым отличием ситуации риска и неопределенности является возможность количественно оценить вероятность реализации возможных событий. Риск может быть представлен как разновидность неопределенности в случае возможности оценки вероятности

осуществления принятого решения с учетом влияния внешних и внутренних факторов. Т.е. (в противоположность неопределенности) наличествует оценка последствий предпринимаемых действий в количественных критериях, чего нельзя сделать в ситуации неопределенности, что являет собой различие между риском и неопределенностью. Рискованная ситуация включает в себя понятия субъекта, решения, вероятности и потери, вот почему риск является следствием принятия индивидом решения, т.е. связан с субъектом, не только осуществляющим действие, но и оценивающим вероятность наступления неблагоприятного исхода и связанные с этим исходом потери. Совершая рискованное действие, субъект сознательно принимает возможность альтернативного развития событий, являющихся последствием принятия определенных решений, при этом возможный результат в точности ему не известен. В свете данных рассуждений, действие, претендующее на рациональное, представляется в виде выбора из возможных линий действий, с оценкой риска на каждой стадии его осуществления. Подчеркивается идея о риске как интегральной характеристике, которая объединяет в себе обобщенное представление о вероятности осуществления конкретных решений и оценку возможных последствий.

Согласно мнению О.Н. Яницкого в современных исследованиях можно выделить два принципиальных среза интерпретации риска как «социального феномена: реалистическое и социокультурное». К первому пониманию склоняются естественные науки, которые берут за основу понятие опасности, ошибки, способы вычисления вероятности их допущения, которые характеризуют обстоятельства, имеющие неопределенность исхода. Таким образом, под риском понимают сочетание вероятности и последствий наступления неблагоприятных событий. При этом предполагается, что риск представляет собой

объективный факт, который поддается изучению и существует независимо от социокультурных условий и процессов [157].

Второе социокультурное направление интерпретирует данное понятие с точки зрения человеческого восприятия, при этом поднимаются вопросы о природе риска, о его соотношении с угрозами современных общественных отношений. Данным направлением также разработаны как формальные, так и неформальные методы для оценки и измерения рисков. Поскольку риск априорно сопровождает повседневные социальные практики индивидов, в качестве социокультурного основания данного феномена может быть рассмотрено такое качество человеческой натуры как целеполагание. Это объясняется тем, что цели и действия, направленные на достижение цели, не имеют жестко определенной формы существования. Речь идет о том, что поскольку риск всегда присутствует в жизни индивида, зачастую существует не один определенный исход событий, а несколько. Кроме того, по мере продвижения к намеченной первоначальной цели, индивидом нередко производится ее корректирование, переопределение, а также возможный отказ. Данные действия в свою очередь порождают все новые варианты развития событий, таким образом, одна группа неопределенности сменяется другой. В свою очередь неопределенность детерминирована случайностью как естественных, так и социальных явлений, а также непредвиденными действиями индивидов и ограниченностью человеческого сознания.

Последнее, а именно ограниченность человеческой способности рассуждению и анализу весьма подробно рассматривается в рамках новой институциональной экономики. Данное понятие предложено Г. Саймоном, и отражает характеристику агентов социально-экономических отношений, прилагающих усилия для принятия решения о действии в условиях, когда доступ к информации затруднен, а возможности ее анализа ограничены [121]. Данные ограничения обусловлены как несовершенством мыслительного процесса индивида, так и отсутствием достаточного

времени на решение проблемы. В виду сложности и высокой степени неопределенности многих социально-экономических явлений и процессов, индивиды в процессе повседневных социальных практик используют не строгое применение правил оптимизации, а скорее эвристический анализ, позволяющий вычислить и учесть полезность действий, пусть и с определенной вероятностью.

Однако, подход, согласно которому риск возникает в ситуации недостаточности знания, а также других видов ресурсов, не способен в должной мере объяснить стремления определенных индивидов к преодолению опасности, пренебрегая при этом рациональными доводами, т.н. «риск ради риска». В этом случае мы приходим к категории свободы. Свобода выбора и осуществления действия, порой идущего вразрез с биологической и социальной необходимостью как ответная реакция на заданный социокультурными, экономическими и иными условиями порядок. Риск, выступая мерой неопределенности предстает в виде среды, погружаясь в которую индивид попадает в условия не predeterminedности бытия, получая определенное множество возможностей, которые могут быть осуществлены, либо не осуществлены в зависимости от определенных обстоятельств и собственных усилий. Наибольшее значение придается собственным возможностям, отодвигая на второй план социальные нормы и морально-этические предписания. Однако кажущаяся иррациональность подобного действия имеет важную социальную функцию укрепления веры в себя, которая, как мы уже показали, тесно связана с доверием к окружающим.

Другим основанием риска, также имеющим социокультурную природу, является существование неравенства в социальной структуре. Наличие верха и низа социальной системы, обусловленной иерархией в системе ценностей, воздействует на индивида, стимулируя на достижение благ и общепринятых ценностей и предостерегая от противного. Возможность нарушения социального положения, принятого в конкретном

сообществе в качестве нормального может происходить по разным причинам, природным (стихийное бедствие), политическим (государственные перевороты), демографическим (пики и спады рождаемости), экономическим и многим другим. Вместе с тем, социальные риски выделяются в системе рисков способностью возникать не в чрезвычайных, а в обычных условиях в связи с функционированием общества. Более того, социальные риски могут возникать именно в связи с базовыми общественными отношениями ввиду несовершенства последних. Понимание данной проблемы привело к созданию системы социальной защиты, которая развивается и реформируется как механизм снижения социальной напряженности.

Категория рискогенности современной действительности как инструмент описания тенденций усиления социально-экономической неопределенности отводит доверию место механизма борьбы с риском через усиление ощущения социальной защищенности, как общества, так и индивида. Проработкой данного вопроса занимались многие видные ученые, среди которых Э. Гидденс, Н. Луман, А. Селигмен, У. Бек, который в частности склонен связывать повышение рискогенности общества с утратой доверия. В своих работах он говорит о том, что ощущения опасности существовали и раньше, однако современность отличается наличием страхов, связанных с неясностью дальнейшего направления развития социума [26].

Поскольку доверие как феномен есть реакция на риск и неопределенность, выражающаяся в определенной концепции действий, разумно предположить о наличии стратегии. В научной литературе можно встретить интерпретацию стратегического поведения как определенной последовательности мыслительных и поведенческих актов, направленных на достижение цели. На наш взгляд оно является приемлемым для построения модели доверительной стратегии действия индивида. Для этого мы рассмотрим действия участников взаимодействия как осознанную

последовательность актов принятия решений, нацеленные на эффективное использование ограниченных возможностей. Здесь мы сознательно опускаем причины возникновения доверия, поскольку они нами уже рассмотрены выше, и полагаем, что основания для данного вида безусловности существуют и, что важнее, принимаются индивидом.

Очевидно, что целью доверительной стратегии действия является установление отношений, основанных на близости, которая способная обеспечивать условия солидарности включая в себя обязанность участвовать в социальном взаимодействии и выполнять свои обязанности. Здесь особое значение придается понятию символического кредита, который в свою очередь играет ключевую роль в самом факте существования социально-экономической жизни сообщества. Как было сказано в предыдущем параграфе, символический кредит основан на системе развивающихся ожиданий и составляет основу сотрудничества. Различные варианты символического кредита, составляющего основу подобной уверенности, делают возможными социальные отношения, вместе с тем, они весьма специфическим образом структурируют социальную жизнь и социальный обмен.

Поскольку доверие, пусть очень условно, может быть рассмотрено как «реакция» на действия другого, а также ситуацию неопределенности в общем случае, в процессе осуществления обмена индивид склонен проводить сравнение своего вклада и вознаграждения с вкладом и вознаграждениями других участников обмена. Результаты такого сравнения оказывают существенное влияние на выбор индивидом конкретной формы своего доверительного действия, т.е. его целенаправленности на благоприятное изменение в будущем результатов социального сравнения. Таким образом, доверительная стратегия социального действия предстает в виде высоко-динамичной системы социально-ориентированных актов направленного на сглаживание напряженности, связанной с существующими рисками. Рассматривая риск

в контексте его влияния доверия на социальное взаимодействие, необходимо учитывать его тип, согласно концепции, предложенной М. Вебером. Традиционное действие было достаточно подробно рассмотрено в предыдущем параграфе. Далее мы продолжим наш анализ.

Аффективное действие, отражающее субъективную оценку текущей ситуации в своем чистом виде также не является в достаточной степени осмысленным, в частности, с точки зрения предполагаемой вероятности наступления неблагоприятного исхода событий. В данном случае будет более точным говорить о наличии или отсутствии прямой угрозы жизни или здоровью, стрессе. Поскольку в его основе лежит эмоциональный процесс взрывного характера, который может быть описан как высокоинтенсивный, кратковременный, и сопровождающийся резко выраженными двигательными проявлениями и изменениями в работе внутренних органов, о доверительной стратегии действия как таковой говорить сложно. Вместе с тем, при определенных условиях эмоциональное действие, характеризующееся кратковременной ограниченной вменяемостью, находит свое выражение в осознанных поступках, преследующих цель высвобождения от гнетущей эмоциональной реакции. В таком случае говорят о сублимации, т.е. данное действие по своей сущности близко либо к ценностно-рациональному типу, либо к целенаправленному, или же к обоим сразу.

В случае ценностно-рационального действия значение сосредотачивается не в достижении какой-либо внешней цели, а в определенном акте как таковом. Данный тип поступков основан на принятии несомненной ценности (идеализированной, ментальной, морально-нравственной или иной) самого этого действия, взятого в своей ценностной определенности как нечто самодостаточное и независимое от его возможных результатов. Поскольку доверие представляет собой ценность лишь в контексте конкретного взаимодействия, мы не можем говорить о самодостаточности. Вместе с тем нельзя не отметить

значимость доверия и доверительной стратегии индивида относительно других действий ценностно-рационального характера.

Согласно Веберу, в современных общественных отношениях преобладают действия, имеющие целерациональный характер, и предполагающие достижение поставленных целей с помощью рациональных средств. Эти действия основаны на знании и результатах мыслительных операций. Однако мы уже отмечали, что человек не обладает безграничными способностями к мышлению, и рациональность, порой достаточно серьезно, ограничена. Положение осложняется тем, что вдобавок, индивиды имеют склонность к оппортунистическому поведению, т.е. ведут себя нечестно. Это значит, что при установлении отношений с другим человеком, у индивида, по большому счету имеется всего два направления приложения усилий: первое может быть сведено к попытке проверить добросовестность соучастника взаимодействия; второе – довериться ему. В структуре повседневных социальных практик чистые виды данных моделей поведения встречаются не часто. Это объясняется критично высокими издержками, которые в экономической теории получили обозначение как транзакционные, в первом случае, и высокими убытками (потерями) во втором. Зачастую индивиды используют смешанные стратегии доверительного поведения, которая, как и сама цель, неоднократно корректируется с течением времени.

Продолжением веберовских традиций являются работы Ю. Хабермаса и разработанная им теория коммуникативного действия. Исследователь разработал собственную типологию, содержащую два больших типа действия – ориентированные на успех и на понимание [142]. При этом Хабермас признает, что коммуникативная рациональность не способна в должной мере объяснить процессы общественного воспроизводства. Поэтому общество понимается с одной стороны, как жизненный мир, или символическое самовоспроизводство или

самоинтерпретация, с другой – как система действий, в виде которой оно предстает перед лицом стороннего наблюдателя.

Анализируя предложенную им типологию социального действия можно сделать заключение о значимости доверительной стратегии для структуры повседневной коммуникации. Хабермас предлагает отойти от традиции западной философии нового времени и исходить не из субъективности «я», а интерсубъективности, которая обеспечивается коммуникацией. При этом «я» априорно находится в условиях общения с другой личностью, что позволяет субъекту относиться к себе как к участнику взаимодействия. Появляется возможность взглянуть на себя из перспективы другого. Различая инструментальные, коммуникативные и стратегические действия, он отмечает значимость взаимопонимания. В случае с коммуникативным действием, основой служит понятие интерпретации, успешность реализации которой связана с общностью, близостью смысловых установок, которые в свою очередь является базой для доверия. Коммуникативное действие относится к взаимодействию двух и более субъектов, которые стремятся к взаимопониманию и достижению согласия по поводу самой ситуации действия.

Поскольку в структуре повседневных социальных практик за видимостью коммуникативного согласия может скрываться силовое воздействие на соучастника, в рамках данной теории вводится понятие латентного стратегического действия, в рамках которых наличествуют явно невысказываемые внешние по отношению к коммуникации цели. Это есть проявления того самого оппортунистического поведения, что способствует снижению уровня доверия между людьми. Таким образом, говоря о взаимопонимании как условии коммуникативного действия, которое выступает основанием для координации соответствующих индивидуально реализуемых планов действия, мы сталкиваемся с определенным уровнем доверия, а также с соответствующей стратегией доверительного действия.

В идеализированном представлении интеграция общества происходит исключительно посредством взаимопонимания, которое в условиях вероятного оппортунистического поведения членов общества поддерживается разумной доверительной стратегией индивида. Наиболее простые формы коммуникации базируются на жизненном опыте участников, при этом по мере проблематизации традиционных смысловых ресурсов повседневных взаимодействий, для достижения согласия требуется все больше усилий. Снижение трудозатрат может быть обеспечено подчинением действия механизмам системной интеграции. Такое воздействие системных механизмов на формы социальной интеграции зачастую остается скрытым. Несмотря на то, что в работах Ю. Хабермаса на категории риска не сделан существенный акцент, мы полагаем, ее значимость не теряется.

Для полноты социально-философского представления о произошедших в самой сущности социальности изменений, необходимо взглянуть на современность с несколько другой стороны. Исследователи современного общества, в частности социологи, определяя организующие составляющие действительности, разделяют их по сферам влияния: экономика, социальная сфера политика культура и повседневность. Принципиальными являются следующие положения. Центральным принципом современности в научном сообществе признается индивидуализм, который проявляется в отведении центральной роли именно индивиду, а не группе или общности. Человек признается частью группы, однако от нее он более не зависим: самостоятельность действия, самостоятельность ответственности.

Следующей особенностью является дифференциация. Она наиболее ярко выражена в сфере трудовых отношений. Речь идет о повышении доли узкоспециализированных направлений деятельности, а также о разнообразии возможностей в потребительской сфере. Рациональность – следующая особенность – тесно связана с дифференциацией, поскольку

требует углубления знаний и навыков в конкретной сфере деятельности. Наука (по большей части естественная) как основа новых технологий переживает бурный рост.

Важным моментом нам представляется смещение акцентов с семьи и родовых взаимоотношений, на потребительское поведение как идеал современного человека. Внимание общества обращено главным образом на производство, распределение и потребление товаров и услуг. Причем многие, ранее сакральные и интимные сферы, также переориентированы на манер рыночных отношений, что, на наш взгляд, весьма печально.

Общей чертой для указанных особенностей является не их локализованность в границах отдельного региона, а глобальность. Глобальный рынок товаров и услуг дополнен рынком чувств и эмоций и проявляется в различных сферах социальной жизни.

Достаточно часто сам процесс модернизации определяется как общественно-исторический процесс, в ходе которого традиционные общества становятся современными. Эти преобразования носят комплексный характер, охватывая все сферы жизни человека. Вместе с тем, изменениями затрагивается и институциональная составляющая структуры социума, внутри которой, в «паутине» сложных связей возникают обновленные модели действия. И если гармоничное сосуществование институтов сменяется дисгармонией, следствия модернизационных течений также подвергаются изменению: принимаемые меры теряют заложенную эффективность. Это происходит ввиду того, что институты, которые прежде способствовали внедрению инноваций (в широком значении) в повседневные социальные практики людей, ныне тормозят их.

Зачастую под модернизацией понимают переход общества к капитализму западного типа вообще и экономические преобразования в частности. Однако, как отмечает В.Г. Федотова, ввиду того, что капитал в его ресурсном понимании, может создаваться вне капиталистического

строю, можно прийти к пониманию модернизационных преобразований Запада через социальную сферу, то есть, те культурные и политические меры, которые благоприятствовали капитализму и предпринимательству [28]. Вместе с тем, все больше сторонников находит концептуальная позиция о том, что западное общество в его современном виде является результатом непредвиденных разнонаправленных тенденций, а не упорядоченных закономерностей. Можно предположить, что на данном этапе эволюции человеческого общества, западная модель оказалась наиболее жизнеспособной на фоне естественного отбора, осуществляемого через социальные революции, катаклизмы и т.п. Однако это вовсе не значит, что данный путь развития является единственно возможным и допустимым. Самые крупные социальные преобразования, равно как и потрясения, в своей основе имеют повседневность. Вот почему для социально-философского понимания модернизации важно определить, что происходит на уровне ежедневных жизненных практик и способах бытия социальных субъектов. Вместе с тем необходимо отметить, что проблема традиционных реликтов в обществе характерна и для большинства западных стран, особенно в силу нарастания миграции населения из регионов с нестабильной социально-экономической и политической системой, в высокоразвитые страны. В частности, речь идет о наплыве мигрантов из Ближнего Востока и Африки на территорию Евросоюза и мексиканцев в США.

Здесь можно сделать небольшое отступление и поговорить о переходе от статуса к договору. Мы имеем в виду тот факт, что в традиционном обществе связь человека с землей была естественной и имела экономико-политическую значимость. Эта зависимость от площади земель выступала демпфером от экономических потрясений, вместе с тем, отчасти снижая мотивацию к изменениям. Однако такую защиту имел весьма ограниченный круг лиц, и не все из них были заинтересованы в развитии. В современном обществе такой связи нет, либо она значительно

снижена. По мере хода исторической эволюции в экономические отношения втягивались слои все менее владевшие землей, до тех пор, пока собственность не стала необходимым критерием. Тот статус, который прежде индивид получал на основе владения собственностью, ныне измеряется в финансовых показателях и становится следствием его социально-экономической активности. В повседневность вводится игровой, соревновательный момент, что безусловно открывает перспективы для инновационных проектов и соответствующих им непредсказуемых рисков. Эта активность подразумевает поиск путей защиты интересов, которым и стало договорно-правовое регулирование. Понимание такого перехода позволяет переосмыслить некоторые стороны проблемы сравнения традиционного и современного общества, а также того, какую роль в них играет доверие.

Специалист по теории современного общества Ф. Фукуяма, с работ которого начался подъем данного направления исследования, пишет: «... один из важнейших уроков экономической жизни заключается в том, что благополучие нации, как и ее способность к конкуренции, обусловлены единственной всепроникающей культурной характеристикой – уровнем доверия, присущим данному обществу...» [140]. Его взгляды были подвергнуты конструктивной критике за излишний оптимизм в отношении западного будущего, в частности С.А. Золотухиной О.М. Литвишко и В.С. Малаховой, предлагающих описание мульткультурных процессов в странах Запада [102]. Однако исследователи сходятся во мнении, что уровень доверия является качественным принципиальным условием функционирования рыночной экономики, фактора экономического развития. По словам экономиста К. Эрроу, «... каждая коммерческая операция содержит в себе элемент доверия, особенно если она занимает определенный период времени. Было бы вполне правдоподобно утверждать, что большая часть экономической отсталости в мире может быть объяснена недостаточностью взаимного доверия ...»

[158, с.101-102]. Особое внимание уделяется роли этого фактора в социально-экономических преобразованиях, что позволяет лучше понять причины успехов и неудач стран с переходной экономикой. Экономисты, занимающиеся разработкой данной проблемы, сходятся во мнении, что высокий уровень доверия в обществе способствует повышению обеспеченности материальными благами. В свою очередь, снижение доверия может стать причиной повышения напряженности в обществе, а также ухудшения социально-экономического положения. И именно в этом направлении изучение доверительной стратегии социального действия, на наш взгляд имеет, имеет наилучшие перспективы практического применения.

В исследованиях в посвященных доверительному поведению выделяется два принципиально различных типа стратегии действия: доверительная и не доверительная. Вместе с тем, мы считаем, что данное полярное разделение недостаточно корректно и методологически более правильным будет говорить о той или иной степени проявления доверия в социальном действии индивида, т.е. о доверительной стратегии определенной степени выраженности. В этой связи, перед исследователями возникает новый вопрос: какая стратегия доверительного действия окажется наиболее эффективной и приведет к общественному благополучию и процветанию.

На наш взгляд решение данного вопроса может быть найдено в следующем. Проявление доверия в социальных действиях преследует цель оптимизации взаимоотношений обмена, которая в свою очередь будет способствовать повышению эффективности социально-экономических процессов. Однако излишнее доверие повышает рискованность данных взаимодействий. С учетом этого, а также в связи с принципиальной невозможностью количественной оценки доверия, мы имеем возможность характеризовать доверительную стратегию лишь в относительных категориях. То есть мы можем говорить о социальных действиях, в

которых доверительная составляющая выражена некоторым более или менее удачным образом.

Доверительная стратегия существует не в явном виде, а подразумевается в структуре социальных отношений ввиду специфического характера социального действия. Выстраивая взаимоотношения с окружающими, индивид ведет борьбу за реализацию своих интересов. Однако интерес не всегда имеет материальную природу, не редко доверительные отношения выстраиваются с прицелом на перспективу. Выражаясь экономическими категориями, индивиды играют в игры, при этом действия, осуществляемые одной из сторон, зависит от действий других участников. В условиях неопределенности перед индивидом перед каждым актом деятельности возникает два возможных пути дальнейшего действия: довериться и продолжить обмен, или остережся и прекратить взаимодействие. Мы можем принять возможность как состояние или ситуацию, условия которой предполагают наличие лишь некоторой части определяющих факторов. В этом случае вес недостающих обстоятельств отражает степень неопределенности исхода события, либо возникновения нового явления. Равно как степень выраженности доверия в стратегии действия наделяется определяющим свойством.

Каждая материальная система, независимо природная она или социальная, изначально существует в потенциальной форме, и лишь впоследствии может стать действительным элементом социальной реальности. В этом понимании, сущность исторического развития представляет собой череду сменяющих друг друга возможностей, осуществление которых изменяет вектор развития, обеспечивая достижение установленных приоритетов. Возможность предполагает, что некоторые тенденции возникновения и развития структур уже заложены, однако частью действительности в полной мере не стали. Если принять за действительность существующую реальность во всей своей совокупности материальных и невещественных составляющих, то возможность можно

определить, как бытие в будущем, но берущее начала в настоящем. Понятие возможности отражает наличествующие в настоящем предварительные условия возникновения новых структур и феноменов реальности. Доверие также обладает свойством возможности, поскольку ожидаемые еще не осуществленные действия участников обмена носят вероятностный характер.

Современная действительность как парадигма мышления устанавливает границы для качественно иного типа личности, которая преобразовывает реальность при помощи разума. Противопоставление старого и нового, как борьба разумного и животного, становится источником энергии для преобразовательской деятельности. Осознание этого создает философскую проблему современности, которая становится одной из центральных тем философского дискурса. И как показал А.Н. Павленко в своей работе «Бытие у своего порога (посильные размышления)», «временная асимметрия организации бытия современного общества накладывает отпечаток на любые социальные процессы, приводя к последствиям, которые носят кризисный характер, причем эти изменения имеют необратимый характер. Основной вывод, поэтому, заключается в признании бытия современного человека как бытия переходного состояния». [103]

ГЛАВА 3. ОБЩЕСТВО ДОВЕРИЯ КАК МОДЕЛЬ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА

§ 3.1. Социальный вектор современности и феномен доверия

Современный этап развития Мирового сообщества предъявляет новые повышенные требования к функционированию общественных процессов. Усиление социальных проблем, сопровождающееся ростом социальной напряженности, вызывают необходимость принятия эффективных, тщательно проработанных управленческих решений. В этой связи, а также в целях полноты понимания доверительных отношений возникает необходимость разработки модели данного фактора, которая позволила бы объяснить формирование, динамику и механизм воздействия на межличностное взаимодействие. В свою очередь данная задача связана с первоочередной необходимостью как разграничения доверия от близких ему понятий, так и обновленной концептуализации.

Нам думается необходимо сразу сделать оговорку касательно словосочетания «общество доверия». В настоящее время рано говорить о концептуальной полноте данного понятия, поскольку оно не выдерживает конструктивной критики. Аналогично тому, как в начале 60-х гг. термин «информационное общество» отражал не столько прогресс собственно информационных технологий, сколько становление технологического общества, в котором возрастала роль знаний, «общество доверия» – это в большей мере метафора. В ней выражается некоторая определенная и достаточно четко фиксируемая (хотя бы как необходимость) тенденция повышения значимости человеческой личности. Это идеал, по аналогии со 100% КПД двигателя внутреннего сгорания. В действительности такая конструкция недостижима, этому препятствуют законы физики. Однако

они не мешают разрабатывать двигатели, которые приближаются к таким показателям эффективности вплотную. Похожая ситуация и с обществом доверия. Это идеальная модель. И пусть она недостижима, но она может сослужить хорошую службу будучи воспринятой в качестве ориентира для дальнейших научных изысканий и общественного развития. И есть достаточные основания полагать, что по пути к обществу доверия человеку удастся решить многие социальные проблемы и в конечном итоге быть счастливым. Также необходимо сделать еще одно замечание, о том, что в настоящей работе нами реализован не строго экономический, а скорее сравнительно-интегративный подход. Он позволяет нам, оставаясь в поле действия жестких категорий, отчасти экономической природы, не быть ими ограниченными. Выбор такого подхода связан со спецификой природы доверия, сложностью вычленения и контекстуальным содержанием.

По нашему мнению, в условиях современного общества революционный вариант развития на парадигмальном уровне себя исчерпал. Несостоятельность связана с тем, что данный тип мышления не способен ответить на вопрос о том, что будет дальше. Что произойдет, когда общество достигнет идеального состояния и почему в нем (идеальном обществе) в дальнейшем не будет революции. По большому счету в этом и состоит конечная цель настоящего исследования. Мы рассматриваем пути развития социума без конфликтов. Направления, позволяющие избежать радикальных социальных сломов, движение без катастроф. В этих целях в предыдущей главе мы проследили, как изменялась значимость феномена доверия в структуре деятельности индивидов и социальных групп от ранних форм общества к современному. Эта значимость росла как ответ на возрастающую неопределенность человеческого бытия. И если на ранних стадиях развития общества необходимости, как таковой, в доверии не было, и она компенсировалась особенностями устройства общества, а также социальными отношениями

вообще, то в настоящее время потребность явно выражена и причинно-обусловлена. Эта обусловленность выражена, прежде всего, в первостепенной значимости доверия для развития и функционирования ассоциаций людей, которые в свою очередь делают возможным развитие самого общества, если не само гражданское общество. Доверие как структура, отражающая нормы взаимодействия, обеспечивает вовлеченность людей в различные ассоциации, которые в свою очередь представляют собой ключевые моменты такого понятия, как социальный капитал. В своей сути это символизированные и смыслонаделенные средства осуществления взаимодействия, действительная ценность которых состоит в обеспечении эффективного функционирования социокультурных систем. Именно наличие доверия, в силу того обстоятельства, что оно представляет собой разновидность социального капитала, который накапливается и расходуется исключительно сообществом, делает возможным превращение группы социальных акторов в моральное сообщество. В этом отношении, различия между индивидуальным и коллективным социальным капиталом видны наилучшим образом, поскольку индивидуальный капитал копится и тратится индивидом для достижения частных целей, таких как увеличение производительности, установление деловых отношений и т.д., причем нередко эгоистичных (власть и престиж).

Здесь, по нашему мнению, допустимо сделать ещё одно небольшое отступление и коснуться понятия жизненного мира, введенное Э. Гуссерлем. По его мнению, жизненный мир состоит из непосредственных очевидностей, которые задают формы ориентации и человеческого поведения. Они выступают в качестве ценностной основы всех идеальных образований и теоретических конструкций. Как пишет по этой теме П.Н. Серебренникова, в ходе непосредственных контактов между индивидами вырабатываются личностно-окрашенные значения, которыми наделяются социальные процессы. На уровне социальной реальности, мир

переживается человеком в терминах типического. Жизненный мир состоит из рутинных действий, языковых конструктов, посредством которых люди категоризируют повседневный опыт и сообщают о нем. Работы исследователей, которых мы отмечали ранее в тексте и о которых будем говорить позже, обладают безусловной значимостью. Вместе с тем, можно задаться вопросом, существует ли доверие в том виде котором описывается западными направлениями, а главное способен ли человек жить в том мире. Некоторая односторонность (преимущественно экономико-правовая в случае с доверием) и вытеснение из области познания смыслового, духовного начала отмеченное Э. Гуссерлем, к сожалению, негативно отражается на понимании столь сложного явления. Вот почему понимание доверия именно на рутинном уровне, когда открытость и честность сопровождают человеческую повседневность, видится нам наиболее естественным.

Как уже было сказано ранее, основным моментом в исследовании проблематики доверия является ориентированность действий людей на будущее. Результаты человеческой деятельности наряду с естественными, имеют в своих причинах общественные события, вызванные действиями отдельных людей, групп, организаций и институтов. Так или иначе, члены сообщества наделены свободой выбора разного рода действия, ограниченной установленными границами. Проницаемость последней зависит от конфигурации конкретной общественной структуры. Таким образом, участники взаимодействия не обладают достаточной мерой информированности относительно принятых решений и осуществляемых в будущем действий. Соответственно, риск неожиданных действий, потенциально угрожающих той или иной сфере жизнедеятельности человека присутствует постоянно. Причем вместе с возрастающим количеством потенциальных и действительных участников взаимодействия увеличивается и риск. Учитывая, что наши взаимодействия становятся все более разнообразными, а социальная среда

жизнедеятельности человека расширяется и усложняется, отношения становятся все менее прозрачными и контролируемыми. Эти угрозы невозможно устранить полностью поскольку для того чтобы быть полноценным членом социума человеку необходимо взаимодействовать с другими, а значит соответственно включаться в сложную систему отношений.

Взаимодействуя друг с другом, люди, выражаясь словами П. Штомпки, вынуждены включаться в игру, т.е. делать своего рода ставку о возможном предстоящем поведении других участников социума вообще, и конкретных взаимоотношений в частности. Эта игра выражается в оказании или воздержании от оказания доверия. Получается, что доверие есть некоторого рода актив, которым мы оперируем, взаимодействуя с другими. Для иллюстрации можно привести известное выражение кредит доверия. Оно показывает, что это чувство обладает некоторого рода емкостью или объемом, т.е. оно не может быть бесконечным, оно имеет свой вес и практическую значимость. Доверие позволяет снизить неуверенность, поскольку оно заменяется ожиданием того, что другой человек выберет честную добропорядочную модель поведения, которое не принесет неудобств. В результате, человек оказывающий доверие чувствует некоторое снижение эмоционального внутреннего давления, ощущает большую свободу и спокойствие. Ослабление внутренних барьеров способствует налаживанию социальных контактов, как следствие получению новых материальных и нематериальных благ.

В настоящее время в социально-философской среде существует точка зрения, согласно которой, рассмотрение дефиниций вне логической связи с фактором времени, является в большей мере аналитической абстракцией. Она весома и продуктивна, однако все же недостаточна для задачи получения полноценного социально-философского представления о характерных особенностях социальной действительности. В этой связи в контексте настоящего исследования мы хотели бы обратиться к некоторой

модели общества доверия, функционирующего в современных условиях. И поскольку общество подвержено постоянным изменениям, оказание и оправдание доверия могут быть рассмотрены как производные культуры доверия.

Следуя логике социально-философского исследования удалось установить, что культура доверия проявляется в двух своих ипостасях. В первом случае оно имеет своим источником действия рядовых членов группы в частности и социума в целом. Находя свое отражение в повседневных социальных практиках людей, культура доверия распространяется, закрепляя избранные примеры действия, примеры моделей поведения, закрепляющие общество в некотором стабильном состоянии. Повторяясь бесчисленное количество раз, избранные модели доверительного поведения настолько интегрируются в социальную среду, что в дальнейшем, следующими поколениями воспроизводятся интуитивно. В другом случае оно распространяется от людей, к которым приковано значительное внимание со стороны общественности. Речь в первую очередь идет о людях и группах, наделенных властью, признанием, авторитетом, славой и служащие для большинства образцами поведения. Подтверждением служит наличие целой армии специалистов PR-направления и маркетинга. В стремлении завоевать доверие потребителей специалисты прилагают значительные усилия, проводят социологические исследования и маркетинговые кампании, вводят программы лояльности и т.п. В ряде случаев, затраты человеческих, финансовых и материальных ресурсов в плотную приближаются к затратам на создание самого продукта или же деятельность конкретных представителей, политиков, звезд эстрады и кино. Обратной стороной подобного обостренного внимания к персоне является широкое обсуждение в медиа скандалов, расследований и разоблачений.

Два указанных направления составляют единую систему правил, норм и ценностей, регулирующих оказание и оправдание доверия, а также

его взаимности. Культура аккумулирует и превращает длительный опыт в нормативную систему. Если итог доверительного взаимодействия в долгосрочной временной перспективе окажется взаимовыгодным и принесет положительные плоды в различных сферах жизни, мы вполне ожидать появления обобщенного правила доверия. Его костяк составляет опыт доверительного взаимодействия, осуществленного в различных социально-экономических и психологических условиях. Впоследствии, в зависимости от реакции участников взаимодействия на оказание доверия в социуме может быть сформирован т.н. нормативный стимул. То есть определенная установка на воспроизводство доверительных отношений, базирующее на положительном опыте и дающее некоторую выгоду.

Кроме сказанного, необходимо обратить внимание на такое понятие как импульс доверия. Под ним понимается некоторое внутреннее побуждение оказать доверие человеку. Оно носит в большей мере психологическую природу симпатии и не всегда может получить рациональное объяснение. Понятие духовной близости обладает двумя различными значениями. Первое – это некоторая самостоятельная разновидность безусловности, независимо от того, идет ли речь о системах, основанных на родственных связях, или о системах, организованных по принципу религиозных объединений. Второе – это механизм поддержания системы уверенности, реализуемый при любых определениях социального взаимодействия и безусловности.

Понимаемая таким образом духовная близость, должна включать в себя элемент доверия между акторами в качестве характерного принципа, поскольку она основана на деятельности индивидуальных акторов. Таким образом, безусловное в современной жизни определяется не только духовной близостью как общностью индивидуалистических оценок, но и феноменом доверия, вызванным к жизни данным конкретным характером духовной близости. Отсюда следует, что применительно к современности понимание присущих обществу безусловностей невозможно ограничивать

представлением об общности моральных установок (то есть духовной близостью), в это понимание необходимо включить и понятие доверия, а то и другое вместе несводимо только к духовной близости (то есть к деятельности другого). Это составляет одно из сложнейших противоречий современных форм социальной организации: доверие предъявляет к акторам значительно более высокие требования, даже выше, чем вера (отсюда наблюдаемый в наше время возврат к альтернативным формам духовной близости, таким как религиозные, родственные, тендерные или этнические объединения).

Ожидая, что другой будет вести себя честно и придерживаться установленных правил игры, по сути, индивид приписывает намерениям другого собственные моральные установки, так возникает духовная близость. Данная общность оценок может представлять собой трансляцию традиций родственных отношений в современную систему, что является скорее исключением. Иным нам видится вариант, согласно которому подобная форма духовной близости может быть рассмотрена в качестве следствия процессов формирования гражданского общества. Общества в которых вовлечение членов в общественно значимую деятельность является естественным, добровольным и вознаграждаемым.

При этом высокая значимость приписывается понятию символического кредита, без которого, по мнению ряда исследователей, современная социально-экономическая жизнь стала бы невозможной. Символический кредит, в социально-философском понимании, основан на системе развивающихся ожиданий и составляет основу кооперации. Например, для функционирования развитой рыночной экономики, фактическим фундаментом которой является деятельность посредников, стоящих между производителями и потребителями, репутация, подтвержденная продолжительным периодом времени, является необходимым условием. Эта репутация, поддерживается постоянно повторяемыми социально-экономическими практиками и может быть

рассмотрена в качестве фундамента на которой будет построена уверенность в системе взаимодействия. Таким образом, различные варианты символического кредита, составляющего основу подобной уверенности, делают возможной экономическую жизнь, вместе с тем, они весьма специфическим образом структурируют социальную жизнь и социальное взаимодействие.

Данное структурирование достигается путем введения ограничений для свободного обмена ресурсами в сфере социального взаимодействия и, одновременно, структурированием поступающих, ресурсов и социальных отношений способами, отличными от тех, что приняты при свободном (рыночном или организуемом властью) обмене. Эти ограничения чаще всего имеют вид учреждения общественных благ, благодаря чему ни один член и ни одна группа общества не имеет исключительного права доступа к такого рода благам. Либо же, вид публичного распределения частных благ, при котором задача вознаграждения групп и выделения ресурсов в соответствии с критериями, не совпадающими с критериями чисто рыночного обмена (к таковым относятся, например, церковная десятина, законы по социальной защите или немецкие налоговые отчисления церкви), выполняется перераспределительными механизмами общества. Безусловно, в различных регионах условия социального взаимодействия различны, что соответственно связано с особенностями тех компонентов, из которых слагается солидарность. Значительная часть наиболее успешных исследований на эту тему принадлежит антропологам, работавшим в относительно небольших недифференцированных или традиционных обществах, в которых данные безусловности были проинтерпретированы ими как основанные на аскриптивной или родовой солидарности.

В случае, когда социальные акторы находятся в промежуточном положении (так называемых «зазорах») относительно системы социальных отношений, при условии невозможности полагаться на набор ролевых

ожиданий и отсутствия уверенности в их осуществимости может привести к установлению доверия между сторонами. Это происходит, когда выпавшие из привычной системы акторы способны сохранить типы ассоциаций, основанные на дружбе, близости. Отношения духовной близости подобного рода позволяют создать новую систему солидарности, которая становится своего рода «каркасом» для обменных операций. Этому существенному моменту не всегда в должной мере уделяется внимание, однако различия в характере солидарности, исходя из которой социальным акторам, находящимся в различных условиях, даруется символический кредит влияют на модели социальности, жизни в ассоциациях, а также механизмов социального воспроизводства. Таким образом, «функционирование всех форм социального капитала связанных с доверием делают возможной социально-экономическую жизнь» [132].

Развитие и углубление процессов становления капиталистических отношений в Европе происходило параллельно с преобразованием кланового товарищества в универсальное сообщество обезличенных отношений, при которых в качестве безусловных принципов социального взаимодействия выступали не принципы групповой солидарности (т.е. духовной близости), а принцип частного интереса. В этой связи отделение экономики от политики, на которую часто ссылаются исследователи, может быть рассмотрена как трансформация глубинных, зачастую не осознаваемых принципов символического и вещественного обмена. Эту трансформацию сопровождали перемены в самой сущности основополагающих принципов, которые в результате стали основаниями для признания автономии и свободы индивида. При этом центр отношений обмена смещается от солидарной группы в сторону конкретного индивида, моральные установки которого теперь обладают решающим значением, а не связаны с духовной близостью как было ранее. Причем в течение определенного продолжительного времени данным индивидом был мужчина, но не женщина.

Распад родственных связей (особенно в сфере отношений собственности, на что указывает раннее появление свободы составления завещаний) привел к возникновению общества состоящего из автономных и равных между собой единиц, т.е. из конкретных индивидов. И такие индивиды явились, в конечном счете, более важными, чем любая из групп, частью которой они могут быть. Эта ситуация нашла свое отражение в концепции индивидуальной частной собственности, в политической и правовой свободе индивида, в идее прямого общения индивида с Богом. При этом главный интерес представляет восстановление хорошо известной связи между капитализмом и индивидуализмом, предполагающей преобразование господствующих в обществе безусловностей.

В связи с тем обстоятельством, что проблематика доверия возникает в условиях перенаправления представлений о морали на индивидуальные преимущественно эгоцентричные поступки актора, занятого в рыночных отношениях, содержательно речь идет о переоценке ценностей. Данная ситуация создает потребность в новой морали доверительности, что сопутствует отказу от различного рода зависимостей экономических акторов, от всеобщности или одинаковости морали. Вместе с тем, эта переоценка сопровождается признанием социально-экономической деятельности как направления достижения блага, обладающего собственной моралью.

Философ Б. Мандевиль так писал по этому поводу: «Попытка миллионов людей удовлетворять вожделения и тщеславие друг друга» приводит к положению, при котором «каждая из частей оказывается в высшей степени порочной, зато целое в массе представляет собой рай» [43]. В этой связи, присущее духовной близости единство моральных установок постепенно нивелируется, уступая место морали эгоцентричных индивидов. И поскольку участники взаимодействия желают иметь определенное социальное устройство и систему правовых отношений, то им становятся необходимо научиться доверять друг другу. Поэтому

возможно соотнесение доверия и индивидуализма, как характерной черты саморегулируемого взаимодействия рыночного типа. При этом, поскольку формирование доверия сложно назвать процессом последовательным и однонаправленным во всех сообществах и при всех типах системы экономических отношений, то скорее в различных исторических условиях имели место различные сочетания духовной близости и доверия. И развивались они также в различных направлениях. Признаки таких различий прослеживаются в неодинаковых отношениях к договору в традициях общего и гражданского права. Эти признаки также обнаруживаются в отношении к различным типам ограничений, налагаемых на договорные соглашения каждой из этих традиций. В широкой исторической перспективе, имеются основания говорить, что современность принесла собой замену одной из составляющих безусловности: критерии духовной близости были вытеснены критериями доверия индивида к индивиду.

Хотим уточнить, что мы не склонны считать понятие индивида и индивидуальной деятельности единственной возможной основой социального воспроизводства, в отношении как ранних, так и современных обществ. Поэтому, например, в восточных и южно-азиатских регионах достаточно высокий уровень современного социально-экономического развития базировался на обобщенных родственных связях духовной близости. Вместе с тем, проведенное Ф. Фукуямой компаративное исследование Японии и Китая показало, различия в роли духовной близости для сообществ, экономическая организация которых находится на различных уровнях и в неравных ситуациях сложности. Исследователь писал: «Существует три проторенных пути к социальности. Первый покоится на семье и родстве, второй – на добровольных организациях, не связанных с близостью, таких как школы, клубы и профессиональные организации, а третий – на государстве. Представляется, что первый и третий пути тесно взаимосвязаны между собой: те общества, в которых,

столбовой дорогой к социальности явились семейно-родственные связи, сталкивались с большими трудностями в создании крупных устойчивых экономических организаций и поэтому обращались в этом деле к государству за помощью и поддержкой» [141, с.233].

Как уже отмечалось, духовная близость может иметь различные основания, которые пытался предложить Э. Дюркгейм, разрабатывая понятие солидарности индивидов, как и Р. Патем, в своих исследованиях неформальных институтов. В таком ракурсе развитие капиталистических отношений может быть охарактеризовано как постепенное замещение семейных форм духовной близости формами, в основе которых лежало гражданское сознание. Таким образом, основы духовной близости изменились – теперь в основе его лежали уже не родственные отношения, а единство гражданского сознания. Но это, как показывает пример Японии, не единственный путь к оптимизации.

Продолжая линию рассуждений, хотелось бы отметить, что смешение понятий доверия и духовной близости (основанной на способности приписывать сообществу единство в плане определенной совокупности моральных установок – совокупности, именуемой гражданским сознанием, у Дюркгейма – формами современной солидарности и т.д.) было бы ошибкой. В своих работах Э. Дюркгейм не смог вычленить в понятии доверия двух различных смыслов, он не отличал безусловностей общества (то есть присущих ему додоговорных убеждений) от духовной близости как механизма, обеспечивающего общность этих убеждений; иными словами, он смешивал доверие как духовная близость (как механизм) и доверие как основу современных форм солидарности. Однако, то, какое значение он приписывал становлению посреднических групп, обеспечивающих духовную близость, необходимое для утверждения современных форм солидарности, являлось свидетельством смутного осознания им этого различия. Участие в таких группах считалось способом определенного преодоления процесса

социальной дифференциации, а это само по себе создавало все большие трудности для точного определения содержания тех составляющих основу солидарности моральных установок, которые разделяются всеми индивидуальными акторами. Таким образом, предполагалось, что в качестве механизма обеспечения социальной солидарности такое участие будет ограничивать ту самую дифференциацию (а, следовательно, и свободу других), которую порождают современные формы разделения труда (и ролевой дифференциации). Однако, свобода другого и связанный с этой свободой риск являются фундаментальными аспектами современных социальных отношений, значение которых не может преуменьшить участие в посреднических ассоциациях.

Поскольку духовная близость существует в двух формах. И первая – это собственно базис социальной солидарности, а вторая – всего лишь механизм, приспособленный к структурным особенностям разделения труда, механизм, позволяющий насаждать тот или иной безусловный принцип, связывающий общество в единое целое, а значит являющийся условием его солидарности. Доверие к деятельности индивидуальных акторов, являясь одним из аспектов социального взаимодействия, должно – при выполнении роли смазки, благодаря которой возможно создание составляющего основание жизни ассоциаций социального капитала – опираться на духовную близость (в первом смысле). Именно в этой связи возникают трудности концептуализации доверия как частной формы безусловности, вот почему оно так часто выступает в качестве общей модели всех вообще безусловных обобщенных принципов взаимодействия. Эта склонность особо «полагаться» на духовную близость порождает к тому же особые сложности реализации данной модели в ряде современных обществ.

Признание существования свободы и порождаемого ею риска является частью нашей повседневной жизни, уверенности индивида в ролевых ожиданиях и структурирующих их принципах социального

взаимодействия. Оно коренится исключительно в тех интеракциях, что определяются априорным присутствием этого признания (по большей части оно обнаруживается в неформальной сфере дружбы и частных отношений). Таким образом, причиной того, что в непрозрачной воле другого уже указанный выше Э.Дюркгейм не сумел распознать доверие как фундаментальный аспект современной солидарности, явилась его неспособность отличить принципы социального взаимодействия от изначальной формы такового, между тем, только так внутри изначальной формы и может возникать доверие.

Проявления этого априорного доверия и доверия как принципа социального взаимодействия не только несводимы друг к другу, но само их сосуществование характеризуется напряженностью. Напряженность имеет место между любым репрезентативным идеальным представлением о свойственных сообществу моральных связях и институционализированной формой такого представления. Именно это напряжение приводит к периодически возникающим ритуально институционализированным моментам единения (в форме паломничеств, совместных причащений, обрядов перехода и т.д.), служащим подтверждением тех конститутивных элементов сообщества, которые в силу собственной природы постоянно ослабляются тем самым разделением труда, которое на этих же принципах и основано.

Подобно тому, как средневековье не жило одной лишь верой, современность не живет только доверием. Тот факт, что доверие существует ныне в качестве безусловного принципа социального взаимодействия, не означает его постоянного присутствия в качестве реалии нашей повседневной жизни. Ведь если принять во внимание напряжение, неотъемлемо присущее отношениям между доверием и его же институционализированными формами (как-то разделение труда, являющееся фундаментом жизни общества), то подобное постоянное присутствие оказывается просто невозможным.

Все это подводит нас к противоречию нашего нынешнего положения: именно успех современности как цивилизации, успешность современной институализации привела к возрастанию общественной потребности в доверии (как форме обращения к безусловному) – и это происходит в ситуации, когда условий для реализации данной потребности (потребности в духовной близости во втором смысле) становится все меньше (то есть при дифференциации ролей возникает все больше «зазоров» между ролевыми системами и одновременно уменьшаются возможности насаждения основанных на духовной общности сильных оценок, а эти моральные установки и есть коллективное сознание, основанное на понятии индивида и неразрывно связанном с ним понятии доверия). Существует и другое противоречие – или, возможно, это только несоответствие – между символизацией безусловного в его априорной форме и его ролью в организации разделения труда. Говоря словами С.Н. Айзенштадта, между теми «интеракциями, которые символизируют и легитимируют процесс функционирования безусловностей и установления условий доверия и додоговорных элементов социальной жизни».

Говоря о функционировании общества доверия необходимо сказать, что аналитические исследования авторов зачастую акцентируют внимание на выдающейся роли солидарности социума в создании условий для благосостояния и социальной стабильности, что достигается благодаря атмосфере преданности и общности интересов. По мере того, как интересы отдельных акторов переориентируются в пользу общих целей группы, происходит снижение издержек социально-экономических отношений, низкий уровень которых в последствии поддерживается. Речь идет о тесной взаимосвязи между типом преобладающих отношений в социуме и естественной жизнедеятельностью социального порядка. Кроме того, весьма значимым на наш взгляд является следующий аспект: в интерпретациях исследователей доверие выступает по своему содержанию как модус социальной солидарности. Согласно исследованиям, Ф.

Фукуямы «... как правило, доверие возникает в случае, если сообщество объединено неким набором моральных ценностей, благодаря которому в нем возникают ожидания правильного и честного поведения» [141]. В настоящем контексте, большей значимостью обладает не столько сам характер ценностей, сколько тот факт, что они способствуют консолидации сообщества. В общем случае можно выделить следующую закономерность: чем строже предъявляются требования к претендентам со стороны сообщества, тем выше в нем уровень солидарности и взаимодоверия.

Формирование общества, в котором бы господствовал климат доверия, на наш взгляд, является вполне достижимой задачей, при соблюдении некоторых условий. Первым аспектом, на котором мы хотели бы остановить внимание является культурно-исторический план. Человеку неподвластно изменить прошлое, однако учитывать его для понимания происходящих событий для принятия верных управленческих решений он способен, и даже обязан. Исторические события могут выступать факторами, способными склонить общество к оптимистическому ожиданию будущего, даруя уверенность в способности преодолеть трудности. Прошлое обладает большой значимостью, однако и его переоценка была бы ошибкой. Поскольку решающее значение в создании доверительного климата имеет действительный социокультурный контекст.

Общество доверия в числе прочего предоставляет своим членам условия нормативной стабильности. Нормативно-правовая система позволяет людям защищать собственные имущественные интересы. Это вполне согласуется с иерархической моделью, разработанной А. Маслоу. В ней чувство защищенности является одной из основных потребностей человека. Правовая система обладает высокой значимостью, поскольку предоставляет человеку опорные точки для ориентирования в пространстве позволительного, допустимого и одобряемого. И если эта

система имеет четкую прозрачную структуру, а доступ к ней имеет любой член сообщества, то у участников взаимодействия возникает чувство экзистенциальной безопасности.

Сочетание указанных элементов способствует появлению особенной характеристики социальной реальности – предсказуемости. Оно является чем-то большим, чем просто мера регулярности в характере повторяющихся изменений, поскольку дает человеку возможность планировать собственную жизнь на некоторый период будущего. Если обратиться к словарю, можно встретить следующее определение: оптимальное распределение ресурсов для достижения поставленных целей. И пусть оно не гарантирует непременно осуществление намеченных событий, однако позволяет человеку почувствовать контроль над собственной жизнью, что выражается в уверенности человека в завтрашнем дне. Кроме того, планирование (мы рассматриваем его в самом общем смысле) повышает эффективность предпринятых действий, что положительно сказывается на успешности человека.

Продолжая линию рассуждений, хотелось бы отметить, что общество доверия подразумевает высокую прочность социального порядка, вместе с тем, не лишено динамичности. Ему присущи последовательные логичные преобразования социальной реальности, когда большинство членов сообщества понимают содержание и причины предпринимаемых мер. Они принимают участие в разработке управленческих решений и претворении их в жизнь. Такая активность может иметь как индивидуальную, так и коллективную форму. Во втором случае, добровольные ассоциации и организации, свободные от прямого вмешательства государственных и частных коммерческих структур. Они представляют собой образования, обладающие значительными ресурсами, как человеческими, так и финансовыми. Фактически мы сейчас определили основную черту гражданского общества.

Следующей чертой общества доверия является высокая степень отчетности и ответственности государственного управленческого аппарата. Как уже было отмечено на примере древнегреческого полиса, поддержка со стороны граждан весьма ценный ресурс. В действительности отчетность властных структур может и отчасти имеет практическое выражение. Например, в виде набора ограничений полномочий, жесткого контроля за соблюдением процедурных рамок, надзора и контроля за чиновничеством. Дополнительно необходимо отметить эффективную бюрократическую структуру, ориентированную на удобство и интуитивный характер работы, а также возможность проверки решений в высших инстанциях. В качестве примера можно отметить веяние современности – многофункциональные центры, в одном месте объединяющие множество государственных операций.

Указанные характеристики в практической плоскости имеют достаточно объективную природу. Законы, институты и ассоциации в необходимой мере поддаются управленческому воздействию. Однако есть сфера, оказать влияние на которую, весьма непросто и чревато побочными явлениями – это сознание человека. Если конкретизировать, то речь идет о восприятии и ответной реакции человека. Нужно признать, что одни и те же структурные условия могут быть восприняты по-разному и вызывать различные реакции в зависимости от качеств людей. И все же и здесь есть действенный механизм – это социальные сети и взаимосвязь между ними в обществе. Социальный капитал, накопленный в достаточном количестве, способствует снижению издержек взаимодействия между участниками. Соответственно можем предположить, что в обществе доверия социальный капитал обеспечивает соблюдение норм взаимности, чувство безопасности, доверие к соседям и социальным институтам, а также справедливый доступ к нему.

Представленная модель общества доверия для российского общества является перспективной целью, однако путь к ней не близок. Модель

позволяет наметить возможные пути предстоящих преобразований. Качественные изменения социально-экономической среды будут требовать серьезных, решительных мер. Подробнее о них мы поговорим в следующем параграфе.

§ 3.2. Доверие как фактор межиндивидуального взаимодействия

В предыдущей главе мы подробно рассмотрели развитие доверия в исторической перспективе. Мы показали, что его роль значительна. В данном параграфе мы хотели бы конкретизировать нашу точку зрения и подробнее раскрыть перспективы этого воздействия. Для начала мы хотели бы отметить, что воздействие доверия может быть проанализировано в двух плоскостях, а именно: влияние на социум в целом и влияние на индивида в частности. Мы пойдем от частного к общему, начав с человека как с единицы социального взаимодействия и активного его участника. Кроме того, на наш взгляд человеческое общество трудно представить без действующих индивидов, чья активность, в конечном счете, воспроизводит всю богатую палитру социальных отношений, равно как и сферы жизнедеятельности человека. Все существующие элементы действительности, группы, институты, различного рода объединения являются результатом непосредственной человеческой активности, его преобразовательской деятельности. В этой связи влияние феномена доверия на глобальное историческое развитие необходимо начинать с этого уровня, который можно принять за элементарный.

В рамках социально-философского анализа необходимо учитывать многообразие форм человеческой активности. Возвращаясь к логике П. Штомпки, начнем с более простого проявления – движения. Все люди в той или иной мере перемещаются в пространстве (ходят пешком, водят авто), жестикулируют, выполняют действия и движения частями тела и прочее. Для описания таких проявлений физической активности используется термин поведение. Здесь можно вспомнить целое направление в социальных науках – бихевиоризм. Оно подошло к рассмотрению поведения человека как системы реакций (двигательных, эмоциональных и иных сводимых к ним) на воздействие внешней среды. В

результате своих исследований представители данного направления приходили к выводу о существовании некоторых общих закономерностей поведения, общих как для мира человека, так и для мира животных. Один из них является «инструментальность» обучения. Люди склонны воспроизводить те формы действия и модели поведения, которые принесли им удовольствие в любой форме проявления. При этом человек старается воздерживаться от повторения того, что принесло ему дискомфорт и негативные ощущения. При всей логичности выводов, они не претендуют на полноту раскрытия темы поведения. Относительно доверия мы также можем полагать, что если акт доверия принес человеку положительный опыт, улучшил его настроение, самочувствие или принес иные выгоды, то вероятно в будущем он решит воспроизвести его снова. Кроме того, необходимо помнить, что какой бы сложной не была социально-экономическая, политическая или иная обстановка в обществе, доверие является социально одобряемой формой поведения. В условиях кризиса, доверие членам сообщества является фактором консолидации, сплочения усилий перед лицом внешней угрозы. Речь идет о защите не только стабильности социальных конструкций в целом, но и жизнедеятельности конкретного индивида в частности.

Одно и то же действие при одинаковой форме выражения могут являться совершенно разными актами. Например, бег может быть средством спасения от опасности, а может тренировкой перед спортивными состязаниями. Равно разбрызгивание воды может быть детской игрой, а может мерой сдерживания агрессии при массовых беспорядках населения. Ряд примеров можно продолжать бесконечно, однако важным является следующее. В каждом конкретном случае огромное значение предается смысловой нагрузке. Строго говоря, действием называется не просто физическая активность человека, а активность, нагруженная определенным смыслом. Социальным действием, согласно мнению М. Вебера, является действие, вдобавок к смыслу,

ориентированное на действия других людей. Раскрывая тему, социальное действие представляет собой синтез субъективной мотивации действия субъекта или группы и ориентацию на прошлое, настоящее или будущее поведение других.

Доверие и доверительное действие, несомненно, подпадает под данные критерии. С позиций социально-философского анализа оно может быть рассмотрено как система со следующими элементами: субъект и объект воздействия, средства, орудия и методы действия, а также ожидаемый результат, т.е. ответная реакция индивида или общности на которые было направлено действие. Дополняя указанное, поскольку во взаимоотношениях участвуют как минимум две стороны, в контексте данного исследования будет конструктивно вернее говорить о системе коллективных поступков. Коллективное действие является одним из важнейших концептов социального знания, в особенности применительно к проблеме социально-экономической стабильности и оптимизационного воздействия на социальную среду. Причем, если обратиться к справочной литературе, в философском словаре мы обнаружим следующее определение: оптимум – это мера лучшего, совокупность наиболее благоприятствующих условий. Отсюда следует, что взаимодействия между людьми являются оптимальными, когда они способствуют раскрытию человеческого потенциала и повышению эффективности человеческой деятельности, направленной на решение какой-либо проблемы. Под проблемой будем понимать вопросы условия гармонизации воспроизводства социальности на индивидуальном и групповом уровнях.

Указанная смысловая нагрузка не выражается имманентно. Она может быть придана поведению, может быть прочитана и понята. Здесь можно обратиться к такому направлению в социологии, как символический интеракционизм. Это течение в основу изучения социальной действительности ставит взаимодействия, взятые в их символическом выражении. Человеческому я жизненно необходимо

самоопределиться в микросоциальном окружении, поскольку личность является результатом коммуникации между людьми. В этих интеракциях, в ходе ролевых взаимодействий, человек воспринимает себя не напрямую, а опосредовано, проходя через мнения других людей, состоящих в социальных группах непосредственного взаимодействия. В этой связи, на этапе социализации, равно как и в последующем, доверие играет свою значительную роль. Воздействие общества на развивающегося человека, в ходе которого происходит передача культурно-исторического опыта предшествующих поколений, осуществляется благодаря доверию. Передача знаний, умений навыков социального поведения преследует целью воспроизводство социальных отношений на уровне, необходимом для функционирования стабильного общества. Допустим, что в некотором обществе доверие находится на крайне низком уровне, логично предположить, что в этом случае передача и принятие культурно-исторического опыта будет затруднена. В данном случае возникают вполне обоснованные сомнения касательно эффективности и безопасности моделей поведения, принятых от предыдущих поколений. Насколько они будут полезны при решении насущных проблем жизни и деятельности человека, и какую пользу они принесут. Воспитательное воздействие направлено на формирование гражданина в соответствии с представлениями старшего поколения или государственной власти. Таким образом, доверие есть неременное условие вхождения норм и правил, а в результате физического, эстетического и гендерного воспитания ребенок становится полноценным членом общества.

Возвращаясь к смыслонаделению, можно задаться вопросом, какой смысл подразумевает человек, когда говорит «я тебе доверяю»? Имеет ли доверие символическое проявление, и имеют ли эти проявления общий для социума характер? В ответе на данные вопросы мы можем сказать следующее. С большой долей вероятности, можно утверждать, что обоюдный акт доверия свидетельствует об установлении отношений

духовной близости между людьми. Отношения родства, дружбы и любви немислимы без доверия. Мы частично уже говорили об этом в предыдущих параграфах. Вместе с тем, поскольку это значение скрыто, с внешней стороны о нем можно судить лишь по наблюдаемым признакам неотрывно от контекста. Иногда признаки имеют достаточно ясное значение, прозрачное для восприятия. В других случаях, людям приходится прибегать к использованию дополнительных сигналов, позволяющих другим верно проинтерпретировать смысл действия. Нужно отметить, что в ходе бытовой коммуникации, фраза я тебе доверяю, не звучит вот так непосредственно. Чаще оно завуалировано действием, эмоциональной открытостью, уважением. Честность и выполнение взятых на себя обязательств является основными признаками доверительных отношений.

Здесь же кроется значительный оптимизационный потенциал в сфере решения конфликтов. Существует исследовательская позиция, согласно которой недостаток доверия является одной из причин, или скорее условий для возникновения конфликтов различной природы. Объяснение имеется следующее. Само по себе недоверие может стать источником конфликта, однако чаще оно является препятствием для свободного обмена точками зрения, в результате чего происходит либо подразумевается ущемление интересов человека. Противоречие переходит в открытое столкновение сторон. Несмотря на то, что конфликт имеет не только негативные, но и позитивные последствия, само его наличие говорит о недостаточности коммуникации между сторонами.

Конструктивное решение конфликтов предполагает реализацию переговоров, в ходе которых происходит обсуждение пути решения проблемы. Переговорный процесс представляет собой специфический вид совместной деятельности, целью которого является поиск выхода, удовлетворяющего обе стороны. В этом отношении доверие обладает значительным потенциалом. Поиск решения, способного погасить

конфликт, основано на открытости и честности оппонентов. В этом случае картина происходящего наименее искажена, а интересы сторон лежат на поверхности. В противном случае, когда истинные мотивы и ожидания скрыты, процесс генерации оптимального решения зачастую затягивается, а конфликт обостряется. Сказанное в равной мере относится как к сфере личных, так и деловых отношений. Повторимся, что доверие само по себе не является способом решения конфликтов, но оно является неперенным условием нахождения выхода из проблемной ситуации. Другим перспективным направлением воздействия доверия на индивида является непосредственная работа с людьми, направленная на решение различного рода психологических проблем. Выше мы уже упоминали одну из острых проблем современности – утрату идентичности. Сейчас мы рассмотрим проблемы в целом.

Современное западное общество, это общество информационно-бюрократическое. Оно устроено таким образом, что для снижения социальной напряженности использует механизмы стандартизации. Расчет делается на то, что большая однородность среды смягчает социальные проблемы. Гражданско-правовое равенство, несмотря на множество положительных эффектов, служит основой для уравнивания системы экзистенциальных установок всех членов сообщества. Эти меры позволяют сделать социальную жизнь более предсказуемой, а значит более управляемой. Само по себе равенство прав и свобод является положительным идеалом демократического общества, однако с другой стороны, под сомнение можно поставить их реализацию. В первую очередь мы говорим об обществе потребления и лжеидеалах, манипулирующих потребностями в безопасности и любви. Активное воздействие средств массовой информации на население приводит к формированию культа материального успеха. В погоне за потреблением и статусом, человек становится заложником кредитно-финансовой системы, теряются моральные устои общества, формируется варварское отношение

к природным и человеческим ресурсам. Другим отрицательным следствием является то, что лица не способные быть в тренде, следовать мейнстриму, ощущают повышенное давление социальной среды, которое заставляет их чувствовать себя некомфортно, что в итоге может привести к серьезным последствиям. Феноменом, типичным для современного массового сознания является стандартизация личности вместе с сопутствующим снижением общекультурного уровня. Об этом в свое время писал З. Фрейд, говоря о психологической нищете масс; современные авторы называют это процессом расчеловечивания. Всё это наряду с чисто психологическими последствиями может выражаться в действительных поступках преступного характера. Этим, среди прочего объясняются жестокие поступки в школах. Как пишет А.Н. Моховиков, в социокультурной среде наблюдается феномен «социального оглупления». Это находит свое отражение в том, что действия масс начинают тяготеть к образцам поведения более примитивных социальных групп. Осознанное, но не осмысленное подчинение большинству выражается не только на внешнем (визуальном), но и на внутреннем уровне мыслительных операций. В работе «Телефонное консультирование» исследователь пишет: «Каждый надевает на себя одинаковую безликую одежду, в которой нет отличий и заметен только уныло-однообразный ряд Мы. При массовой покорности появляются люди-автоматы, люди-винтики, и гипотетические наблюдатели тогда оказываются на самом гигантском аутодафе, которое придумало человечество, – тотальном уничтожении множества индивидуальных я» [70].

Значительный интерес имеют работы Э. Фромма. В своей знаменитой работе «Бегство от свободы» он исследует проблему современного западного человека. В своем стремлении к индивидуальности он приходит к беспокоящему одиночеству, ощущению своей ничтожности и бессилия. Фромм пишет: «наше поведение во многом определяется ценностными суждениями, и на их обоснованности зиждется

наше психологическое здоровье и благополучие» [139, с.10]. Несмотря на то, что автор темы доверия касается вскользь, мы имеет достаточные основания говорить о его значимости для указанного вопроса. Основным моментом является проблема установления связи с окружающей социальной реальностью и избавления от чувства одиночества. Существование потребности в социальных контактах обусловлено человеческой природой, а также целями выживания и наличием самосознания. Как уже было сказано, доверие способствует налаживанию контактов между людьми, а открытость и честность позволяют превратить единичный опыт в систему поведения, которая впоследствии закрепляется в общественном сознании.

Своеобразным ответом на указанные обстоятельства является тенденция «дауншифтинга». Этот термин обозначает систему взглядов «жизни ради себя» и отказа от целей, являющихся чуждыми для человека, угнетающих его личность. При этом речь не идет об эгоизме, скорее о переоценке. Возникнув в 70-х гг. и получив наибольшее развитие в США и Австралии, это направление постепенно прижилось и в России. К дауншифтингу склоняются люди преимущественно среднего и старшего возраста, успешные в делах, образованные и эффективные. В определенный момент времени они приходят к осознанию, что не могут более продолжать внутреннюю борьбу с системой, они отказываются от общепринятой матрицы ценностей и приходят к трудному решению остановиться и начать заново. Кроме указанных причин значение имеют ухудшение здоровья, истощение организма, а также стремление к гармонии. Далее следует оставление места работы, сокращение круга общения, переезд из мегаполиса на окраину города или же в деревню, чтобы заниматься творчеством, сельским хозяйством и/или духовными практиками. По нашему мнению, в оценке данного явления необходима осторожность, поскольку с одной стороны оно отражает негативные тенденции в социуме, а с другой способствует ротации способных к

деятельности людей, что способствует оздоровлению системы. Как и во многих других случаях, доверие не является единственной причиной дауншифтинга, но при этом представляется неременным условием. В данном случае речь идет скорее о пошатнувшейся доверии к системе, к матрице ценностей и внутреннем стремлении человека начать новую жизнь.

На этом мы завершим рассмотрение плоскости влияния на индивида и обратимся к обществу в целом. В ходе нашего исследования мы пришли к ряду противоречий, которые проблематично разрешить на основании современной концептуальной системы. Вместе с тем, преодоление указанных несоответствий способно приблизить нас к раскрытию проблемы оптимизации социально-экономической жизни общества. Темы, которая находится на пике своей остроты в особенности для современной российской действительности.

Необходимо отметить, что в современных публикациях социально-философской направленности понятие оптимизации является довольно расхожим, поскольку с ним связываются надежды на положительные сдвиги. Предполагается, что в ходе проводимой оптимизации фактически все сферы социально-экономической жизни общества должны быть выведены на современный качественно лучший уровень. По большому счету речь идет об обновлении социальной инфраструктуры, а также средств и технологий производства. Вместе с тем, данное обновление также подразумевает перемены в институциональной среде. Основной формальной предпосылкой столь значимых перемен в социально-экономических системах является инициатива государства и решение Правительства Российской Федерации о переходе социально-экономической системы РФ с экспортно-ориентированного и сырьевого на инновационный путь развития.

Анализ новейших исследований отечественных и зарубежных ученых, посвященных обоснованию сущности и содержания понятия

оптимизации, свидетельствует о многообразии подходов и отсутствии единства мнений в его трактовке. Так, в одних публикациях понятие оптимизация рассматривается как процесс глубоких экономических преобразований, в других исследованиях данный процесс рассматривается применительно к социальной сфере, в-третьих, группа авторов рассматривает оптимизацию в контексте структурных преобразований. Занимательно, что исследования категории оптимизации носят безобъектный и бессистемный характер, что в купе с дисциплинарным многообразием и разобщенностью отдельных направлений науки не позволяют на должном уровне выработать единый методологический подход к исследованию и раскрытию понятия оптимизации и его содержанию.

В контексте социально-философского исследования хотелось бы отметить, что объектом рассмотрения являются условия воспроизводства системы социальных отношений в современном обществе, при этом акцентируется исключительная значимость доверия, без которого оптимизационные процессы не сумеют реализовать заложенный в них потенциал. Происходящие в социально-экономических системах изменения оказывают разнонаправленное воздействие на формирование, накопление и развитие человеческого капитала, а значит, на воспроизводство социальной реальности. Таким образом, оптимизация выступает как интеграционный процесс, включающий в себя совокупность частных процессов преобразования, являясь основой достижения устойчивого, сбалансированного и инновационного движения и развития социально-экономических систем разных уровней. Интеграционный подход, видится как структура, представляющая собой гибкое сочетание совокупности различных подходов исследования (субъектно-объектного, системного, воспроизводственного, структурного, инновационного, эволюционного и т.д.), обусловленное состоянием и уровнем исследования

объекта, позволяет более полно трактовать понятие инновационно-интеграционной оптимизации.

На наш взгляд, под инновационно-интеграционной оптимизацией социально-экономических систем следует понимать интеграционный процесс инновационных преобразований в целях обеспечения устойчиво-сбалансированного развития этих систем, повышения качества жизни населения и накопления человеческого капитала. Согласно исследованиям О.В. Глушаковой, социальная сфера находится в состоянии глубокого кризиса [37]. Кризисные процессы в социальной системе проявляются многоаспектно. В настоящее время социальные системы социально-экономических систем не способны выполнять свое главное предназначение – обеспечивать расширенное воспроизводство и накопление человеческого капитала, поставлять экономической системе специалистов инновационного типа, создавать разнообразные институциональные формы для производства инновационных услуг (инновационных проектов, лицензий, изобретений и т.д.) и даже обеспечивать собственное воспроизводство на принципиально новом качественном уровне.

К процессам системной инновационно-интеграционной оптимизации социальных систем относятся структурные, институциональные, образовательные, научно-исследовательские, проектные, лицензионные, изобретательские, социальные, информационные, организационные, стимулирующие, финансово-инвестиционные. Глубина и масштабность протекания этих процессов, их конкретное содержание зависят от состояния социальной системы, происходящих и ожидаемых в ней изменений, адресности и направленности их регулирования исходя из востребованных экономической системой потребностей в инновационных услугах.

Таким образом, главная цель инновационно-интеграционных преобразований социальной системы заключается в создании

благоприятных условий для реализации человеком своего потенциала, в результате чего ожидаются положительные сдвиги в вопросе воспроизводства социальности. Указанные преобразования включают достаточно широкий спектр явлений и процессов, как политико-экономического, так и непосредственно социального характера. Они в конечном счете направлены на улучшение качества жизни. Понятия, которое согласно социологическим исследованиям, не определяется исключительно экономическими критериями. Допуская небольшое отступление отметим, что понятие качества жизни получило глубокую проработку в рамках социально-философского знания. В частности, русский философ Н.Г. Дебольский в своем исследовании «О высшем благе» говорит о качестве жизни как «конечной цели человеческой деятельности, которая объединяет все частные блага в одну гармоничную систему» [66].

Глубина и масштабность протекания указанных процессов, их конкретное содержание и направленность зависят от состояния социально-экономической системы, происходящих и ожидаемых в ней изменений, потребностей инфраструктуры общества. Главная результирующая цель системной инновационно-интеграционной оптимизации социально-экономической системы состоит в создании условий для ее устойчивого и сбалансированного взаимодействия с другими системами, и обеспечения потребностей социальной и экономической систем в различных ресурсах. Стратегическая цель инновационно-интеграционной оптимизации социально-экономических систем – создание адекватных условий в социальной и экономической системах для перманентного накопления человеческого капитала и воспроизводства нового качества жизни населения. Однако интенсивность развития отдельно взятых систем российского общества далека от равномерности, что представляется нам результатом хаотичного изменения качественных характеристик составных элементов, образующих основной, оборотный, а также

человеческий капитал социально-экономических систем разного уровня, и закономерности изменения этих свойств. Данные изменения социально-экономических систем в процессе их неравномерного движения, приводят к их дифференциации на ряд групп в зависимости от степени утраты присущих им свойств.

Устойчивость процессов качественных системных преобразований российского общества, образа жизни и характера деятельности во многом определяется способностью широких масс населения принять новые реформистские идеи и воспроизводить как собственные, постепенно сближая их с содержанием личной культуры. Вместе с тем, социокультурная среда современного российского общества столь значительным изменениям противится, проявляя всю конфликтность ситуации. Проблема заключается в том, что в настоящее время в обществе наблюдается столкновение двух социокультурных потоков: первый из них ориентирован на индивидуалистские ценности (что в первую очередь характерно для западной культуры), второй – коллективистские. Их сложное сочетание определяют характер общественных преобразований и некоторую возвратность этих тенденций. Так или иначе, в основе социокультурного потока стоит конкретный человек во всей своей многоаспектности.

Как мы уже выяснили, доверие предъявляет к акторам значительно более высокие требования, даже выше, чем вера. Это прямо связано с тем перечнем средств воздействия на субъект доверия, которым доверяющийся может воспользоваться, в случае если его соактор решит вести себя недобросовестно и воспользуется возможностью проявить оппортунистическое поведение. В случае традиционного общества, малые группы обладают значительным набором средств воздействия, начиная от коллективного осуждения и отчуждения и заканчивая мерами физического наказания, легитимированными в конкретном сообществе. В условиях активных оптимизационных преобразований, когда сила малых групп во

многим ослабевает и традиционные связи меняются зачастую коренным образом, пространство для действия в обход институционализированных моделей поведения расширяется, действенности мер воздействия на недобросовестных членов сообщества значительно теряется. По большому счету, из доступных средств остаются формальные нормативно-правовые акты, однако они, в связи с особенностями российского менталитета, обладают лишь условной эффективностью.

Специфика функционирования нормативно-правовой системы российского общества является весьма острой проблемой, о которой много говорится как среди научного сообщества, так и в быту. И на наш взгляд – это весьма показательно. В сознании значительной части российского общества веры в действенность законодательной системы, равно как и доверия к судебной и исполнительной структурам, на должном уровне не наблюдается. Конечно, определенные положительные сдвиги явно прослеживаются, вместе с тем их по-прежнему недостаточно. И поскольку социальное действие есть действие осознанное и ориентированное на другого, мы находим здесь важный оптимизационный этап – эволюция правового сознания. Как пишет М.К. Горшков, граждане нашей страны сходятся во мнении, что Россия обладает исключительным потенциалом развития. Грамотно распоряжаясь природными, экономическими и человеческими ресурсами, в том числе богатым культурным потенциалом, мы могли бы занять достойную позицию на мировой арене. До статуса мировой сверхдержавы, нашей стране необходимо пройти тернистый путь, связанный с новшествами, эффективным производством, укреплением науки и высокотехнологичного производства. Однако скорое достижение этой цели видится им менее вероятным [37, с.203].

Сами россияне, по результатам проводимых опросов, говоря о оптимизации, подразумевают в первую очередь равенство граждан перед законом и жесткую эффективную борьбу с коррупцией. Как пишут авторы исследования «Готово ли российское общество к оптимизации»,

проведенного Институтом социологии РАН и посвященного проблематике различных аспектов оптимизации, сценарии развития социально-экономических преобразований рассматриваются как управленческим аппаратом, так и рядовыми членами сообщества через призму собственной системы взглядов и предпочтений. Это происходит в связи с тем, что курс на преобразования в сознании членов сообщества недостаточно определен. В связи с чем, различными группами и социальными образованиями перспективное направление развития видится по-разному. Также не стоит упускать из виду вполне естественное желание масс сохранить и приумножить доступные ресурсы, в первую очередь финансовые и властные. Учитывая данные обстоятельства, а также саму многозначность термина «оптимизация», понимаемого по-разному в зависимости от критериев отбора респондентов результаты опросов могут значительно различаться.

Мы не можем говорить о том, что работа по борьбе с коррупционной составляющей не ведется вообще. Коррупционные скандалы и разоблачения широко освещаются в СМИ, однако коренным образом ситуация не меняется. Связано ли это с тем, что, несмотря на проводимые меры, граждане продолжают не доверять правоохранительным органам, или же дело в самой системе социальных отношений, сказать трудно. Возможно, требуется накопление прецедентов изобличения коррупционеров и мошенников, которое дойдя до определенного уровня, некоторым естественным образом изменит отношение членов сообщества к действенности закона. Мы будем на это надеяться. Несмотря на то, что процесс социокультурной оптимизации в современном российском обществе проходит достаточно противоречиво и зачастую зависит от целого ряда ситуативных факторов, в целом отечественные исследователи проблематики доверия сходятся во мнении, что в российском обществе есть значительный социокультурный ресурс, дающий основания надеяться на положительные сдвиги.

Современная стадия оптимизационных процессов осуществляется в условиях достаточно четко прослеживаемой неоднородности россиян по свойственному им типу мышления. Речь также идет о ценностных установках и предпочитаемых моделях поведения индивидов на фоне несинхронности преобразовательных процессов в обществе и сознании. Это находит свое отражение в значимости ценностей, обладающих достижительным характером, таких как ориентация на эффективность, инициативности и конкурентоспособность, которые весьма отличаются у различных социальных групп. Ввиду чего, социокультурная оптимизация происходит в них с разной степенью успешности. В этом отношении, вполне естественным является различия между молодежью, в среде которой модернистские воззрения традиционно более распространены и старшим поколением. Однако беспокойство вызывает тот факт, что такие воззрения не имеют институционализированной поддержки со стороны сообщества, в связи с чем, они способны преобразовываться в искаженные и обладающие негативными последствиями формы. В этом мы видим причины маргинализации и девиантного поведения молодежи.

Оптимизация не является новейшим изобретением. И отчасти, долгий и непродуктивный путь к светлому будущему, может быть объяснен доминированием в сознании россиян специфической модели взаимоотношения личности и государства. По своей сути оно в достаточной мере архаично поскольку отправной точкой имеет не личность, а сообщество. Мы уже касались этой темы, когда рассуждали об идентичности. Реализация этой модели подразумевает заботу государства об интересах граждан, причем эта уверенность прочно закреплена в сознании и является характерной черной данной модели отношений личности и власти. В противовес европейскому сознанию, в котором индивид сам защищает собственные интересы, опираясь на нормативно-правовую систему. Причем государству отводится значимая, но не первостепенная роль.

Интересы отдельных людей для членов российского общества, в сравнении с потребностями социума в целом, не обладают достаточной значимостью, даже, несмотря на то, что речь может идти о самом опрашиваемом. Другим вектором исследовательского внимания является семья, поскольку значительность происходящего в семье является безусловной, а семейное благополучие – общепринятым мерилom жизненного личного успеха. Несмотря на разнонаправленные тенденции и социальные потрясения как в крупных, так и в малых населенных пунктах создание семьи является показателем зрелости и успешности индивида. Вместе с тем, содержание данного понятия претерпевает изменения. Функционально-заложенная ориентированность на создание отношений духовной близости с человеком смещается к созданию условий, способствующих упрощению повседневности, а также возможному рождению детей. Фактически, происходят преобразования, в которых семья как терминальная ценность утрачивает свою самоценность для индивида, и он прекращает действия по ее воспроизводству и становится структурой инструментальной, когда человек подчиняет семью достижению других целей. Это предположение объясняет тенденции отодвигать во времени момент создания семьи в ее классическом понимании, и выдвижения на первый план добрачных союзов. Институционализация данных типов отношений вызывает определенную озабоченность, как у экспертов, так и у государственных структур ввиду чего в последние годы принят комплекс мер по поддержке молодых семей. Происходящие преобразования семейной сферы, а также связанная с этим многообразность форм семейной жизни говорят об усилении прагматизации семейных отношений. В контексте изучения доверия эти изменения могут расцениваться как негативные ввиду того, что семья как малая группа в сознании индивида отчасти утрачивает свою стабилизирующую функцию. Речь идет о том, что ранее потрясения, полученные человеком в процессе его трудовой, общественной или иной

социальной деятельности гасились в кругу семьи: в маленьком островке спокойствия. Сейчас семья, будучи сама по себе весьма динамичной структурой, этим качеством в должной мере не обладает. По нашему мнению, благо семьи может и должно быть рассмотрено в качестве ресурса, источника импульса развития социума. И развитие будет происходить в первую очередь через труд.

Ситуация с человеческим капиталом работников, занятых в российской экономике, в принципе достаточно сложная. Массовый уход молодежи в торговлю, отсутствие возможности трудоустроится по специальности на фоне массовизации высшего образования, только часть негативных тенденций действительности. Все они могут получить свое объяснение с позиций кризиса доверия в современном российском обществе, поскольку подобные проблемы осуществления оптимизационных мер в отношении производственной и экономической сфер берут свое начало как следствие незавершенности начатых преобразований и, в свою очередь, становятся препятствием на пути дальнейших позитивных сдвигов. Они выступают серьезными барьерами на пути продвижения российского общества к высшему этапу развития постиндустриальной экономики и инновационной экономики. Кроме того, не стоит упускать из виду субъективную сторону: отсутствие доверия к институтам, правовой системе в целом приводят к невозможности планировать будущее на сколь-нибудь продолжительный период и неуверенность в будущем. Соответственно на первый план выходит добывание денег любым способом прямо сейчас, «жить одним днем». Как следствие, усиление оппортунистического поведения, цинизм и сопутствующая нестабильность. Несмотря на определенное «тлетворное» влияние западной культуры, мы склонны считать первопричиной именно это.

Указанные обстоятельства подводят нас к тому, что решение проблемы оптимизации, не лежит в одной лишь плоскости экономических

отношений. Важно не упускать из виду тот фундамент, на котором преобразования могут и должны эффективно реализовываться. Нам представляется, что в качестве такой основы должен быть рассмотрен человек, активно занятый трудом, работник, сознательно ориентированный на саморазвитие, строящий перспективы на ближайшее будущее, рациональный и эффективный, как и сама система производственных отношений в целом.

Исходя из принципиальной значимости доверия для развития оптимизационных процессов, мы хотели бы остановиться на следующем моменте. Рассматривая доверие как определенную норму человеческой коммуникации, обуславливающей эффективность и долгосрочность взаимодействия, мы тем самым подразумеваем некоторый институциональный характер. Согласно одному из общепринятых представлений, социальный институт это «исторически сложившаяся или созданная целенаправленными усилиями форма организации совместной жизнедеятельности людей, существование которой диктуется необходимостью удовлетворения социальных, экономических, политических, культурных или иных потребностей общества в целом или его части» [21, с.48]. Они способны оказывать значительное влияние на поступки людей путем установления системы правил и закреплённых моделей поведения, а также через использование некоторого набора средств давления и принуждения. И поскольку институты способствуют регуляции социальных взаимодействий, что в свою очередь позволяет осуществлять обмен с меньшим уровнем сопутствующих издержек, в современных публикациях неинституциональной направленности доверию уделяется значительное внимание.

Широко известен тезис Д. Норта: «институты имеют значение» [100]. И эта значимость имеет как прямую, так и обратную обусловленность: честность и добропорядочность способствуют нарастанию материального благополучия, равно как достижение

определенного уровня экономического развития создает условия для роста доверительности. Возможность такой двусторонней связи, осознавалась многими исследователями, вместе с тем поначалу ей не уделялось должного внимания. Впоследствии этот недостаток был компенсирован многочисленными исследованиями влияния социального капитала на экономическое развитие, проведенными по заказу Мирового Банка. В них было успешно доказана существующая связь социального капитала с уровнем экономического роста и ВВП. Например, группа под руководством Ла Порта в 1997 году провела исследование влияния уровня доверия на некоторые показатели социально-экономического развития, по результатам которого пришла к наличию положительной причинной связи: рост доверия приводит к улучшению показателей развития, таких как эффективность управленческого аппарата, налогообложение, и т.д.

В качестве объяснения было вынесено предположение что общественно-политические институты, пользующиеся доверием граждан, играют роль проводников определенных сил, протекающих в социальной среде и обеспечивающих ее предсказуемость, т.е. выступают в качестве средств снижения транзакционных издержек. С другой стороны, в работах неинституционалистов, таких как А. Аузан, прослеживается идея о принципиальной невозможности сведения транзакционных издержек к нулю. Речь идет о том, что по большому счету издержки не исчезают, а принимают иную, менее острую в данных социально-экономических условиях, форму, тем самым снижается напряженность. Преодоление транзакционных издержек также связано с определенными затратами, например, услуги охранных структур, правозащитников, различных экспертов, защита интересов в суде и т.п.

Вместе с тем, следует учесть, что институты не всегда эволюционируют от менее к более эффективным. Институты, обладающие сравнительно низкой эффективностью способны существовать достаточно долго по причине институциональной инерции и зависимости от

предшествующего направления развития. Недостаточная эффективность институтов связана с повышением уровня транзакционных издержек, которые в свою очередь ограничивают обменные операции. Однако большую обеспокоенность вызывает тот факт, что такие институты создают искаженные стимулы. Организационная жизнеспособность имеет тесную взаимосвязь как с внешними для нее институтами, так и с внутренними нормами, установками и моделями поведения. Действия индивидов внутри организации обусловлены правилами, которые упорядочивают повседневные социальные практики внутри организации, а также способствуют постоянству и динамическому равновесию организации.

Имея в своей основе информационную природу, реализующуюся в создании явного и неявного знания, институты, существующие как внутри, так и снаружи организационных форм, определяют возможности и ограничения для управления. Однако возможности управляющего воздействия могут быть сильно ограниченными, в случае наличия устойчивых неэффективных институциональных форм, которые будут тормозить развитие организации. Другим важным моментом является тот факт, что функционирование институтов в значительной степени связано с интерпретацией индивидами системы правил и моделей поведения, включенных в структуру действия данного социального института. При этом существует проблема интерпретации правил и моделей поведения, содержащихся в институте, что впоследствии ведет к изменению самого института.

Предположение о том, что доверие является действительным базовым компонентом социального капитала, тесно взаимосвязанным с другими формами и соответственно сопутствует оптимизационным процессам, находит свое подтверждение в следующем. В связи с тем, что большое количество людей способно придерживаться схожих чувств и мнений, которые влияют на их поведение, доверие становится предметом

изучения социологии, экономики и социальной философии. В качестве экономической категории акцент делается на ожиданиях и субъективной вероятности того, определенные индивиды будут вести себя согласно принятым правилам, совершая поступки, не ущемляющие интересы других участников социально-экономических отношений. Доверие как порядок, который разделяет некоторая общность индивидов, поддается математическому анализу, что в свою очередь открывает перспективы углубленного социологического и экономического изучения. Согласно данным World Values Survey наша страна характеризуется чрезвычайно низкими значениями уровня доверия. Рядом исследователей начиная с Ф. Фукуямы, сделаны выводы о наличии причинно-следственной связи между доверием и благосостоянием нации. Использование данной методики не подтвердило наличие связи между уровнем доверия и культурными особенностями.

У нашей страны свое, неповторимое положение на ментальной карте мира, обусловленное как спецификой национальной культуры, так и оптимизационными процессами на данном этапе. Влияние западной культуры велико и ощущается вполне явственно. Однако локализованной копией Запада современное российское общество не является, поскольку сильны присущие исключительно отечественному человеку особенности, что не может не радовать. Сохранение культурного многообразия, без смещения в искаженные формы национализма, по-нашему мнению, будет для нашей страны настоящим достижением.

Накапливающийся в современном обществе значительный социально-психологический ресурс позволяет надеяться на скорый оптимизационный прорыв, которого так ждет российский социум. В качестве примеров, отражающих потенциал духовно-нравственного обновления сознания жителей нашей страны, может быть рассмотрены идентификационные характеристики. Согласно результатам социологических исследований, гражданственность в сознании россиян

является наиболее распространенной я идентификацией, притом, что идентификации связанные с локацией проживания выражены менее. Кроме того, значительным весом обладает идентификация мы, характеризующая чувство общности с другими людьми. Все это свидетельствует о формировании внутренней интегрированности российского социума на уровне достаточно высоком, чтобы говорить о возможности в обозримой перспективе построения гражданской нации.

Главной задачей оптимизации на наш взгляд является объединение российского общества для выработки мер, способных преобразовать экономический, социальный и культурный потенциал в действия направленные на улучшение качества жизни и накопление человеческого капитала. В свете чего приоритетными направлениями становятся изменения правил поведения субъектов социально-экономических отношений, достижение качественных сдвигов в институциональных преобразованиях, повышение конкурентоспособности экономики страны.

В структуре данных процессов доверию отведена важная роль, которую, тем не менее, достаточно непросто сформулировать. Мероприятия, осуществляемые государством и поддающиеся государственному контролю должны в полной мере оценивать существующие в социальной среде настроения и готовность людей к взаимному доверию. Важно соблюсти тонкий баланс между доверчивостью, способной простимулировать все слои населения к честному добросовестному поведению, исполнению заданных ролей с соблюдением законности и возможными рисками которые сопровождают доверительность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках настоящего диссертационного исследования нами предложено авторское видение значимости доверия для осуществления социальных взаимодействий, которые в свою очередь являются обязательным условием воспроизводства социально-экономической реальности. Проведен теоретико-методологический анализ подходов разных направлений социально-философского знания к исследованию генезиса доверия, который позволяет говорить о чрезвычайной сложности и многогранности данного феномена. Несмотря на то, что доверие является ментальным актом, оно имеет существенное значение для воспроизводства социальной структуры, находя свое выражение в склонности к определенной системе действий. Установлена значимость доверия для существования социальной действительности.

Предложена концептуальная схема проявления доверия в системе повседневных социальных практик: оно априорно присутствует в структуре социального взаимодействия, в ситуациях, когда по некоторым причинам, системно-определяемые ролевые ожидания в должной мере не осуществляются. Открытость пространства ролей и ролевых ожиданий предоставляют перспективы для поведения, отклоняющегося от принятой системы действий. Эти перспективы вне ролевого поведения, в свою очередь, служат источником для оппортунистического поведения и соответственно для доверительного, поскольку доверие являет свой смысл лишь в такой связке. В противном случае о доверии как таковом речи не идет; оно отодвигается на второй план и не имеет критического значения.

Определено, что доверие, представляет собой основу социальной интеграции и базируется на фундаменте согласия большей части членов сообщества, придерживаться единой системы ценностей. Отсюда следует, что предположение в чьей-либо добросовестности и честности выступает в

роли одной из структурных оснований общественного взаимопонимания и зачастую определяет перспективу и ориентированность основных социально-экономических преобразований, равно как и целостность общества. Поэтому при отсутствии доверия справедливо можно предположить задача объединения людей, а также вовлечения их в различные социальные группы и процессы конструктивного взаимодействия становится трудно выполнимой.

Сочетание историко-генетического, системного, структурно-функционального подходов, дополненных диалектическим методом, способствовало углубленному осмыслению социокультурных факторов, детерминирующих доверительность во взаимоотношениях участников социального действия. Доверие априорно сопровождает некоторое чувство общности, которое в свою очередь налагает определенные взаимные правила взаимодействия. Представление о взаимности в отношениях, основанных на доверии, является нормой, поскольку в случае отклонения, выхода из очерченных границ поведения в отношении нарушителя применяются формальные и неформальные санкции. Обоснованность наказания не ставится под сомнение участниками взаимодействия, поскольку также априорно связано с установлением доверительного контакта. Состояние основных сфер жизнедеятельности российского общества, выраженное в социально-экономических показателях, отражает несостоятельность проводимых реформ, и свидетельствуют о низком уровне доверия в социуме.

Обозначены концептуально значимые моменты исследования проблематики доверия, имеющие потенциал быть использованными при дальнейшей разработке модели «общества доверия». Данное понятие могло бы акцентировать исследовательское внимание не столько на самих доверительных отношениях, сколько для обозначения отдельных признаков современного общества, сопровождающих доверительное взаимодействие. Представлен критический анализ современных западных

концепций доверия, отмечены наиболее перспективные и значимые направления. Вместе с тем, отмечены подходы, отличающиеся некоторой однобокостью и недостаточной глубиной проработки.

В ходе настоящего исследования удалось показать причинно-следственную связь эффективностью оптимизационных процессов и уровнем доверия. Являясь действительным базовым компонентом социального капитала, доверие проявляет оптимизационное воздействие за счет гармонизации межличностных отношений и воспроизводя устойчивые модели поведения, способствующие стабильности общественной системы. Недостаток доверия вызывает неприятие сдвигов, отторжение социальных преобразований, несмотря на их явный положительный потенциал. Гармоничное соответствие доверия и социального климата естественным образом налаживает межличностные отношения человека, способствует формированию целостности личности и ее зрелости. Взаимодействуя с миром, доверие позволяет познавать человеку познавать и преобразовать себя.

Вместе с тем, автор не склоняется к абсолютизации значения высокого уровня доверия. В работе подчеркивается, что четко определенной «хорошей» стратегии доверительного действия не существует. Оказание излишней доверчивости может привести к значительным экономическим потерям и подорвать устойчивость социальной системы. Стратегия доверительного действия может носить характер более или менее соответствующей действительному положению вещей и способствующей дальнейшему воспроизводству социальных связей. При этом важно учитывать все многообразие интересов участников отношений, поскольку интересы не обязательно имеют антагонистическую природу.

По нашему мнению, доверие является феноменом сложным и многогранным, требующим вдумчивого и аккуратного обращения. Понимание сущности доверия в контексте социального взаимодействия

открывает перспективы для управленческого воздействия, поскольку позволяет выработать условия, благоприятствующие раскрытию человеческого потенциала как индивида и участника социальной группы. Обоснована связь между воспроизводством человека, социальных общностей во всем многообразии их социальных качеств и свободой, и уверенностью, сопряженной с чувством взаимного доверия между членами сообщества. Это в свою очередь расширяет круг инструментов, которыми может воспользоваться сообщество для защиты перед лицом глобальных угроз. Как показало настоящее исследование, российская действительность, при все неоднозначности социально-экономической и политической ситуации, обладает ресурсами и скрытыми резервами для улучшения доверительного климата. Однако преобразованиям должно предшествовать серьезная научная проработка как теоретического социально-философского, так и прикладного характера, акцентирующие внимание на отечественной специфике доверительного контакта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева, О.А. Стабильность и нестабильность в контексте социокультурного развития [Текст] / О.А. Андреева. – Таганрог: ТИУиЭ, 2000. – 232 с.
2. Алексеева, А.Ю. Уверенность, обобщенное доверие и межличностное доверие: критерии различения [Текст] / А.Ю. Алексеева // Социальная реальность. – 2008. – № 7. – С. 85-98.
3. Алешин, А.С. Доверие как социокультурный феномен: автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / А.С. Алешин. – Таганрог, 2006. – 32 с.
4. Андропова, И.В. Гражданское общество: теоретико-методологические исследования [Текст] / И.В. Андропова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2004. – № 7. – С. 9-13.
5. Аникин, Д.А. Социокультурные факторы конструирования риска [Текст] / Д.А. Аникин // Общество риска: цивилизационный вызов и ответ человечества. – Саратов, 2006. – С. 54-49.
6. Антоненко, И.В. Социально-психологическая концепция доверия [Текст] / И.В. Антоненко. – М. : Флинта. Наука. – 2006. – 144 с.
7. Антоненко, И.В. Социально-психологическая сущность доверия: от психического явления к функциональному органу [Текст] / И.В. Антоненко // Вестник ГУУ. Серия : Социология и управление персоналом. – 2008. – № 10 (48). – С. 19-22.
8. Аузан, А.А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь [Текст] / А.А. Аузан. – М. : Изд-во «Манн, Иванов и Фербер», 2013. – 160 с.
9. Афанасьев, И.А. «Общество риска» как современный теоретический и идеологический конструкт [Текст] / И.А. Афанасьев //

Общество риска и человек: онтологический и ценностный аспекты. – Саратов : Изд-во «Наука», 2006. – С. 103-122;

10. Балакшин, М.Е. Доверие как основа развития партнерских отношений: дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / М.Е. Балакшин. – Москва, 2011. – 32 с.

11. Белянин, А.В., Зинченко, В.П. Доверие в экономике и общественной жизни [Текст] / А.В. Белянин, В.П. Зинченко. – М. : Фонд «Либеральная миссия». – 2010. – 164 с.

12. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания [Текст] / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Изд-во Медиум, 1995. – 323 с.

13. Бертон, Дж. Конфликт и коммуникация. Использование контролируемой коммуникации в международных отношениях [Текст] / Дж. Бертон // Социально-гуманитарные знания. – 1999. – № 2. – С. 33-42.

14. Блумер, Г. Общество как символическая интеракция // Современная зарубежная социальная психология: тексты / Под ред. Т.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой, Л.А. Петровской. – М. : Изд-во МГУ, 1984. – С. 173-179.

15. Блэк, С. Динамика модернизации: сравнительное исследование истории. Изд. 2-е перераб. [Текст] / С. Блэк // М. : Наука, 2004. – 235 с.

16. Бродель, Ф. Игры обмена [Текст] / Ф. Бродель. – М. : Изд-во «Весь мир», 2006. – 672 с.

17. Бубер, М. Проблема человека. Перспективы [Текст] / М. Бубер // Сборник «Два образа веры». – М. : Республика, 1995. – 464 с.

18. Бурдьё, П. Социология социального пространства [Текст] / П. Бурдьё. – СПб. : Алетейя, 2005. – 288 с.

19. Бутенко, А.П. Откуда и куда идем: Взгляд философа на историю советского общества [Текст] / А.П. Бутенко. – Л. : Лениздат, 1990. – 288 с.

20. Вебер, М. Избранные произведения [Текст] / М. Вебер. – М. : «Прогресс», 1990. – 808 с.
21. Веселов, Ю.В. Экономика и социология доверия [Текст] / Ю.В. Веселов. – СПб. : Изд-во Социол. общ-ва им. М.М. Ковалевского, 2004. – 193 с.
22. Веселов, Ю.В. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества [Текст] / Ю.В. Веселов. – СПб. : Изд-во Социол. общ-ва им. М.М. Ковалевского, 2004. – С. 16-32.
23. Веселов, Ю.В. Трансформация доверия в российском/советском обществе [Текст] / Ю.В. Веселов. – Изд-во Социол. общ-ва им. М.М. Ковалевского, 2004. – С. 109-134.
24. Веселов, Ю.В. Классики экономической социологии: Карл Полаanyi [Текст] / Ю.В. Веселов. – Социологические исследования. – 1999. – № 1. – С. 111-115.
25. Веселов, Ю.В. Доверие и справедливость: моральные основания современного экономического общества [Текст] / Ю.В. Веселов. – М. : «Аспект Пресс», 2011. – 231 с.
26. Вилдавски, А. Теории восприятия риска: кто боится, чего и почему [Текст] / А. Вилдавски // TESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Риск, неопределённость, случайность. – 1994. – Вып. 5. – С. 268-276.
27. Володин, А.Г. Гражданское общество и модернизация в России. Истоки и современная проблематика [Текст] / А.Г. Володин // М. : Полис. – 2000. – № 3. – С. 104-116.
28. Вольчик, В.В. Проблема доверия и модернизации институтов [Текст] / В.В. Вольчик // Terra Economicus. – 2012. – Т. 10. – № 2. – С. 12-18.
29. Гегель, Г. Феноменология Духа. Философия истории [Текст] / Г. Гегель // М. : «Эксмо», 2007. – 880 с.

30. Гидденс, Э. Последствия современности [Текст] / Э. Гидденс. – М. : Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. – 352 с.
31. Гидденс, Э. Судьба, риск и безопасность [Текст] / Э. Гидденс; пер. с англ. // TESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Риск, неопределённость, случайность. 1994. – Вып. 5. – С. 107-134.
32. Гидденс, Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь [Текст] / Э. Гидденс. – М. : «Весь Мир», 2004. – 116 с.
33. Гилязитдинов, Дж. М. Теория интегративного маятникового общества и проблемы социального реформирования [Текст] / Дж. М. Гилязитдинов // Проблемы социального реформирования в Башкортостане. – Уфа: Уфимский юридический ин-т МВД РФ, 1999. – С. 3-14.
34. Говир, Т. Недоверие как практическая проблема [Текст] / Т. Говир // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер.11. Социология. – 1994. – № 3. – С. 94-98.
35. Голенкова, З.Т. Гражданское общество в России [Текст] / З.Т. Голенкова // Социологические исследования. – 1997. – № 3. – С. 25-36.
36. Горшков, М.К. Российская повседневность в условиях кризиса [Текст] / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. – М. : Альфа-М., 2009. – 272 с
37. Горшков, М.К. Социальные факторы модернизации российского общества с позиций социологической науки. [Электронный ресурс] / М.К. Горшков // М. : Институт социологии РАН, – 2009. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2011/03/11/1214896847/Gorshkov_3.pdf
38. Готово ли российское общество к модернизации. Аналитический доклад ИС РАН [Электронный ресурс] / под ред. Е.Н. Кофановой // М. : Изд-во Институт социологии РАН, – 2010. URL: http://www.isras.ru/files/File/Doclad/gotovo_li_rossijskoe_obshestvo_k_modernizacii.pdf (дата обращения: 10.06.2014).

39. Гражданское общество в модернизирующейся России. Аналитический доклад Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ «Высшая школа экономики» по итогам реализации проекта «Индекс гражданского общества [Электронный ресурс] / Л.И. Якобсон, И.В. Мерсиянова, О.Н. Кононыхина // М. : НИУ ВШЭ, – 2011. – 60 с. URL: <http://www.gosbook.ru/node/70353> (дата обращения: 22.02.2014).

40. Грановеттер, М. Сила слабых связей [Текст] / М. Грановеттер // Экономическая социология. – 2009. – Т. 10. – № 4. – С. 31-50.

41. Гришин, В.В. Рациональные и иррациональные аспекты социального доверия в ментальности россиян [Текст] / В.В. Гришин // Мониторинг общественного мнения. – 2010. – № 1 (95). – С. 156-171.

42. Гуссерль, Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука [Текст] / Э. Гуссерль. – М, 2000 – 464 с.

43. Гуревич, П.С. Философия человека [Электронный ресурс] / П.С. Гуревич // М. : ИФ РАН. – 1999. URL: <http://psylib.org.ua/books/gurep01/txt17.htm> (дата обращения: 15.10.2014).

44. Данкин, Д.М. Доверие как фактор стабильности [Текст] / Д.М. Данкин // Научные записки ИМЭИ. – 2012. – Т. 2. – № 1. – С. 7-24.

45. Данкин, Д.М. Культура доверия как важнейший ресурс безопасности [Текст] / Д.М. Данкин // Безопасность Евразии. – 2005. – № 4. – 166 с.

46. Дискин, И.Е. Кризис... и все же модернизация [Текст] / И.Е. Дискин. – М. : «Европа», 2009. – 264 с.

47. Дарендорф, Р. Элементы теории социального конфликта [Текст] / Р. Дарендорф // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 142-147.

48. Дарендорф, Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы [Текст] / Р. Дарендорф. – М. : Изд-во «Росспэн», 2002. – 289 с.
49. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества [Текст] / отв. ред. А.Б. Купрейченко, И.В. Мерсиянова. – М. : Изд. дом НИУ ВШЭ, 2013. – 564 с.
50. Додонов, Ю.С. Функциональная система действия. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2011 г. [Электронный ресурс] / Ю.С. Додонов // Документы XV Всемирного русского народного собора. Москва. 26 мая 2011г. URL: <http://www.psychology-online.net/articles/doc-151.html> (дата обращения: 17.12.2014).
51. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации в 1999 году [Текст] / под общ. ред. Ю.Е. Федорова // М. : Права человека, 1999. – 176 с.
52. Елизарова, О.А. Доверие и действие в немецкой традиции [Текст] / О.А. Елизарова // Идеи и идеалы. – 2011. – Т. 2. – №4 (10). – С. 41-47.
53. Еремичева, Г., Симпура, Ю. Недоверие как социальная проблема современной России [Текст] / Г. Еремичева, Ю. Симпура // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1999. – Т. 2. – № 4. – С. 145-159.
54. Журавлев, А.Л., Купрейченко, А.Б. Психология доверия и недоверия: теория, эмпирика и практика [Текст] / А.Л. Журавлев. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. – 571 с.
55. Журавлев, А.Л., Купрейченко, А.Б. Нравственно-психологическая регуляция экономической деятельности [Текст] / А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2003. – С. 98-104.

56. Заболотная, Г.М. Социальный и политический капитал гражданского общества [Электронный ресурс] / Г.М. Заболотная. – М. : Изд. дом НИУ ВШЭ, – 2011. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Zabolotnaya.pdf> (дата обращения: 22.05.2014).

57. Зайцев, А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н.э. [Текст] / под ред. Л. Я. Жмудь. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2000. – 317 с.

58. Зиммель, Г. Избранное. Том 1. Философия культуры [Текст] / Г. Зиммель / М. : Юрист, 1996. – 671 с.

59. Зинченко, В.П. Психология доверия [Текст] / В.П. Зинченко // Вопросы философии. – 1998. – № 7. – С. 76-93.

60. Инглхарт, Р., Вельцель, К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития [Текст] / Р. Инглхарт, Кр. Вельцель. – М. : «Новое издательство», 2011. – 464 с.

61. Калинин, И.В., Ашлапова, Е.В. К вопросу о проблематике психологии доверия в системе внутриорганизационных отношений [Текст] / И.В. Калинин, Е.В. Ашлапова, // Рыночная психология в контексте русской ментальности (региональный аспект) / ред. Д.С. Точеный. – Ульяновск : УлГУ, 2000. – С. 181-191.

62. Канеман, Д., Тверски, А. Рациональный выбор, ценности и фреймы [Текст] / Д. Канеман, А. Тверски // Психологический журнал. – 2003. – Т. 24. – № 4. – С. 31-42.

63. Кант, И. Сочинения в шести томах [Текст] / И. Кант. – М. : Мысль, 1965. – Т. 4. – Ч. I. – С. 211-310.

64. Кастельс, М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

65. Кемеров, В.Е. Позиции и пути современной социальной философии [Текст] / В.Е. Кемеров // Вестник Волгоградского государственного университета. – Сер. 7 (Филос). – 2011. – № 2 (14). – С. 28-39.
66. Кемеров, В.Е. Общество, социальность, полисубъектность [Текст] / В.Е. Кемеров // М. : Академический Проект ; Фонд «Мир», 2012. – 252 с.
67. Кертман, Г. Межличностное доверие в России [Текст] / Г. Кертман // Социальная реальность. – 2006. – № 4. – С. 7-24.
68. Князев, Д.В. Социально-управленческие механизмы формирования доверия населения к институтам государственной власти: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.08 / Д. В. Князев. – Москва, 2009. – 175 с.
69. Козырева, П.М. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества. Межличностное доверие в контексте формирования социального капитала [Текст] / П.М. Козырева // Социологические исследования. – 2009. – № 1. – С. 43-54.
70. Козырева, П.М., Смирнов, А.И. Доверие и его роль в консолидации российского общества [Электронный ресурс] / П.М. Козырева, А.И. Смирнов // Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение. – М. : Новый хронограф, – 2010. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Doverie_rol.pdf (дата обращения: 22.04.2014).
71. Кон, И.С. В поисках себя. Личность и её самосознание [Текст] / И.С. Кон. – М. : Политиздат, 1984. – 336 с.
72. Коньков, А.Т. Социальный капитал как концепция экономической социологии и его роль в системе экономического взаимодействия: автореф. дис. ... докт. экономич. наук: 08.00.01 / А.Т. Коньков. – М., 2006. – 46 с.
73. Корнаи, Я. Честность и доверие в переходной экономике [Текст] / Я. Корнаи // Вопросы экономики. – 2003. – № 9. – С. 4-17.

74. Коулмен, Дж. Введение социальной структуры в экономический анализ [Электронный ресурс] / Дж. Коулмен, пер. с англ. А. А. Куракина // Экономическая социология. – 2009. – Т. 10. – № 3. URL: http://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204980/ecsoc_t10_n3.pdf (дата обращения: 15.08.2014).

75. Коулмен, Дж. Капитал социальный и человеческий [Текст] / Дж. Коулмен // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 122-139.

76. Кривопусков, В.В. Методологические основания социологического исследования доверия как фактора консолидации российского общества [Электронный ресурс] / В.В. Кривопусков // Социологические науки. – 2013. – № 1. URL: http://www.online-science.ru/m/products/social_science/gid297/pg0/ (дата обращения: 10.06.2015).

77. Крозье, М. Основные тенденции современных сложных обществ [Текст] / М. Крозье // Социально-политический журнал. – 1992. – № 6-7. – С. 27-36.

78. Куле, К. СМИ в Древней Греции: сочинения, речи, разыскания, путешествия... / Пер. с франц. С.В. Кулланды. – М. : Новое литературное обозрение, 2004. – 256 с.

79. Култыгин, В.П. Концепция социального обмена в современной социологии [Текст] / В.П. Култыгин // Социологические исследования. – 1997. – № 5. – С. 85-99.

80. Купрейченко, А.Б. Психологические феномены доверия и недоверия – общие и дифференцирующие признаки [Текст] / А.Б. Купрейченко // Мотивация в психологии управления: материалы Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. А.В. Капцов. – Самара: СГА, 2006. – С. 8-16.

81. Купрейченко, А.Б. Психология доверия и недоверия [Текст] / А.Б. Купрейченко. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. – 564 с.
82. Купрейченко, А.Б. Проблема доверия и недоверия на перекрестке наук [Текст] / А.Б. Купрейченко // Ученые записки ИМЭИ. Проблема доверия в современной науке (тематич. вып.). – 2012. – № 1 (3). – С. 4-5.
83. Купрейченко, А.Б. Качественный аспект социального доверия (существуют ли «хорошее» и «плохое» доверие?) [Текст] / А.Б. Купрейченко // Человек в социальных и экономических отношениях: Материалы всероссийской науч. конференции / отв. ред. А.Б. Купрейченко, Л.Н. Широкова. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2012б. – С. 316-321.
84. Лапин, Н.И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации [Текст] / Н.И. Лапин // М. : Социс. – 2011. – № 9. – С. 34-41.
85. Лебедев, А.Н. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества. Психология маркетинговых коммуникаций в инновационной экономике [Текст] / А.Н. Лебедев // Экономическая психология: прошлое, настоящее, будущее: материалы международной научно-практической конференции 12–13 октября 2011 г. Саратов: СГСЭУ, 2011. – С. 162-163.
86. Лебедева, Н.М., Татарко, А.Н. Культура как фактор общественного прогресса [Электронный ресурс] / Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко // М. : ЗАО «Юстицинформ», – 2009. – 409 с. URL: http://www.hse.ru/data/2010/03/20/1227784320/Культура_как_фактор_общественного_прогресса.pdf (дата обращения: 19.08.2014).
87. Луман, Н. Социальные системы. Очерк общей теории [Текст] / Н. Луман. – СПб. : Наука, 2007. – 648 с.

88. Магомедов, М.Г. Социальное доверие в российском обществе: социологический анализ: дис. ... доктора социол. наук: 22.00.04 / М.Г. Магомедов. – Ростов-на-Дону, 2009. – 309 с.
89. Мамут, Л.С. Гражданское общество и государство: проблема соотношения [Текст] / Л.С. Мамут // *Общественные науки и современность*. – 2002. – № 5. – С. 94-103.
90. Маслоу, А. Мотивация и личность [Электронный ресурс] / А. Маслоу. – СПб. : Евразия, – 1999. URL: <http://flogiston.ru/library/maslow> (дата обращения: 12.02.2014).
91. Межуев, В.М. Гражданское общество и современная Россия [Текст] / В.М. Межуев // *Человек и культура в становлении гражданского общества в России*. – М. : ИФРАН, 2008. – 122 с.
92. Мерсиянова, И.В. Социальная база российского гражданского общества [Текст] / И.В. Мерсиянова // *Общественные науки и современность*. – 2009. – № 4. – С. 35-45.
93. Мерсиянова, И.В., Пахомова, Е.И., Якимец, В.Н. Роль доверия к госслужащим во взаимодействии гражданского общества и государства [Текст] / И.В. Мерсиянова, Е.И. Пахомова, В.Н. Якимец // По мат. XII Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. – М. : Издательский дом «Высшая школа экономики», 2012. – С. 241-251.
94. Минина, В.Н. Проблема недоверия в системе государственного управления современным российским обществом [Текст] / В.Н. Минина // *Социология политики и управления: сб. статей / под ред. Л.Т. Волчковой*. – СПб. : Книжный дом, 2002. – С. 87-97.
95. Минина, В.Н. Недоверие к государственным институтам в российском обществе [Текст] / В.Н. Минина // *Экономика и социология доверия / под ред. Ю.В. Веселова*. – СПб. : Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2004. – С. 150-167.

96. Мосс, М. Общества, обмен, личность [Текст] / М. Мосс. – М. : КДУ – 2011. – 416 с.

97. Мышляева, Т.В. Доверие в современном обществе: подходы к анализу [Текст] / Т.В. Мышляева // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2006. – № 1. – С. 301-307.

98. Найт, Ф. Понятие риска и неопределенности [Текст] / Ф. Найт // THESIS. 1994. – Вып. 5. – Население России 2009: XVII ежегодный демографический доклад / отв. ред. А.Г. Вишневский. М. : Издательский дом «Высшая школа экономики», 2011. – 216 с.

99. Некрасов, С.Н. Как гарантировать безопасность России в глобальном мире [Текст] / С.Н. Некрасов. – Екатеринбург, УрГСХА, 2008. – 410 с.

100. Норт, Д. Понимание процесса экономических изменений [Текст] / Д. Норт. – М. : Издательский дом НИУ «Высшая школа экономики», 2010. – 254 с.

101. Олсон, М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп [Текст] / М. Олсон. – М. : ФЭИ, 1995. – 174 с.

102. Осокина, Н. В., Суворов, А. С. Миросистема в условиях глобализации // Материалы II Международного научного конгресса «Глобалистика – 2011: пути к стратегической стабильности и проблема глобального управления» / под ред. И. И. Абылгазиева, И. В. Ильина в 2 т. М. : МАКС Пресс, 2011. Т. 1.

103. Павленко, А.Н. Бытие у своего порога (посильные размышления) [Текст] / А.Н. Павленко. – М. : ИФ РАН, 1997. – 211 с.

104. Пагдон, Э. Европа и Запад: меняющиеся идентичности [Электронный ресурс] / Э. Пагдон // Журнальный клуб Интелрос, Ярославская инициатива. URL: http://www.intelros.ru/pdf/yar_ini/2011_04_11/11.pdf (дата обращения: 10.04.2015).

105. Панфилова, Э. А. Риск в жизненных стратегиях индивида современного общества: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Э.А. Панфилова. – Ростов-на-Дону, 2012. – 188 с.

106. Петраков, Н. К вопросу о модернизации экономики [Текст] / Н. Петраков // Экономист. – 2010. – № 12. – С. 61-67.

107. Петрова, И.С., Чанхиева Ф.Ю. Этические основания кросскультурных коммуникаций в условиях глобализации [Электронный ресурс] / И.С. Петрова, Ф.Ю. Чанхиева // Экономический журнал. М.: РГГУ. – 2011. – № 2. URL: http://economicarggu.ru/2011_2/chanhieva.pdf (дата обращения: 30.06.2014).

108. Побережников, И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации [Текст] / И.В. Побережников. – М. : РОССПЭН, 2006. – 240 с.

109. Позняков, В.П. Психологические отношения и деловая активность российских предпринимателей [Текст] / В.П. Позняков // М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2001. – 176 с.

110. Поланьи, К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени [Текст] / К. Поланьи // пер. с англ.; под ред. С.Е. Федорова. – СПб. : Издательство «Алетейя», 2002. – 320 с.

111. Поляков, Л. В. Осмысливая модернизации [Текст] / Л.В. Поляков // Мониторинг общественного мнения. – № 1 (101). – 2011. – С. 180-192.

112. Поляков, Л.В. Путь России в современность: модернизация как деархаизация [Текст] / Л.В. Поляков // М., 1998. – 202 с.

113. Поппер, К. Открытое общество и его враги [Текст] / К. Поппер. – М., 1992. – Т. 1. – 448 с.

114. Радаев, В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация [Текст] / В.В. Радаев // Общественные науки и современность. – 2003. – № 2. – С. 5-16.

115. Радаев, В.В. Социология рынков: к формированию нового направления [Текст] / В.В. Радаев / М. : ГУ ВШЭ, 2003. – 328 с.

116. Радаев, В.В., Юдин, Г.Б. Классика новой экономической социологии [Текст] / В.В. Радаев. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 381 с.

117. Ритцер, Дж. Современные социологические теории 5-е изд. [Текст] / Дж. Ритцер. – СПб. : Питер, 2002. – 688 с.

118. Ромашкин, Г.С. Доверие в российском обществе: экономико-социологический анализ: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.03 / Г.С. Ромашкин. – Тюмень, 2011. – 199 с.

119. Рукавишников, В.О. Динамика социальной напряженности и политическое отчуждение в современной России [Текст] / В.О. Рукавишников // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 1996. – № 3. – С. 37-45.

120. Савинков, Л.Л. Некоторые подходы к осмыслению понятия «гражданское общество» [Текст] / Л.Л. Савинков // Вестник Оренбургского государственного ун-та. – Ч. 1. – Гуманитарные науки. – 2007. – № 7. – С. 101-105.

121. Саймон, Г.А. Рациональность как процесс и продукт мышления [Электронный ресурс] / Г.А. Саймон // THESIS, 1993. – Вып. №3. URL: http://igiti.hse.ru/data/003/314/1234/3_1_2simon.pdf (дата обращения: 09.11.2014).

122. Салихов, Г.Г. Проблема идентичности в условиях глобализации [Электронный ресурс] / Г.Г. Салихов // Век глобализации. – Вып. №1 (7). – 2011. URL: <http://www.socionaukI.rU/journal/articleS/132583/> (дата обращения: 10.04.2015).

123. Сасаки, М. Доверие как элемент социального капитала современной России [Текст] / М. Сасаки // Социокультурные проблемы развития регионов России в условиях кризиса: материалы Тюменского социологического форума 15–16 октября 2009 г. / М. Сасаки, В.А.

Давыденко, Ю.В. Латов, Г.С. Ромашкин; под ред. М.М. Акулич, Г.С. Корепанова, В.А. Юдашкина. Тюмень: Тюменская областная дума, Тюменский государственный ун-т, Тюменский государственный нефтегазовый ун-т, 2009. – С. 55-65.

124. Сафонов, В.С. О психологии доверительного общения [Текст] / В.С. Сафонов // Проблема общения в психологии. – М., 1981. – С. 264-272.

125. Селигмен, А. Проблема доверия [Текст] / А. Селигмен. – М. : Идея-Пресс, 2002. – 256 с.

126. Смирнова, Н.М. Кризис классических методологий и современная познавательная ситуация [Текст] / Н.М. Смирнова // Социологические исследования. – 1995. – №5. – С. 87-94.

127. Соловьев, В.С. Полное собрание сочинений и писем в двадцати томах. Сочинения. Том третий. 1877 – 1881. [Текст] / В.С. Соловьев. – М.: «Наука», 2001, С. 367-390.

128. Сорокин, П. Система социологии [Текст] / П. Сорокин. – М. : «Астрель», 2008. – 1003 с.

129. Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество [Текст] / П. Сорокин. – М. : «Политиздат», 1992. – 542 с.

130. Социальная модернизация в России: Материалы обсуждения за «круглым столом» в Институте философии РАН [Текст] // Вестник Российской Академии Наук. – 1993. – Т. 69. – № 3. – С. 51-53.

131. Степанов, О.В. Примирительные процедуры как способ разрешения социальных конфликтов в социуме, не доверяющему власти [Текст] / О.В. Степанов // Общество и право. Краснодар, 2007. – № 1. – С. 191-197.

132. Столяр, В.Ю. Доверие как феномен социально-экономической реальности: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / В.Ю. Столяр. – Тверь, 2008. – 24 с.

133. Татарко, А.Н. Социальный капитал и модели экономического поведения русских и представителей народов Кавказа [Текст] / А.Н.

Татарко // XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. В 4 кн. – Кн. 3. М. : НИУ ВШЭ, – 2012. – С. 253-275.

134. Татарко, А.Н., Лебедева Н.М. Социальный капитал: теория и психологические исследования. Монография [Текст] / А.Н. Татарко, Н.М. Лебедева. – Москва: РУДН, – 2009. – 233 с.

135. Тоффлер, Э. Третья волна [Текст] / Э. Тоффлер. – М. : «АСТ», – 2010. – 784 с.

136. Тощенко, Ж.Т. Теоретические и прикладные проблемы исследования новых явлений в общественном сознании и социальной практике [Текст] / Ж.Т. Тощенко // Социс. – 2010. – № 10. – С. 3-8.

137. Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством [Электронный ресурс] / под. ред. Л.И. Якобсона // М. : Вершина, 2008. – 296 с. URL : <http://www.hse.ru/data/939/615/1240/factor.pdf> (дата обращения: 14.02.2014).

138. Фреик, Н.В. Концепция доверия в исследованиях П. Штомпки [Текст] / Н.В. Фреик // Социологические исследования. – 2006. – № 11. – С. 10-18.

139. Фромм, Э. Бегство от свободы [Текст] / Э. Фромм. – М. : «АСТ», 2011. – 288 с.

140. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию [Текст] / Ф. Фукуяма. – М. : ООО Издательство «АСТ», 2004. – 730 с.

141. Фукуяма, Ф. Великий разрыв / Ф. Фукуяма; Пер. с англ. под общ.ред. А.В. Александровой [Текст] / Ф. Фукуяма. – М. : ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 223 с.

142. Хабермас, Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма [Текст] / Ю. Хабермас. – М.: ООО «Издательство АСТ», 1999. – 321 с.

143. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций [Текст] / С. Хантингтон. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.
144. Хоманс, Дж. Социальное поведение как обмен [Текст] / Дж. Хоманс // Современная зарубежная социальная психология. – М. : Издательство Московского университета, – 1984. – С. 82-91.
145. Худякова, Н.Л. Ценностные основы социальных отношений [Текст] / Н.Л. Худякова // Вестник ЧелГУ: философия, социология, культурология, выпуск 23, № 4 (258) 2012. – С. 7-11.
146. Шеллинг, Т. Стратегия конфликта [Текст] / Т. Шеллинг; пер. с англ. Т. Даниловой под ред. Ю. Кузнецова, К. Сониной. – М. : ИРИСЭН, 2007. – 366 с.
147. Шилз, Э. Общество и общества: макросоциологический подход [Текст] / Э. Шилз // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. – М. : Прогресс, – 1972. – 392 с.
148. Шкаратан, О.И. Социология неравенства. Теория и реальность [Текст] / О.И. Шкаратан. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 526 с.
149. Шо, Р.Б. Ключи к доверию в организации: результативность, порядочность, проявление заботы [Текст] / Р.Б. Шо. – М. : Дело, 2000. – 272 с.
150. Шорина, И. Н. Институциональное доверие как условие стабильности современного российского общества : региональный аспект : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / И. Н. Шорина. – Пенза, 2013. – 162 с.
151. Шрадер, Х. Доверие, сети и социальный капитал [Текст] / Х. Шрадер // Экономика и социология доверия / под ред. Ю.В. Веселова. – СПб. : Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2004. – С. 49-61.
152. Штомпка, П. Социология социальных изменений [Текст] / П. Штомпка // Пер. с англ.; под ред. В.А. Ядова. – М. : Аспект-Пресс, 1996. – 416 с.

153. Штомпка, П. Доверие – основа общества [Текст] / П. Штомпка // пер. с польск. Н.В. Морозовой. – М. : Логос, 2012. – 445 с.
154. Шютц, А. Структура повседневного мышления [Текст] / А. Шютц // Социологические исследования. – 1988. – № 2. – С. 129-137.
155. Шютц, А. Формирование понятия и теории в общественных науках [Текст] / А. Шютц // Американская социологическая мысль / Под ред. В. И. Добренкова. М. : Изд-во МГУ, 1994. – С. 160-181.
156. Шютц, А. Смысловая структура повседневного мира, (очерки по феноменологической социологии) [Текст] / А. Шютц. – М. : Институт фонда «Общественное мнение», 2003. – 336 с.
157. Экономика и социология доверия [Текст] / под ред. Ю.В. Веселова. – СПб. : Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2004. – 192 с.
158. Эрроу, К. Восприятие риска в психологии и экономической науке [Текст] / К. Эрроу // THESIS, 1994. – Вып. 5. – С. 81-90.
159. Эрроу, К. Коллективный выбор и индивидуальные ценности [Текст] / К. Эрроу. – Москва : ГУ ВШЭ, 2004. – 204 с.
160. Ядов, В.А. Россия как трансформирующееся общество: резюме многолетних дискуссий социологов [Текст] / В.А. Ядов. – М. : Аспект-Пресс, 2004. – 241 с.
161. Ясперс, К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. 2-е изд. – [Текст] К. Ясперс. – М. : Республика, 1994. – 527 с.
162. Glassie, H. Tradition [Text] / H. Glassie // Journal of American Folklore. – 1995. – № 108. – P. 395-412.
163. Granovetter, Mark. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness [Text] / M. Granovetter // American Journal of Sociology. November, 1985. – Vol. 91. – P. 481-510.
164. Levy, M. Modernization and the structure of societies [Text] / M. Levy // Princeton, N.J. : Princeton University Press, 1966. – 880 p.

165. Yamagashi, T. Trust. Encyclopedia of Social Theory [Электронный ресурс] / T. Yamagashi // SAGE Publications, 2005. URL: <http://sage-ereference.com/view/socialtheory/n315.xml> (дата обращения: 02.05.2015).